

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 14 № 5 / 2024

Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 14 № 5 / 2024

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istorija i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовного процесса, криминастики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

- Гриненко Александр Викторович**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
- Дилбандян Самвел Агванович**, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)
- Красильникова Екатерина Ивановна**, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)
- Коростелев Станислав Валентинович**, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Коротеева Наталья Николаевна**, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)
- Лагутин Игорь Борисович**, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
- Малышева Елена Михайловна**, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)
- Никуленко Андрей Вячеславович**, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Новичков Валерий Евгеньевич**, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
- Русскевич Евгений Александрович**, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)
- Рябинина Татьяна Кимовна**, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
- Самович Юлия Владимировна**, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)
- Сафонова Елена Викторовна**, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
- Слатинов Владимир Борисович**, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)
- Соловых Светлана Жорисовна**, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)
- Татьянина Лариса Геннадьевна**, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)
- Хисамутдинова Рашиля Рахимяновна**, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)
- Цыбаков Дмитрий Леонидович**, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)
- Шевченко Алехтина Владимира Владимировна**, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)
- Шевелева Светлана Викторовна**, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2024

 Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 31.10.2024.

Дата выхода в свет 14.11.2024. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печл. 27,1.

Тираж 1000 экз. Заказ 52.

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)
Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenka, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”
**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office:**
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Southwest State University, 2024

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

Sent to the printer 31.10.2024.
Release 14.11.2024. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 27,1.
Circulation 1000 copies. Order 52.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Народные собрания как исторические прообразы парламентаризма.....	10
Тонков Е. Е., Хмелевская И. Г.	
Преднамеренный эколого-правовой риск: правоприменительный и нормотворческий аспекты	20
Гусаров А. В.	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	32
Оригинальные статьи	
Оспаривание (обжалование) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица. Часть 2.....	32
Габов А. В.	
Субсидиарная ответственность саморегулируемой организации в системе способов обеспечения исполнения обязательств.....	69
Филатова У. Б., Кондратьев В. А.	
Сравнение институтов обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения в современном гражданском праве России.....	80
Степанов В. Н.	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ.....	91
Оригинальные статьи	
Участие граждан в рассмотрении судом уголовных дел в отношении несовершеннолетних	91
Марковичева Е. В., Когут А. А.	
Сеть Интернет как объект изучения криминалистической науки.....	105
Белова К. С.	
Цифровые решения для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения.....	115
Маричеева О. В.	
О совершенствовании регулирования процессуального порядка и пределов изменения обвинения судом.....	130
Карпов А. С.	
Общественная опасность самоуправства.....	143
Чапчиков С. С.	
Малозначительность кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода	152
Плещаков А. М., Туманов А. С.	
ПОЛИТОЛОГИЯ.....	163
Оригинальные статьи	
Основные векторы развития этнополитического процесса в современной России	163
Цыбаков Д. Л.	

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	174
Оригинальные статьи	
Военная цензура в России в 1914–1918 годов: структура, особенности работы, документальное наследие.....	174
Богомолов И. К.	
Преступления и наказания за нарушение правил питейной торговли в России (1863–1894 годы)	185
Горюшкина Н. Е.	
Ветеринарно-эпизоотический надзор в России во второй половине XIX века (по материалам Центрального Черноземья).....	199
Третьяк А. С.	
О понятии категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период (на примере Курской губернии).....	211
Петров Н. В.	
Техническая маскировка на защите Ленинграда.....	223
Мурга Н. В.	
К сведению авторов.....	233

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES.....	10
Original articles	
Popular assemblies as historical prototypes of parliamentarism.....	10
<i>Evgeniy E. Tonkov, Irina G. Khmelevskaya</i>	
Deliberate environmental and legal risk: law enforcement and normative aspects.....	20
<i>Artem V. Gusarov</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE.....	32
Original articles	
Challenging (appealing) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity. Part 2.....	32
<i>Andrey V. Gabov</i>	
Subsidiary liability of a self-regulatory organization in the system of methods for ensuring the fulfillment of obligations.....	69
<i>Ulyana B. Filatova, Vladimir A. Kondratiev</i>	
Comparison of institutions of obligation due to harm and unjustified enrichment in modern Russian civil law.....	80
<i>Vladimir N. Stepanov</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCES.....	91
Original articles	
Participation of citizens in the court consideration of criminal cases against minors.....	91
<i>Elena V. Markovicheva, Anastasiya A. Kogut</i>	
The Internet as an object of study of criminalistics science.....	105
<i>Kseniya S. Belova</i>	
Digital solutions for optimizing the sentencing of criminal penalties in times of war.....	115
<i>Olga V. Maricheva</i>	
About improving regulation of the procedural order and the limits of changing the charges by the court.....	130
<i>Alexey S. Karpov</i>	
Social danger of self-rule behaviour.....	143
<i>Sergey S. Chapchikov</i>	
Minor theft committed from oil, oil product and gas pipelines.....	152
<i>Alexander M. Pleshakov, Alexander S. Tumanov</i>	
POLITICAL SCIENCE.....	163
Original articles	
The main vectors of the development of the ethnopolitical process in modern Russia.....	163
<i>Dmitry L. Tsybakov</i>	
HISTORICAL SCIENCES.....	174
Original articles	
Military censorship in Russia in 1914–1918: structure, features of work, documentary legacy.....	174
<i>Igor K. Bogomolov</i>	

Crimes and punishments for violating the rules of drinking trade in Russia (1863–1894).....	185
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
Veterinary and epizootic surveillance in Russia in the second half of the XIX century (based on the materials of the Central Black Earth Region).....	199
<i>Anna S. Tretyak</i>	
On the concept of the category “social structure of the urban population” in the early Soviet period (on the example of the Kursk province).....	211
<i>Nikolay V. Petrov</i>	
Technical Camouflage in the Defense of Leningrad.....	223
<i>Nikolay V. Murga</i>	
FOR AVTORS.....	233

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.5

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-10-19>

Народные собрания как исторические прообразы парламентаризма

Е. Е. Тонков¹, И. Г. Хмелевская^{1✉}

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: khmelevskaya@bsu.edu.ru

Резюме

Актуальность. Становление парламентских механизмов в рамках европейского пространства является итогом прочной политико-правовой традиции. До приобретения парламентами статуса государственных структур социумом разрабатывались особые представительные институты – прообразы парламентаризма, которыми по праву считаются народные собрания. Анализ их правового положения и функционала представляет собой перспективное научное направление, поскольку позволяет сгенерировать закономерности и факторы утверждения парламентаризма в качестве уникальной категории.

Целью является обобщение ретроспективного опыта деятельности народных собраний в контексте их позиционирования как протопарламентских моделей.

Задачи: изучить эмпирическую базу функционирования народных собраний в формате экклесий, комиций, тингов и вече, определить «точки влияния» указанных структур на фиксацию парламентских ценностей в национальных правопорядках.

Методология представлена комбинацией общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, среди которых особое значение имеет сравнительно-правовой метод.

Результаты носят теоретико-прикладной характер и заключаются в суммарном представлении о компетентностном инструментарии народных собраний, действующих в различные исторические периоды на территории европейского континента, и их роли в последующем установлении парламентских принципов.

Выход. Народные собрания в формате экклесий, комиций, тингов и вече, сопровождающие развитие государственного строя различных стран и эпох, являлись своеобразными стимулами для становления парламентаризма, который обретал устойчивый репутационный уровень по мере усложнения социальной архитектуры и внедрения совещательных конструкций в управленческую конъюнктуру. Опыт деятельности народных собраний в значительной степени предопределил дальнейшее возникновение парламентов как естественного результата развития общественных отношений.

Ключевые слова: парламентаризм; парламенты; народные собрания; экклесии; комиции; тинги; вече.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тонков Е. Е., Хмелевская И. Г. Народные собрания как исторические прообразы парламентаризма // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 10–19. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-10-19>

Поступила в редакцию 26.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

© Тонков Е. Е., Хмелевская И. Г., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(5):10-19

Popular assemblies as historical prototypes of parliamentarism

Evgeniy E. Tonkov¹, Irina G. Khmelevskaya¹✉

¹Belgorod National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation
✉ e-mail: khmelevskaya@bsu.edu.ru

Abstract

Relevance. The emergence of parliamentary mechanisms in the European space is the result of a strong political and legal tradition. Before parliaments acquired the status of state structures, society developed special representative institutions - prototypes of parliamentarism, which are rightly considered popular assemblies. The analysis of their legal status and functionality is a promising scientific direction, as it allows us to generate regularities and factors of parliamentarism as a unique category.

Purpose: generalization of retrospective experience of people's assemblies in the context of their positioning as proto-parliamentary models.

Objectives: to study the empirical basis for the functioning of popular assemblies in the format of ecclesia, commissions, tings and veche, to determine the «points of influence» of these structures on the fixation of parliamentary values in national legal orders.

Methodology. The methodology of the research is represented by a combination of general scientific, private scientific and special legal methods, among which the comparative legal method is of particular importance.

Results. The results of the study are of theoretical and applied nature and consist in a summarized view of the competence toolkit of popular assemblies operating in different historical periods on the territory of the European continent and their role in the subsequent establishment of parliamentary principles.

Conclusions. Popular assemblies in the format of ecclesia, commissions, tings and veche, accompanying the development of the state system of various countries and epochs, were peculiar stimuli for the formation of parliamentarism, which acquired a stable reputation as the social architecture became more complex and deliberative structures were introduced into the managerial conjuncture. The experience of people's assemblies largely predetermined the further emergence of parliaments as a natural result of the development of social relations.

Keywords: parliamentarism; parliaments; popular assemblies; ecclesia; commissions; tinges; veche.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tonkov E.E., Khmelevskaya I.G. Popular assemblies as historical prototypes of parliamentarism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Серия: История и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):10–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-10-19>

Received 26.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Отечественная правовая доктрина характеризуется значительной вариативностью подходов к содержательному и функциональному наполнению парламентаризма как самостоятельной категории.

За достаточно долгую историю существования парламентаризм зарекомендовал себя как эффективный и надёжный способ организации внутригосударствен-

ных отношений. Являясь неотъемлемым компонентом управлеченческой системы большинства стран мира, парламенты выступают надежным фундаментом, формирующим ключевые базисы государственности и одновременно способствующим утверждению упорядоченного взаимодействия властных структур и общества.

Большинство представленных в юридической науке трактовок парламен-

таризма модульно можно охарактеризовать следующими параметрами:

1) полная или частичная «ассимиляция» парламентаризма с иным политico-правовым понятием, которая происходит путём раскрытия его фабулы через дефиниции «государственный строй», «политический режим», «система организации государственной власти» и пр.;

2) значительный акцент на ведущей роли парламента, его верховенстве (при подобном подходе первопричиной возникновения и существования парламентаризма является «привилегированное» положение парламента в системе органов государственной власти);

3) выделение в числе квалифицирующих признаков не только верховенства парламента, но и других реквизитов, таких как разделение властей, верховенство права и т. д.;

4) демонстрация сущности парламентаризма через соотношение позиций «парламент – правительство», их полномочий и взаимодействия;

5) расширительное толкование парламентаризма с помощью «аффилированных» элементов – представительного характера парламента, института выборов, статуса депутатов и др. [1]

Фигурирующие в политico-правовой плоскости определения парламентаризма представляют собой разнообразные сочетания указанных атрибутов, но даже с учётом поливариантной природы подобных комбинаций, определяющим признаком для анализируемого феномена является именно верховенство парламента – его доминирующая, существенная, ведущая роль.

Обозначенное свойство проявляется в рамках таких индикаторов, как «избрание депутатов на прямых всеобщих свободных выборах; самостоятельность и независимость парламента в системе разделения властей; высокий уровень полномочий парламента при решении вопросов государственного управления (например, при формировании исполни-

тельной власти); конституционно закрепленные полномочия в процессе законотворчества» [2, с. 61].

Учитывая приведённые выше факты, удачным решением является позиционирование парламентаризма в качестве особой системы организации государственной власти, основой которой выступают принципы разделения властей и верховенства закона с сохранением центральной позиции парламента в рамках становления правопорядка и социального благополучия [3, с. 11].

Важно иметь в виду, что парламентаризм не ассоциируется исключительно со «статичным» политico-правовым институтом, его сущностные характеристики гораздо обширнее и включают в себя определённый набор идей и опыта осуществления представительной власти посредством парламента, учение о парламенте, а также идеино-теоретические постулаты, выступающие научным доказательством необходимости парламентских структур [4].

Так или иначе фактическое отсутствие единой позиции относительно понятийных индикаторов парламентаризма не отменяет устойчивое положение самих парламентов в различных национальных правовых системах.

Концептуально признание за парламентскими институтами статуса стабильных управлеченческих конструкций происходило постепенно и методично, выстраиваясь в отчётливую параллель с развитием социума.

Для успешного закрепления парламентской модели требовался определённый опыт построения подобных институтов в прошлом. Парламентаризм – явление, которое не навязывается извне, оно осознанно формируется самим обществом как механизм реального участия в решении важнейших для государства вопросов и предполагает наличие корреспондирующих материальных и идеологических условий.

Методология

Методология исследования характеризуется сочетанием общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, позволяющих отразить специфику народных собраний как особых форматов протопарламентских структур.

Применение междисциплинарного подхода, охватывающего юридический, исторический и политологический опыт, способствует достижению рациональных результатов и конструированию обоснованных выводов о влиянии народных собраний на зарождение и в дальнейшем закрепление парламентской традиции во множестве национальных правопорядков.

Особое значение среди используемых способов научного познания имеет сравнительно-правовой метод, который создаёт условия для обобщения и сопоставления правового положения представительных органов, существующих в различные эпохи, их значимости и воздействия на механизм государства.

Результаты и их обсуждение

Своеобразные прототипы парламентских структур появились ещё в античные времена. Интеграция коллективных совещательных стандартов в государственное устройство плавно оформлялась в тенденцию, в той или иной степени присущую человечеству практически на всех этапах развития.

Так, в Древней Греции периода расцвета афинской демократии (V век до н. э.) действовали экклесии – народные собрания, наделённые законодательными и некоторыми контрольными полномочиями.

Историками отмечается, что Народное собрание в Афинах, являясь суверенным органом, принимало законы, заключало различные союзы, а также обладало своеобразной монополией на решение вопросов «войны и мира» [5]. Наряду с этим в рамках Народного собрания происходило избрание должностных лиц, обсуждение отчётов о результатах рабо-

ты магистратов, решение управленческо-хозяйственных вопросов и т. д.

«Членство» в экклесиях ограничивалось исключительно гражданством без установления имущественного ценза, что теоретически допускало к участию в регулировании важнейших государственных процессов довольно широкий круг лиц.

В реальности вовлеченность граждан ввиду различных причин не всегда была настолько высокой, что суммировалась и с проблематичностью организации частых встреч, вследствие чего наравне с Народным собранием в Афинах функционировал Совет пятисот (Буле).

Совет пятисот готовил повестку предстоящих народных собраний, выступал в качестве площадки для предварительного обсуждения возможных решений и формально исполнял обязанности Народного собрания между его заседаниями, а также обладал ярко выраженными «административными» чертами – регламентированной процедурой избрания в состав органа, регулярным характером работы и платой за выполнение должностных обязанностей.

Являясь своеобразным постоянным комитетом Народного собрания, Буле заседал беспрерывно и представлял интересы каждого родового объединения (фили). Равномерное представительство каждой фили и ежегодное переизбрание членов Совета обеспечивало его независимость.

Собственные «аналогии» парламентских органов существовали и в Древнем Риме, где народные собрания представляли собой комплексную категорию, охватывающую как электорально-законодательные и судебные, так и совещательные форматы.

Архетипами парламентских структур в древнеримском контексте можно считать, прежде всего, существующие в республиканский период трибуутные и центуриатные комиции. Трибуутные комиции, учреждённые в 3 веке до н. э.,

были в какой-то степени репродукцией афинских экклесий. В отличие от центуриатных они являлись органами «массового представительства», т. к. участие в их работе не ограничивалось сословными рамками и иными цензами. Преимущественно данный фактор и дифференцировал трибуутные и центуриатные собрания, проводя между ними параллель и наделяя первые статусом «источника народного суверенитета».

По справедливому мнению И. А. Покровского, повышение значения собраний по трибам «соответствует общему росту демократической идеи: в собраниях по трибам имущественная состоятельность граждан уже не играет никакой роли» [6, с. 69].

Помимо «условий членства», относительно заметное разграничение полномочий между собраниями по центуриям и трибам присутствовало в избирательной плоскости, другие полномочия зачастую дублировались. Однако с течением времени компетентностные треки оформились в сравнительно определённую концепцию – трибуутные комиции исполняли законодательную функцию, а за центуриями сохранилось право «войны и мира» и так называемое право провокации в случае применения высших мер наказания (смертная казнь, тяжкие телесные наказания) [7].

После падения Западной Римской империи и иных изменений на geopolитической арене уже средневековой Европы институциональный принцип участия в политической жизни государства через формирование специальной совещательной структуры, обладающей серьёзными полномочиями в сфере правотворчества, некоторое время оставался за рамками «официального признания».

Социально-экономические и политические аспекты, выраженные главным образом в установлении феодального строя и неравномерном расслоении общества, предопределяли не только смещение векторов интереса большей части

населения на решение хозяйственно-бытовых задач, но и отсутствие прямой перспективы массового замещения граждан в обсуждении публичных вопросов. В результате в большинстве европейских раннефеодальных монархий IX–XII вв. не существовало институтов народного представительства, играющих весомую роль в государственном механизме.

Тем не менее данное правило не носило исключительный характер. Протопарламентскую идею демонстрировало политическое устройство континентальных стран Скандинавии, где существовали специфические народные собрания – тинги. Они были представлены в качестве народных органов политической и религиозной власти, а также исполняли функции в рамках гражданской и уголовной юрисдикции [8].

В средневековой Швеции тинги выступали в роли инструмента, ограничивающего власть короля (последний на тинге получал разрешение на созыв ополчения и на сбор средств для ведения войны) [9], и обладали такими чертами, как публичность, регулярность и обязательность исполнений решений [10].

Аналогичные структуры действовали также в Дании и Норвегии. При этом своеобразным «макетом» для государственного строя скандинавских стран выступили высшие управленческие компоненты германских племён.

Для структурной организации власти у германцев было характерно отсутствие в мирное время единоличной власти и даже общего правительства – вожди избирались только на время войны народным собранием, включающим всех свободных людей племени [11]. Народное собрание проводилось по определённому графику и, помимо «кадровой» функции (выборы старейшин, временного вождя), служило площадкой для решения важнейших вопросов [12].

Подобная эмпирическая база позволила говорить о появлении Альтинга – уникальной административной конструк-

ции, возникшей в Исландии приблизительно в 930 г. и действующей до сих пор, пусть и в модифицированной форме.

Учитывая, что остров был обнаружен в середине IX в., названная структура сопровождала его практически с самого начала миграции населения и позволила сгенерировать важнейшие демократические и парламентские тенденции. В научной литературе существует позиция, согласно которой Альтинг считается первым парламентом Европы [13].

В сущности Альтинг представлял собой особый вид народного собрания, в состав которого входили гости – предводители общин добровольно объединившихся свободных людей (как правило, по территориальному принципу), а также некоторое число их сторонников [14].

Несмотря на формальное участие в народном собрании обозначенных выше лиц остальные граждане не игнорировали данную публичную процедуру. Альтинг объединял сотни жителей Исландии, включая торговцев, купцов и просто достигших совершеннолетия молодых людей, находящихся в поиске пары. Не обладая властными полномочиями, они, тем не менее, могли ощущать причастность к определению ведущих направлений развития острова, реализуя в том числе коммуникативную опцию.

Альтинг собирался раз в год и выполнял роль площадки для урегулирования различных сфер общественной жизни. Наравне с осуществлением двух ключевых функций – законодательной и судебной, реализуемых специальным советом – Лёгреттой, в рамках Альтинга оформлялись или прекращались различные союзы, обсуждались текущие дела, происходил обмен мнениями и новостями.

Очевидно, причиной предпочтения такого шаблона взаимодействий – ежегодного национального народного собрания – служил географический фактор, раскрывающийся с нескольких сторон.

Во-первых, исландские земли изначально были заселены неравномерно ввиду наличия значительных объемов свободного пространства и практически полного отсутствия местного населения – на острове проживало только малое число кельтских монахов-отшельников. Как следствие, для переселенцев открывались широкие возможности выбора территории проживания – можно было занять любой вакантный участок с учётом доступности ресурсов, что обусловливала существование ряда разбросанных поселений.

Во-вторых, в силу климатических предпосылок Альтинг проводился в летний период в течение двух недель, сопровождаемых преимущественно ясной погодой и непрерывным световым днём. Это объяснялось наиболее благоприятными условиями перемещения большого числа граждан в юго-западную часть острова к месту проведения народного собрания.

Таким образом, древнеисландский Альтинг, действующий на протяжении X–XIII вв., вплоть до перехода Исландии под власть норвежской короны, создавал устойчивые гарантии для формирования парламентских механизмов в управлении среде применительно к конкретной исторической обстановке.

Совещательные структуры возрождались в самобытном формате и выступали доказательством их адаптации для средневековых европейских реалий. Предводители общин были наделены равным статусом и в рамках собрания обеспечивали действенное командное управление в децентрализованном обществе, пространственно удалённом от иных государств.

Подобная контаминация архаичных и соответствующих эпохе политических элементов порождала разработку оригинальной концепции, ставшей своеобразным символом не только демократического, но и парламентского порядка.

Собственные аналоги протопарламентских компонентов были характерны и для Руси X–XII вв. в виде вече – народных собраний особой конфигурации.

В научной литературе вече наделяют правом законодательной инициативы и возможностью урегулирования внешнеполитических вопросов [15].

Наиболее влиятельными историческими примерами традиционно считаются вече в Новгородской и Псковской республиках. Они являлись высшими представительными органами и объединяли полноправных жителей мужского пола [16]. В отличие от иных вечевых собраний версии Новгорода и Пскова имели достаточно определённый инструментарий и закрепились в качестве постоянных институтов.

Функционально и новгородское, и псковское вече представляли собой верховные органы, уполномоченные решать ключевые вопросы политической жизни – сбор войска, объявление войны, заключение мира, заключение разного рода договоров и т. д. [17] Выполняя также роль площадок для обсуждения кандидатур князей и замещения ключевых управленческих позиций (в частности, посадников, фактически реализующих исполнительные полномочия), вече в Новгороде и Пскове всё же дифференцировались между собой – последнее считалось более «демократичным» по причине меньшего влияния местной боярской элиты [18].

Вече как особая единица российской государственности создавало собственный исключительный фундамент для развития парламентаризма. По мнению В. А. Никонова, «в лице вече мы имеем дело с институтом представительства. Даже само происхождение этого понятия от слова «вещать» не отличает его от латинского «parlamentum» [19].

Полагаем, национальная модель организации властной композиции в Древнерусском государстве указывала на устойчивые основания возникновения

тезиса о парламентском наследии. Компетенция вечевых собраний, их влияние на политику городов и массовый характер свидетельствовали о давней интеграции народных совещательных органов в российский культурный код.

Выводы

Резюмируя сущностные характеристики экклесий, комиций, тингов и вече, подчеркнём, что все они обладали важнейшими атрибутами, необходимыми для зарождения и в дальнейшем становления парламентаризма как автономного феномена – представительным характером, идеей совещательности, правотворческими возможностями и значительной ролью в механизме управления.

Вместе с тем в силу особенностей законодательства и отсутствия опор оптимального взаимодействия различных ветвей власти, их чёткого разделения в целом нельзя назвать указанные общественные учреждения парламентами в «классическом» понимании. Однако постепенное развитие нормативной системы и экономики, утверждение сословий, необходимость выражения их интересов и ограничения власти монарха обусловили появление новых подходов к организации центральных органов государства.

Закономерным результатом такой направленной деятельности стало возникновение в Европе XIII столетия модифицированных форм сословно-представительных структур, которые приобретали черты «государственного форума». Впервые представительные образования, выступающие частью управленческой системы, назвали «парламентом» в Англии [20], что положило начало прочной парламентской традиции, со временем распространившейся почти на всё мировое сообщество.

Античный опыт и попытки уже средневековых государств внедрять в управленскую конъюнктуру коллегиальные черты иллюстрировали «работоспособность» парламентских практик. Соци-

умом методом проб и ошибок разрабатывалась основа построения парламентов как уникальных элементов государственного устройства, которые уже к концу эпохи зрелого Средневековья стали постоянным звеном аппарата управления в Европе.

Непосредственное утверждение парламентов как полноценных и обособленных органов государственной власти пришлось на XVI–XVII вв., а уже в XVIII в. в западных странах начала зарождаться парламентская форма правления, зарекомендовавшая себя как прогрессивный шаблон публичных взаимоотношений и доказывающая свою эффективность и результативность на протяжении нескольких столетий.

На примере всех рассмотренных конструкций можно провести отчётливую параллель формирования парламентских и демократических механизмов. Если на начальных этапах становления го-

сударственности институты народного представительства зачастую позиционировались как наиболее удачные стандарты организации и упорядочивания внутренних процессов, то последующий ретроспективный фон демонстрирует маятникообразное развитие заявленных структур – представительные органы с демократическим стержнем прошли тернистый путь к своему признанию и закреплению во многих государствах мира.

Соглашаясь с обозначением современного парламента как арены «для дискуссий, поиска компромисса и выражения воли народа по отдельным вопросам государственного строительства» [21], мы фокусируем внимание в том числе и на опыте народных собраний во многообразии их форматов, которые в различные эпохи выступали факторами развития парламентаризма как особого феномена.

Список литературы

1. Шульженко Ю. Л. Конституционализм и парламентаризм: понятия, соотношение // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 3(47). С. 5–24.
2. Гуляева Е. А. Парламентаризм как политico-правовая категория: проблемы понимания и этапы становления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 61–63.
3. Парламентское право России: монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Изд. Государственной Думы, 2013. 400 с.
4. Абраменко Е. Г. Понятие парламентаризма в политической науке // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2021. № 20-1. С. 3–10.
5. Родс П. Дж. Афинская демократия // Античность и средневековые Европы: межвузовский сборник научных статей. Пермь: Пермский ун-т, 1998. С. 40–52.
6. История римского права / И. А. Покровский; вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и comment. А. Д. Рудокваса; Центр изуч. рим. права. СПб.: Лет. сад, 1998. 555 с.
7. Егоров А. Б. Римское народное собрание. Правовой статус и властные полномочия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 2. С. 59–72.
8. Сванидзе А. А. Викинги : люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 800 с.
9. Горобенко А. Т. Опыт народовластия в Новгороде и Швеции в XII–XIII вв. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 8(48). С. 134–138.
10. Schuck A. Ur medeltidens samhällsliv. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1928. P. 20–21.

11. Мигунова Т. Л., Минеева Т. Г., Толстолуцкий В. Ю. Эволюция народоправства на примере тингов, вече и раннего периода английского парламента // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 163–170.
12. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Регион и мир. 2019. № 1. С. 150–161.
13. Джимбино娃 И. Е. Обычай в истории развития представительных учреждений от времен античности до наших дней // Право и современные государства. 2014. № 6. С. 23–28.
14. Byock J. The Icelandic Althing: dawn of parliamentary democracy // Heritage and identity: shaping the nations of the North / ed. by J. M. Fladmark. Shaftesbury: Donhead, 2002. P. 1–18.
15. Еременко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2013. 165 с.
16. Чурбанов В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной думы // Российская Федерация сегодня. 2005. № 22. С. 47–53.
17. Пашковский П. И. Предпосылки российского парламентаризма и внешняя политика государства (на примере вече) // European research. 2016. № 8(19). С. 109–110.
18. Питулько Г. Н. Из истории вечевого строя Новгорода и Пскова // Управленческое консультирование. 2013. № 11(59). С. 128–134.
19. Никонов В. А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014. 992 с.
20. Крылова Н. С. Парламент: особенности эволюции и основные тенденции развития // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3. С. 86–108.
21. Коновалова Л. Г. Соотношение парламентаризма с принципом демократической государственности: вопросы конституционно-правовой теории // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 5. С. 7–23.

References

1. Shulzhenko Yu.L. Constitutionalism and parliamentarism: definitions, correlation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obschestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social science.* 2018;(3):5–24. (In Russ.)
2. Gulyaeva E.A. Parliamentarism as a political and legal category: problems of understanding and stages of formation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.* 2006;(13):61–63. (In Russ.)
3. Abramova A.I., Vitushkin V.A., Vlasenko N.A., et al. Parliamentary law of Russia. Moscow: Izd. Gosudarstvennoj Dumy; 2013. 400 p. (In Russ.)
4. Abramenko E.G. The concept of parliamentarism in political science. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki = Scientific works of the National Institute For Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences.* 2021;(20-1):3–10. (In Russ.)
5. Rods P.Dzh. Athenian democracy. In: *Antichnost'i srednevekov'e Evropy: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh statej = Antiquity and the Middle Ages of Europe: an Interuniversity collection of scientific articles.* Perm: Permskij un-t; 1998. P. 40–52. (In Russ.)
6. Pokrovskij I.A. The History of Roman law. Sankt-Petersburg: Let. sad; 1998. 555 p. (In Russ.)
7. Egorov A.B. Roman popular assembly. Legal status and authority. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija = Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2010;(2):59–72. (In Russ.)

8. Svanidze A.A. Vikings : People of the saga: life and customs. Moscow: Novoe lit. obozrenie; 2014. 800 p. (In Russ.)
9. Gorobenko A.T. The experience of democracy in Novgorod and Sweden in the 12-13th centuries. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2018;(8):134–138. (In Russ.)
10. Schuck A. Ur medeltidens samhällsliv. Stockholm: Wahlström & Widstrand; 1928. P. 20–21. (In Swedish.)
11. Migunova T.L., Mineeva T.G., Tolstoluczkij V.Yu. The evolution of commune on the example tings, veche, and early period of english parliament. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2022;15(1):163–170. (In Russ.)
12. Tacit Kornelij. About the origin of the Germans and the location of Germany. *Region i mir = Region and the World*. 2019;(1):150–161. (In Russ.)
13. Dzhimbinova I.E. A custom in the history of the development of representative institutions from antiquity to the present day. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and modern states*. 2014;(6):23–28. (In Russ.)
14. Byock J. The Icelandic Althing: dawn of parliamentary democracy. In: Fladmark J.M. Heritage and identity: shaping the nations of the North. Shaftesbury: Donhead; 2002. P. 1–18.
15. Eremenko V.I. Russian parliamentarism: political science, legal and socio-cultural aspects. Sankt-Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta; 2013. 165 p. (In Russ.)
16. Churbanov V. Popular representation in Russia: a thousand years and 72 days. To the 100th anniversary of the First State Duma. *Rossijskaya Federaciya segodnya = Russian Federation Today*. 2005;(22):47–53. (In Russ.)
17. Pashkovskij P.I. Prerequisites of the Russian parliamentarism and foreign policy of the state (for example of veche). *European research*. 2016;(8):109–110. (In Russ.)
18. Pitulko G.N. From the history of Novgorod and Pskov veche system. *Upravlencheskoe konsultirovanie = Administrative Consulting*. 2013;(11):128–134. (In Russ.)
19. Nikonorov V.A. The Russian matrix. Moscow: Russkoe slovo; 2014. 992 p. (In Russ.)
20. Krylova N.S. Parliament: features of evolution and main development trends. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2013;(3):86–108. (In Russ.)
21. Konovalova L.G. The relation of parliamentarism with the principle of democratic statehood: questions of the constitutional-legal theory. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskому yuridicheskому zhurnalu = Electronic supplement to Russian Juridical Journal*. 2017;(5):7–23. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Тонков Евгений Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, директор юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0001-5559-0835

Хмельевская Ирина Геннадиевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: khmelevskaya@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0002-4567-2017

Evgeniy E. Tonkov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Director of the Institute of Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0001-5559-0835

Irina G. Khmelevskaya, Post-Graduate Student of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: khmelevskaya@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0002-4567-2017

УДК 340.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-20-31>

Преднамеренный эколого-правовой риск: правоприменительный и нормотворческий аспекты

А. В. Гусаров¹✉

¹Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Горького, д. 87, г. Владимир 600000, Российская Федерация
✉ e-mail: gusarov.artym@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Многочисленные проблемы экологического характера, накладываясь на юридическую действительность, трансформируют устоявшийся правовой порядок, внося в него элементы неопределенности. При таких обстоятельствах конкретные участники правоотношений не всегда имеют четкое представление о том, каким образом должна реализовываться их модель поведения в правомерном русле, виду чего им вполне осознанно приходится полагаться на риск. В самом общем виде риск представляет собой производное неопределенности. В реалиях эколого-правовой неопределенности распространены ситуации, где субъект нормотворческой или правоприменительной деятельности, полагаясь на риск, не имеет четкого прогноза об успешности своих юридически значимых решений, но иной вариант поведения, не основанный на риске, либо исключен вовсе, либо трудновыполним. Подобные тенденции обуславливают потребность в комплексном теоретическом осмысливании явления преднамеренности субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях эколого-правового риска.

Цель заключается в выявлении ключевых особенностей фактора преднамеренности применительно к правоприменительному и нормотворческому аспектам юридической деятельности в условиях эколого-правового риска.

Задачи: раскрыть суть преднамеренности как таковой, рассмотреть правоприменительную и нормотворческую стороны преднамеренности эколого-правового характера в рискориентированной модели правовых отношений, обозначить формы проявления такой преднамеренности на конкретных примерах из нормотворческой и правоприменительной сфер.

Методология. Для решения поставленных задач использовались методы интерпретации нормативных и правоприменительных актов, анализа, синтеза, конкретизации и абстрагирования.

Результатами исследования стали данные, характеризующие особенности преднамеренных эколого-правовых рисков в правоприменительной и нормотворческой средах деятельности.

Выход. Существование преднамеренных эколого-правовых рисков – это следствие, во-первых, общекологических проблем и, во-вторых, дефектов в сфере правового регулирования. Преднамеренность в условиях эколого-правового риска выражается осознанной волей субъекта достичь определенный полезный результат. Иногда в формате нормотворческой или правоприменительной работы такой риск допустим, но его использование должно быть крайне осторожным.

Ключевые слова: риск; эколого-правовой риск; экологические правоотношения; нормотворчество; правоприменение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Гусаров А. В. Преднамеренный эколого-правовой риск: правоприменительный и нормотворческий аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 20–31. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-20-31>

Поступила в редакцию 20.08.2024

Принята к публикации 19.09.2024

Опубликована 31.10.2024

© Гусаров А. В., 2024

Deliberate environmental and legal risk: law enforcement and normative aspects

Artem V. Gusalov¹

¹Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
87 Gorky Str., Vladimir 600000, Russian Federation

 e-mail: gusalov.artiom@yandex.ru

Abstract

Relevance. Numerous environmental problems, overlapping with legal reality, transform the established legal order, introducing elements of uncertainty into it. In such circumstances, specific participants in legal relations do not always have a clear idea of how their model of behavior should be implemented in a legitimate way, which is why they quite consciously have to rely on risk. In its most general form, risk is a derivative of uncertainty. In the realities of environmental and legal uncertainty, situations are common where the subject of normative or law enforcement activities, relying on risk, does not have a clear forecast of the success of his legally significant decisions, but another behavior option that is not based on risk is either excluded altogether or difficult to implement. Such trends determine the need for a comprehensive theoretical understanding of the phenomenon of premeditation of subjects of law-making and law enforcement activities in the context of environmental and legal risk.

The purpose is to identify the key features of the premeditation factor in relation to the law enforcement and rule-making aspects of legal activity in the context of environmental and legal risk.

Objectives: to reveal the essence of premeditation as such, to consider the law enforcement and rule-making sides of premeditation of an ecological and legal nature in a risk-oriented model of legal relations, to identify the forms of manifestation of such premeditation.

Methodology. To solve the tasks set, methods of interpretation of normative and law enforcement acts, analysis, synthesis, concretization and abstraction were used.

The results of the study were data characterizing the features of intentional environmental and legal risks in law enforcement and rule-making environments.

Conclusion. The existence of deliberate environmental and legal risks is a consequence, firstly, of general environmental problems and, secondly, of defects in the field of legal regulation. Premeditation in the context of environmental and legal risk is expressed by the conscious will of the subject to achieve a certain useful result. Sometimes, in the format of normative or law enforcement work, such a risk is acceptable, but its use should be extremely careful.

Keywords: risk; environmental and legal risk; environmental legal relations; rulemaking; law enforcement.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gusalov A.V. Deliberate environmental and legal risk: law enforcement and normative aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):20–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-20-31>

Received 20.08.2024

Accepted 19.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Удручающее состояние окружающей среды, наблюдающееся на протяжении длительного периода как в России, так и в мире в целом, обусловлено множеством факторов [1, с. 193]. Характер этих факторов вариативен: они могут быть отражением политических решений, экономических тенденций, природных

катализмов, бытовых привычек населения и т.п. Право как система, постоянно расширяющая диапазон своего влияния на регламентацию общественных отношений [2, с. 48], неминуемо затронуло и парадигму взаимодействия человека и окружающей среды [3, с. 173]. Подобное взаимодействие не всегда осуществляется в строго определенных рамках, пред-

полагающих баланс интересов между поддержанием надлежащего уровня благоприятной окружающей среды и достижением целей хозяйственной деятельности [4, с. 10]. Данные обстоятельства создают рисковые условия для развития рисков эколого-правового характера.

Методология

Исследование проблематики право-применительного и нормотворческого аспектов преднамеренных эколого-правовых рисков было осуществлено с общетеоретических позиций с использованием соответствующего методологического инструментария. Активно использовались методы интерпретации нормативных и правоприменительных актов, анализа, синтеза, конкретизации и абстрагирования.

Результаты и их обсуждение

Юридическая природа таких рисков двойственна, поскольку они сочетают в себе как правовые, так и экологические начала. Иными словами, экологическая сторона эколого-правового риска не должна характеризоваться свойством, которое принято называть индифферентностью к праву и к смежным ему явлениям [5, с. 145–181]. Те экологические риски, которые не имеют правового значения, являются юридически индифферентными. Правом они не учитываются и на правоотношения они никак не влияют. Лишь в случае облечения рискэкологических аспектов в юридическую оболочку и, как следствие, их влияния на функционирование общественных отношений может идти речь об эколого-правовых рисках, характеризующихся неопределенностью правоотношений в сфере взаимодействия человека и природы [6, с. 147].

Сложившееся понимание рисков в литературе социогуманитарного профиля в основном сводится к их негативной оценке, поскольку риски воспринимаются большинством исследователей как об-

стоятельства, имеющие деструктивное влияние. Между тем такой рискофобский подход не является корректным [7, с. 243–244]. В сути любого риска заключена вероятность, которая подразумевает в зависимости от определенных обстоятельств либо наступление негативных последствий, либо наступление позитивных последствий. И если негативные эколого-правовые последствия, которые могут возникнуть вследствие развития эколого-правовых рисков, обоснованно критируются и по возможности предупреждаются, то позитивные эколого-правовые последствия подобных рисков все еще остаются малоизученной категорией, степень и характер влияния которых не до конца ясны.

В подобном контексте представляют интерес преднамеренные эколого-правовые риски. В настоящем исследовании, с точки зрения автора, под ними понимаются риски, возникающие на стыке правовой и экологической сфер, характеризуемые вероятностью и неопределенностью наступления тех или иных событий либо явлений, осознаваемые и намеренно допускаемые ответственным за эколого-правовое решение субъектом для достижения полезных целей эколого-правового регулирования.

Эффективная реализация преднамеренного эколого-правового риска – это во многом предмет реализации предикативных (предсказательных) юридических технологий. Специалисты в области общей теории права достаточно подробно раскрыли то, каким образом должно осуществляться юридическое прогнозирование [8, с. 14]. Главная его ценность, как представляется, заключена в обоснованном поиске имеющихся проблем и сосредоточении усилий на их разрешении¹, что во многом актуально для сложной эколого-правовой сферы и для теоретико-

¹ Погодина И. В. Проблемы планирования в российской юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 13.

правовых аспектов, отражающих ее суть [9, с. 194].

Стоит отметить, что любые правовые риски неразрывно связаны с прогнозированием, поскольку лишь с его помощью можно смоделировать результат рискориентированного решения [10, с. 145–149]. Причем риск сам по себе не дает никаких гарантий тому, кто на него решается. Лишь учет всех вариантов развития событий до приведения в действие рискориентированной модели поведения позволяет говорить об обоснованной преднамеренности, т. е. ситуации, при которой риск в условиях эколого-правовой неопределенности представляется наиболее корректным, приемлемым и порой исключительным средством, с помощью которого проблема может быть решена. В иных ситуациях риск лучше не допускать и руководствоваться теми приемами, при которых неопределенность сведена к минимуму.

Несмотря на то, что преднамеренность эколого-правового риска как общетеоретическая категория не являлась предметом изучения профильных исследователей-правоведов, в практике нередко встречаются признаки, на нее указывающие, что, в свою очередь, обуславливает потребность ее научного анализа. Особый интерес представляет преднамеренность эколого-правового риска в нормотворческом и правоприменительном направлениях юридической деятельности.

Сутью первого вышеупомянутого направления является то, что на основе результатов правового прогнозирования субъект, ответственный за принятие эколого-правового решения, осознанно идет на риск для достижения нужных ему эколого-правовых целей, выраженных в виде результатов нормотворческой деятельности¹. В широком смысле результатом

¹ Малышева И. В. Законотворческий риск: понятие, виды, детерминация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 8–9.

эколого-правового риска в сфере нормотворчества будет являться любой нормативный акт, регламентирующий те или иные эколого-правовые вопросы, поскольку у нормотворца никогда нет полноценной и доскональной уверенности в том, как будут работать разработанные им нормы. Учет всех постоянно изменяющихся факторов невозможен на стадии разработки нормативного акта [11, с. 91], ввиду чего спрогнозировать поведение участников правоотношений можно лишь в приблизительной форме.

Нередки ситуации, когда законодательные инициативы, разрабатываемые в благих побуждениях, в случае оформления их в статусе закона функционируют не так, как предполагалось изначально. Например, реформа в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, начавшаяся в конце 2010-х гг. с принятием соответствующих изменений в профильное законодательство и имевшая цель упорядочить процессы накопления и утилизации, не достигла своих целей, а лишь усугубила ситуацию. Объем утилизации остается довольно низким, отрасль обращения с отходами стала более непрозрачной ввиду узаконенной монополизации, а тарифы на соответствующие услуги для конечных потребителей регулярно растут². Таким образом, несмотря на довольно долгую подготовку реформы, очевидно, что предиктивный юридический инструментарий был использован не в полном объеме, что привело к известным последствиям.

Более явной формой реализации преднамеренного эколого-правового риска в нормотворческой среде выступают правовые эксперименты. И риск, и эксперимент содержат в себе элементы неопределенности и вероятности. При четкой уверенности в наступлении тех или

² Рылова Э., Кузнецова М. Почему бускет мусорная реформа // Парламентская газета. 2024 URL: <https://www.pnp.ru/politics/pochemu-busket-musornaya-reforma.html> (дата обращения: 04.08.2024).

иных событий эксперимент не имеет смысла. В связи с этим эксперимент в анализируемом качестве можно рассматривать как форму риска. Подобная идея не нова для теоретико-правового дискурса. Так, например, А. С. Шабуров и вовсе отождествляет право на эксперимент и право на риск [12, с. 32].

Практика применения различных правовых экспериментов в нашей стране известна еще с дореволюционного периода [13, с. 34]. Правовой эксперимент характеризуется тремя основными аспектами. Во-первых, он распространяет свое действие лишь на четко определенную территорию [14, с. 17]. Как правило, нормотворец выбирает локации в виде населенных пунктов или территориальных зон, в результате чего сама зона эксперимента выводится из общей юрисдикции. Во-вторых, правовой эксперимент как апробация правотворческих решений имеет свои временные рамки [15, с. 85–86]. Модель регулирования, вводимая экспериментом, нестабильна, поэтому его осуществление производится в пилотном формате. Период, отведенный на эксперимент, позволяет произвести оценку апробируемых правовых новелл и принять решение об их внедрении в общий формат правового регулирования. В-третьих, правовой эксперимент распространяет свое действие на тех субъектов, которые прямо поименованы в соответствующем нормативном акте [16, с. 17]. Наделение всех субъектов специфическими правами и обязанностями, внедряемыми в рамках эксперимента, сводило бы его апробирующую функцию к нулю. Преимущество правового эксперимента как формы преднамеренного экологоправового риска в том, что с его помощью можно осуществить тестирование потенциально работоспособных моделей правового регулирования, при этом ущерб в случае провала эксперимента не будет фатальным.

В качестве примера можно привести Федеральный закон от 26 июля 2019 г.

№ 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»¹ (далее – Закон № 195-ФЗ). В ситуации неопределенности по поводу регулирования квотирования выбросов законодатель прибегнул к форме правового эксперимента, очертив его территориальные (городские округа Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита) и временные (с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2026 г.) границы, а также круг соответствующих субъектов, перечисленных в ст. 4 и 6 Закона № 195-ФЗ.

Еще один правовой эксперимент реализуется в рамках Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 254-ФЗ «О проведении на территории Камчатского края эксперимента по внедрению дополнительных механизмов регулирования внутренних воздушных перевозок икры лососевых видов рыб (красной икры) непромышленного изготовления»² (далее – Закон № 254-ФЗ). Экспериментальный правовой режим, как и в случае, указан-

¹ О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха: федер. закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329955/ (дата обращения: 27.07.2024).

² О проведении на территории Камчатского края эксперимента по внедрению дополнительных механизмов регулирования внутренних воздушных перевозок икры лососевых видов рыб (красной икры) непромышленного изготовления: федер. закон от 14 июля 2022 г. № 254-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421792/ (дата обращения: 27.07.2024).

ном ранее, имеет все соответствующие атрибуты в виде территории (Камчатский край), периода времени (с 1 ноября 2022 г. по 1 августа 2025 г.) и круга лиц, подпадающих под экспериментальное регулирование (физические лица, Правительство Камчатского края).

Оценка обстоятельств, отражающих успешность правового эксперимента, и, как следствие, позитивный исход эколого-правового риска, производится по критериям, изложенным в нормативном акте, вводящем экспериментальную модель правового регулирования. Е. В. Новиковой была предложена разработка единых критериев для проведения и оценки результатов экспериментов такого рода [13, с. 40], однако с ее позицией вряд ли можно согласиться. Эксперимент подразумевает творческое начало и нетипичность методов для достижения результата. Поэтому отсутствие единых экспериментаторских стандартов в эколого-правовой сфере позволяет каждому эксперименту быть неповторимым и, как следствие, полезным в части уникальности полученного по итогу опыта. Формализация экспериментов не позволит раскрыть экспериментаторское начало в полной мере. Между тем хаотичная экспериментаторская деятельность на эколого-правовом поприще тоже недопустима. Представляется, что оптимальным решением здесь будет осуществление экспериментов на основе общих принципов, закрепленных в ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹, и теоретических алгоритмов юридического прогнозирования [17, с. 16], что, с одной стороны, не допустит внутренней ограниченности экспериментаторов-нормотворцев и, с другой стороны, определит

правовые и предиктивные начала такой деятельности.

Преднамеренные риски эколого-правового характера возникают и при рецепции. Причем рискогенны как случаи рецепции из иностранных юрисдикций, так и случаи рецепции из иных отраслей права, напрямую не связанных с природоохранным или природоресурсным правом. Рецепция крайне привлекательна тем, что позволяет урегулировать проблемный правовой вопрос с минимальными интеллектуальными и, как правило, временными затратами, поскольку при заимствовании нужной нормы, правового института субъект нормотворчества не разрабатывает их с нуля, а адаптирует применительно к сложившейся модели правового регулирования.

В этом контексте интерес представляет позиция некоторых исследователей по поводу необходимости создания в России специализированных экологических судов [18, с. 133], существующих сейчас в ряде зарубежных стран [19, с. 60]. Однако вряд ли рецепция данного правового института приведет к эффективной защите эколого-правовых интересов в российском правовом поле. Само по себе создание профильных судов не разрешит имеющиеся проблемы, а изменит статус органа, способствующего их разрешению. Экологические нарушения обладают высокой степенью латентности. Суд как орган правосудия не занимается пресечением нарушений в классическом понимании, а лишь дает оценку их правовой квалификации. В таких условиях в отечественном правовом измерении разрешение дела профильным экологическим судом не будет существенным образом отличаться от разрешения дела иным судом, функционирующим в настоящий момент. Поэтому потенциальная рецепция профильных институтов, о необходимости которой высказываются некоторые исследователи, не только не изменит сложившуюся практику существенным образом, но и внесет

¹ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ: [послед. ред.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 27.07.2024).

элемент разобщенности в имеющуюся структуру российских судов. Несомненно, положительный опыт функционирования таких органов за рубежом должен учитываться при разработке отечественных нормотворческих решений, однако полное их заимствование должно осуществляться крайне аккуратно и лишь в том случае, если это действительно необходимо.

Касаемо межотраслевой рецепции стоит отметить следующее. С. С. Алексеевым высказывалась идея о существовании между отраслями права функциональных связей координации, ответственных за взаимосвязь и взаимозависимость соответствующих отраслей [20, с. 38–40]. При разрешении конкретного эколого-правового вопроса зачастую речь идет не только о применении профильных эколого-правовых норм, а о применении комплекса норм, относящихся к различным отраслям.

Между тем в действующем отечественном законодательстве имеются примеры, когда те или иные конструкции неэкологического характера искусственно рецептируются из других отраслей, в которых их нахождение было бы более корректным. Одним из таких примеров является институт экологического сбора. Он представляет собой платеж, уплачиваемый хозяйствующими субъектами, производящими товары или упаковку либо импортирующими их на территорию России. Частью 1 ст. 24.5 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» отмечен неналоговый характер экологического сбора¹. Несмотря на это очевидна его налоговая природа, однако профильное налоговое законодательство не распространяет на него свое действие. Данный факт, вызванный преднамеренным

нормотворческим решением, подвергает угрозе имеющиеся функциональные связи между отраслями налогового и экологического права. Кроме того, рецепция непрофильных конструкций из других отраслей неоправданно усложняет структуру эколого-правовых отношений. Таким образом, при межотраслевой рецепции также присутствует фактор преднамеренной рискогенности.

Правоприменительная сторона преднамеренного эколого-правового риска раскрывается в конкретных решениях правоприменителей. Причем на образование риска правоприменительной природы может влиять уже ранее возникший риск нормотворческой природы. Иными словами, нормативный акт, изданный в ходе преднамеренной риск-ориентированной нормотворческой деятельности, проектирует рискогенность на правоприменительное решение, принимаемое на основе подобного нормативного акта. Так нормотворческий риск трансформируется в правоприменительный.

Например, в реалиях, сложившихся после реформирования сферы обращения с твердыми коммунальными отходами, возник вопрос о том, какими нормами должен регулироваться процесс обращения с медицинскими отходами. Региональные операторы, учрежденные в ходе реформы отрасли конца 2010-х гг., упоминаемой ранее, часто находились в конфронтации с медицинскими организациями, полагавшими, что отходы от деятельности медицинских учреждений могут вывозиться не только региональными операторами. Судебная практика, возникшая на почве постреформенного законодательства об отходах, не отличалась единообразием. Таким образом, преднамеренный риск, заложенный в реформу обращения с отходами, отразился на правоприменительном уровне. Ситуация была разрешена только с выходом Обзора судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми ком-

¹ Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 27.07.2024).

мунальными отходами¹, где при анализе аналогичного казуса в п. 8 была подтверждена правильность позиции медицинских организаций.

Решения, основанные на нормативных актах, изданных в ходе правовых экспериментов, также представляют форму реализации преднамеренного риска. К примеру, из Решения Арбитражного суда Свердловской области от 01.02.2024 по делу № А60-50030/2023 известно, что Публичное акционерное общество «Челябинский металлургический комбинат» обжаловало положения предписания, выданного Уральским межрегиональным управлением Росприроднадзора. Пунктом № 2 данного предписания установлено, что юридическим лицом не утверждены планы мероприятий по достижению квот выбросов загрязняющих веществ. Данное обстоятельство, в частности, нарушает ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха»². Учитывая, что правоприменительный акт уполномоченного органа основан на законе, разработанном в ходе рискориентированной экспериментальной деятельности, элементы рискогенерации

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023] // Верховный Суд Российской Федерации. 2023. URL: <https://www.vscrf.ru/documents/all/33230/?ysclid=m1phmeh6h2860965743> (дата обращения: 04.08.2024).

² Решение Арбитражного суда Свердловской области от 01.02.2024 по делу № А60-50030/2023 // КАД «Арбитр». 2024. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/cd7c0f0db-d44a-47d7-99b5-f41926d4570a/80fa40f5-8fe5-42ef-9769-cbec70a7637e/%D0%9060-50030-2023_20240201.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 04.08.2024).

сти также будут проецироваться на такое решение.

Однако необязательно, чтобы право-применительное решение, содержащее в себе признаки преднамеренного экологического правового риска, было основано на нормах акта, изданного в результате реализации аналогичного риска нормотворческого характера. Состояние неопределенности, содержащееся в сути исследуемого явления, образуется не только на основе одного акта, нормы и т. п. Как правило, рискогенные условия, формирующие риск, заложены во множестве нормативных актов, противоречивых и не до конца совершенных, образующих в итоге системную нормативную неопределенность и проецирующихся на решение право-применителя. Но даже в такой ситуации возможна рискориентированная преднамеренность, т. е. осознанное стремление достичь тот или иной полезный результат.

Примерами данной группы право-применительных решений могут служить акты, как непосредственно связанные со сферой охраны окружающей среды, так и опосредованно с нею связанные.

К первой обозначенной категории относятся те решения, неопределенность которых вызвана неопределенностью эколого-правового регулирования в целом. Например, до недавнего времени была широко распространена практика привлечения органов местного самоуправления к гражданско-правовой ответственности за несанкционированные свалки, находящиеся на земельных участках, собственность на которые не разграничена, в пределах территориальных границ муниципальных образований³. И органы исполнительной власти, и

³ См., например: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2022 № 88а-25896/2022 // Первый Кассационный суд общей юрисдикции. 2022 URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24948732&delo_id=43&ne

судебные органы в условиях недостаточной нормативной урегулированности данного вопроса были солидарны во мнении о легальности принимаемых ими правоприменительных решений, побуждающих муниципалитеты ликвидировать обозначенные эколого-правовые нарушения. Впоследствии такая практика была признана Конституционным Судом РФ незаконной¹, однако сам факт ее существования на протяжении долгого времени подтверждает гипотезу о преднамеренности принимавшихся решений.

Ко второй обозначенной категории стоит отнести те решения, неопределенность которых вызвана комплексной правовой неопределенностью. Они могут возникать при отсутствии межотраслевых функциональных связей координации либо при их деформации. К примеру, при совершении экологического деликта законодательство об административных правонарушениях допускает возмож-

w=0&text_number=1 (дата обращения: 04.08.2024).

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области: постановление Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 27-П // КонсультантПлюс: сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448265/ (дата обращения: 27.07.2024).

ность понудить правонарушителя устранить причины и условия, способствовавшие его совершению, с помощью института представлений, закрепленного в ст. 29.13 КоАП РФ². Этот институт распространяет свое действие не только на экологические нарушения, но и на иные, зафиксированные в Особенной части КоАП РФ и в региональных актах об административных правонарушениях. Между тем процедура выдачи представлений урегулирована в профильном законодательстве недостаточным образом [21, с. 47]. Поэтому практически во всех ситуациях, при которых правоприменитель издает такой акт для ликвидации причин и условий экологического нарушения, он может быть отменен по процессуальным основаниям.

Таким образом, в приведенных примерах в условиях сложившейся неопределенности правового регулирования субъектами правоприменения принимаются либо могут приниматься рискованные решения, направленные на защиту прав неограниченного круга лиц на благоприятную окружающую среду [22, с. 73]. Как несложно заметить, они характеризуются ярко выраженным преднамеренным характером.

Выводы

Распространенность преднамеренных эколого-правовых рисков в нормотворческой и правоприменительной средах объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, такие риски – это следствие глобальных негативных тенденций в сфере экологии. Проблемы в области охраны окружающей среды – это первоисточник эколого-правовых рисков. В случае их отсутствия соответствующее правоприменительное или нормотворче-

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 27.07.2024).

ское рискованное решение попросту не может быть принято уполномоченным субъектом. Во-вторых, условием образования рисков такого рода выступают дефекты правового регулирования. Отечественное экологическое законодательство довольно сложное и запутанное [23, с. 45]. Его отличительной чертой является большое число пробелов и системных противоречий. Неопределенности, содержащиеся в нем, подталкивают субъектов на риск, поскольку иного выхода в некоторых ситуациях у них может и не

быть. Но всё же стоит помнить, что риск – это нетипичный для права способ решения проблем. В основе права лежит порядок, а неопределенность, создающая почву для риска, может искажать такой порядок [24, с. 38]. Поэтому при избрании риска как инструмента разрешения правовой ситуации стоит отдавать отчет о последствиях, которые такой риск потенциально может повлечь [25, с. 10], даже в том случае, если планируется достижение позитивных эколого-правовых целей.

Список литературы

1. Саранкина Ю. А. Глобальные экологические проблемы современности: характеристика и основные направления преодоления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. № 3. С. 193–199.
2. Адамянц С. Т. Юридификация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Право и управление. XXI век. 2022. № 18 (4). С. 47–54.
3. Усманова Р. М. К вопросу о конституционном праве на благоприятную окружающую среду // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 173–176.
4. Аверин А. В., Гусаров А. В. Ограничения прав на природные ресурсы в Российской Федерации // Вестник Владимира государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2021. № 3 (29). С. 8–11.
5. Агарков М. М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 145–181.
6. Кичигин Н. В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 144–154.
7. Мамчун В. В. Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 243–248.
8. Агамиров К. В. Понятие и значение юридического прогнозирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 13–17.
9. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Современные тенденции нормотворчества в сфере земельного, градостроительного и природоресурсного права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5(102). С. 193–204.
10. Нанба С. Б. Право: модели и отклонения // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 145–149.
11. Шиндина А. В. К проблеме повышения эффективности нормотворческого процесса в современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3(128). С. 90–93.
12. Шабуров А. С. Правовой риск с позиций позитивной юридической ответственности // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 29–33.
13. Новикова Е. В. О практике эколого-правовых экспериментов // Экологическое право. 2021. № 5. С. 34–40.
14. Сивицкий В. А., Сорокин М. Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.
15. Лазарев В. В. Проблемы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.

16. Чагин И. Б. Сущностная характеристика правового эксперимента // Сибирский юридический вестник. 2021. №1(92). С. 14–18.
17. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.
18. Фицай Д. А. Защита экологических прав: некоторые проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 127–135.
19. Бражник И. С. Экологические суды: некоторые вопросы истории и практики // Российский судья. 2021. № 9. С. 60–64.
20. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
21. Гусаров А. В. Проблемы внесения представлений по делам об административных правонарушениях в сфере экологии // Административное право и процесс. 2023. № 12. С. 44–47.
22. Мамчун В. В. Правоприменительный риск: проблемы теории: монография / под ред. В. М. Баранова. Владимир: Владимир. юрид. ин-т Минюста России, 2001. 135 с.
23. Садохина Н. Е. К проблеме кодификации экологического законодательства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. №1(1). С. 42–47.
24. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. №2(194). С. 32–44.
25. Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. №6. С. 9–19.

References

1. Sarankina J.A. Global ecological problems of the present: the characteristic and the basic directions of overcoming. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science.* 2017;(3):188–194. (In Russ.)
2. Adamyants S.T. Juridification of modern Russian society and the limits of legal regulation: general theoretical aspect of research. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and management. XXI century.* 2022;(18):47–54. (In Russ.)
3. Usmanova R.M. On the issue of the constitutional right to a favorable environment. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and goverment: theory and practices.* 2023;(10):173–176. (In Russ.)
4. Averin A.V., Gusarov A.V. Limitation of rights to natural resources in the Russian Federation. *Vestnik Vladimирskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs. Law Sciences.* 2021;(3):8–11. (In Russ.)
5. Agarkov M.M. Legal relationship (Chapter XII of the layout of a textbook on the theory of state and law, 1948). *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review.* 2022;(3):145–181. (In Russ.)
6. Kichigin N.V. Minimization and prevention of environmental and legal risks. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law.* 2018;(8):144–154. (In Russ.)
7. Mamchun V.V. Risk in legal activity: the essence and determination. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique.* 2019;(13):243–248. (In Russ.)
8. Agamirov K.V. The concept and meaning of legal forecasting. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal policy and legal life.* 2018;(3):13–17. (In Russ.)
9. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Current trends in rulemaking in the field of land, urban planning and natural resource law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current problems of Russian law.* 2019;(5):193–204. (In Russ.)

10. Nanba S.B. Law: models and deviations. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2014;(6):145–149. (In Russ.)
11. Shindina A.V. On the problem of increasing the effectiveness of the rule-making process in modern Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019;(3):90–93. (In Russ.)
12. Shaburov A.S. Legal risk from the perspective of positive legal responsibility. *Rossijskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian law journal*. 2019;(6):29–33. (In Russ.)
13. Novikova E.V. On the practice of environmental law experiments. *Ekologicheskoe pravo = Environmental law*. 2021;(5):34–40. (In Russ.)
14. Sivickiy V.A., Sorokin M.Y. Legal experiment and development of law. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016;(4):15–30. (In Russ.)
15. Lazarev V.V. Gaps in the law and ways to eliminate them. Moscow: Yurid. lit.; 1974. 184 p. (In Russ.)
16. Chagin I.B. The essential characteristic of the legal experiment. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*. 2021;(1):14–18. (In Russ.)
17. Tihomirov Y.A. Forecasts and risks in the legal field. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2014;(3):5–16. (In Russ.)
18. Ficay D.A. Protection of environmental rights: some problems of theory and practice. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian law*. 2018;(3):127–135. (In Russ.)
19. Brazhnik I.S. Environmental courts: some issues of history and practice. *Rossijsy sudia = Russian judge*. 2021;(9):60–64. (In Russ.)
20. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. Moscow: Yurid. lit., 1975. 264 p. (In Russ.)
21. Gusarov A.V. Problems of making submissions in cases on administrative offenses in the environmental sphere. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Process*. 2023;(12):44–47. (In Russ.)
22. Mamchun V.V. Law enforcement risk: problems of theory. Vladimir: Vladimir. yurid. in-t Minyusta Rossii; 2001. 135 p. (In Russ.)
23. Sadohina N.E. On the problem of codification of environmental legislation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo = Bulletin of the Tambov University. Series: Political Science and Law*. 2015;(1):42–47. (In Russ.)
24. Vlasenko N.A. Uncertainty in law: the nature and forms of expression. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2013;(2):32–44. (In Russ.)
25. Tihomirov Y.A. Risk in law: nature and causes. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and modern States*. 2016;(6):9–19. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Гусаров Артём Владимирович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация
e-mail: gusarov.artym@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-0033-435X

Artem V. Gusarov, Post-Graduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: gusarov.artym@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-0033-435X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.191:342.924

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-32-68>

Оспаривание (обжалование) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица. Часть 2

А. В. Габов¹

¹Институт государства и права Российской академии наук
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва 119019, Российская Федерация

e-mail: gabov@igpran.ru

Резюме

Актуальность. Юридическое лицо – востребованное правовое средство для реализации гражданами Российской Федерации своих экономических и иных интересов, о чем свидетельствуют и статистические данные ФНС России в части государственной регистрации юридических лиц. Масштаб взаимодействия заявителей и уполномоченных органов, а также лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации, текущее (далекое от оптимального) состояние законодательства о государственной регистрации, создающее благоприятную основу для возникновения конфликтов и споров, предполагает необходимость формирования эффективных форм и средств защиты прав и охраняемых законом интересов заявителей, чего, к сожалению, пока нет.

Цель состоит в выявлении ключевых проблем и тенденций в развитии законодательства в части обжалования (оспаривания) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица.

Задачи исследования: проанализировать развитие законодательства в части обжалования (оспаривания) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица; выявить направления такого развития, понять причины их формирования; выявить основные проблемы и сформулировать пути их преодоления.

Методология. Статья выполнена на основе традиционных для юридических исследований методов; в основу исследования положен системный анализ.

Результаты. Установлено, что существующее регулирование сформировалось в большей степени «стихийно», при отсутствии специальной политики-правовой основы; выявлена рассогласованность положений основных регулирующих документов; выявлены проблемы, возникающие с досудебным обжалованием решений (действий / бездействия) уполномоченных органов, действий МФЦ и его работников; указано на проблемы с обжалованием /оспариванием действий / бездействия нотариусов.

Выход. Исследование показывает необходимость системного реформирования норм, регулирующих вопросы обжалования (оспаривания) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации; предлагаются направления соответствующих изменений.

Ключевые слова: государственная регистрация; государственная услуга; регистрирующий орган; многофункциональный центр; нотариус; редомициляция; управляющая компания.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Габов А. В. Оспаривание (обжалование) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица. Часть 2 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 32–68. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-32-68>

Поступила в редакцию 02.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Challenging (appealing) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity. Part 2

Andrey V. Gabov¹✉

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka Str., Moscow 119019, Russian Federation

✉e-mail: gabov@igpran.ru

Abstract

Relevance. A legal entity is a popular legal tool for citizens of the Russian Federation to implement their economic and other interests, as evidenced by the statistical data of the Federal Tax Service of Russia in terms of state registration of legal entities. The scale of interaction between applicants and authorized bodies, as well as persons (organizations) involved in the state registration process, the current (far from optimal) state of legislation on state registration, which creates a favorable basis for the emergence of conflicts and disputes, suggests the need to develop effective forms and means of protecting the rights and legally protected interests of applicants, which, unfortunately, does not exist yet.

The purpose is to identify key problems and trends in the development of legislation in terms of appealing (challenging) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity.

Objectives of the study: to analyze the development of legislation in terms of appealing (contesting) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity; to identify the directions of such development, to understand the reasons for their formation; to identify the main problems and formulate ways to overcome them.

Methodology. The article is written on the basis of traditional methods for legal research; the study is based on a systems analysis.

Results. It has been established that the existing regulations were formed to a greater extent "spontaneously", in the absence of a special political and legal basis; inconsistency in the provisions of the main regulatory documents has been revealed; problems arising with pre-trial appeal of decisions (actions / inaction) of authorized bodies, actions of the MFC and its employees have been identified; problems with appealing / challenging the actions / inaction of notaries are indicated.

Conclusion. The study shows the need for a systemic reform of the rules governing issues of appealing (challenging) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the state registration process; directions for appropriate changes are proposed.

Keywords: state registration; public service; authorized registration authority; multifunctional center; notary; re-domiciliation; management company.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gabov A.V. Challenging (appealing) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity. Part 2. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Серия: История и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):32–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-32-68>

Received 02.09.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

В число лиц (организаций), которые вовлечены в процесс государственной регистрации, входят (указываются по очередности их вовлечения): нотариусы, многофункциональные центры (МФЦ) и их должностные лица (потенциально и иные организации, привлекаемые МФЦ), а также управляющие компании в специальных административных районах. Посмотрим подробно на порядок оспаривания (обжалования) их решений (действий) и бездействия.

Методология

Исследование проведено с использованием традиционно используемых для выполнения подобного рода работ методов. В основу проведения исследования положены общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, сравнение и аналогия и пр.) и частнонаучные методы (историко-правовой и др.), позволившие достичь цели и задач исследования. Специфика предмета исследования обусловила его частично междисциплинарный характер, поскольку вопросы государственной регистрации юридических лиц представляют комплекс частных и публичных отношений, в силу чего автор рассмотрел как вопросы, относящиеся к сфере частноправовых исследований, так и относящиеся к сфере публично-правовых исследований (те, что традиционно рассматривались в рамках исследований по административному праву).

Результаты и их обсуждение

Правомочия лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица, и оспаривание (обжалование) их действий (бездействия)

Нотариусы. Согласно положениям Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц» (из-

начальное название этого нормативного правового акта), принятого в 2001 г.¹ (далее – Закон № 129-ФЗ), нотариусы выполняли одну функцию – нотариального удостоверения подписи заявителя на заявлении, направляемом на государственную регистрацию. В такой роли нотариусы в сам процесс государственной регистрации не вовлекались; негативное влияние на указанный процесс в этом случае могли и могут (поскольку функция свидетельствования подписи заявителя закреплена за нотариусами и в н.в.) иметь лишь недостатки самого нотариального действия².

Во второй половине 2000-х гг. ситуация начала меняться – нотариусы стали активно вовлекаться в процесс государственной регистрации (некоторые исследователи рассматривают этот вопрос и более широко, говоря о тенденции «вовлечении» нотариусов в корпоративные отношения [1, с. 8–11], как в роли субъектов, привлекаемых для взаимодействия с регистрирующими органами по воле реального заявителя, так и, что более значимо, в роли субъектов, вне взаимодействия с которыми и без совершения которыми определенных действий (направления документов регистрирующему органу) в отдельных случаях государственная регистрация осуществлена быть

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33, ч. I, ст. 3431.

² См., к примеру: п. 1.1 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2020), направленного письмом ФНС России от 30 октября 2020 г. № КВ-4-14/17869@; п. 2.4 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2017), направленного письмом ФНС России от 6 июля 2017 г. № ГД-4-14/13154@.

не могла (т. е. вне зависимости от воли реального заявителя).

Отметим, что очевидной политico-правовой основы под такими решениями не лежало: мы не находим концептуально оформленных, системных положений в документах, в которых затрагивались вопросы реформирования правового регулирования государственной регистрации¹, хотя в работах, положения которых впоследствии стали частью материалов для работы над концептуальными положениями по реформе гражданского законодательства, вопросы роли нотариусов в государственной регистрации юридических лиц поднимались (в частности, в работе [2, с. 26–34]).

Вывод об отсутствии политico-правовой основы для соответствующих изменений подтвержден анализом текстов соответствующих нормативных актов, которыми эти изменения вносились (причем часто, в одни и те же нормативные положения), в которых не выдержана терминология, имеется явное дублирование (к примеру, см. положения п. 1.3–2 ст. 9 Закона № 129-ФЗ и ст. 103.10, 103.10-1 Основ законодательства о нотариате² и пр.). С 2008 г.³ появляется указа-

¹ См.: Концепцию развития корпоративного законодательства на период до 2008 года, подготовленную Минэкономразвития России, Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренную решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: [утв. Верховным Советом РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1] // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 312-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1, ст. 20. Отметим, что в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 213410-4 «О внесении

изменений на нотариусов как заявителей в случаях внесения в ЕГРЮЛ изменений, касающихся перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью⁴ (причем подробные правила совершения нотариальных действий впервые вносились в закон, регулирующий правовое положение юридического лица, а не в специальный нормативный акт, регулирующий порядок совершения нотариальных действий, что отмечалось исследователями [3, с. 117]. В 2015 г. в Основах законодательства о нотариате появляются⁵: специаль-

изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации, в Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью" и Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей"» каких-либо специальных пояснений относительно изменения роли нотариусов при государственной регистрации не указано (см.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/213410-4>).

⁴ В Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 785) (далее – Закон № 14-ФЗ) было внесено указание на соответствующее нотариальное действие – «нотариальное действие по передаче в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявления о внесении соответствующих изменений в единый государственный реестр юридических лиц»; в Закон № 129-ФЗ (ст. 9) были внесены положения о нотариусах как заявителях при государственной регистрации.

⁵ См. федеральные законы: от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 13, ст. 1811); от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. I, ст. 11). Отметим, что в этих

ные положения (ст. 86.3) о представлении документов на государственную регистрацию юридического лица нотариусом, засвидетельствовавшим подлинность подписи на заявлении, уведомлении или сообщении о государственной регистрации по просьбе лица, обратившегося за совершением соответствующего нотариального действия; корреспондирующие положения (о том, что представление документов в регистрирующий орган может быть осуществлено по просьбе заявителя нотариусом в порядке, установленном законодательством о государственной регистрации) закрепляются и в Законе № 129-ФЗ (ст. 9); также была закреплена роль нотариуса как обязательного (безальтернативно) заявителя в отдельных случаях государственной регистрации (соответствующие изменения были внесены в законы № 14-ФЗ и № 129-ФЗ). Следующий этап изменений связан с 2021 г., когда появились положения о нотариусе¹ как заявителе в случае свиде-

случаях каких-либо объяснений пояснительные записки к соответствующим законопроектам не содержат (см. пояснительную записку к проекту Федерального закона № 613254-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (см.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/613254-6>) и пояснительную записку к проекту Федерального закона № 723854-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (см.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/723854-6>)).

¹ См.: федеральные законы от 26 мая 2021 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" и статью 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 22, ст. 3678); от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ «О внесении изменений в

тельствования подлинности подписи², а также были определены функции нотариуса при государственной регистрации изменений, связанных с заключением и исполнением договора конвертируемого займа³. Последние по времени измене-

отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. I, ст. 5182).

² В отличие от рассмотренных выше примеров изменений, в этом случае пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1021318-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате в части исключения необходимости нотариального удостоверения доверенности, на основании которой действует представитель заявителя при государственной регистрации юридического лица при его создании, а также физического лица в качестве индивидуального предпринимателя» (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/1021318-7>) объяснения новым изменениям содержала. Хотя назвать такие объяснения исчерпывающими нельзя; указывалось, что проект «направлен на исключение необходимости нотариального удостоверения доверенности, на основании которой действует представитель заявителя (курьер) при представлении документов на государственную регистрацию при создании юридического лица, а также физического лица в качестве индивидуального предпринимателя». Между тем в реальности эти (как и предыдущие изменения) существенно меняли последовательность действий при государственной регистрации, «помещая» между реальным заявителем и государственным органом нотариуса как технического заявителя.

³ В этом случае пояснительная записка (к проекту Федерального закона № 972589-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части конвертируемого займа» (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/972589-7>)) также содержит некоторые пояснения предлагаемым изменениям. В частности, роль нотариуса сравнивается в ней с ролью регистратора акционерного общества: «...если заемщиком является общество с ограниченной ответственностью,

ния, связанные с функциями нотариусов в процессе государственной регистрации (в Основы законодательства о нотариате (ст. 80, 86.3, 103.10, 103.10-1), Закон № 14-ФЗ (ст. 40), Закон № 129-ФЗ (ст. 9, 20)) внесены в 2024 г.¹

функции, аналогичные функциям регистратора при заключении и исполнении договора конвертируемого займа, выполняет нотариус. Договор конвертируемого займа подлежит нотариальному удостоверению, а нотариус, его удостоверивший, направляет в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявление о внесении в ...ЕГРЮЛ... сведений о заключенном договоре конвертируемого займа, в том числе о заемодавце и размере доли в уставном капитале общества, которую он может получить. В последующем нотариус после получения требования кредитора о передаче ему доли (увеличении доли) в уставном капитале..., направляет заявление, содержащее сведения об увеличении уставного капитала..., а также иную необходимую информацию в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц. Такое заявление направляется нотариусом, если до истечения установленного срока не поступили возражения общества-заемщика».

¹ См.: Федеральные законы от 8 августа 2024 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Российская газета. 2024. № 182) и от 8 августа 2024 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Российская газета. 2024. № 181). Отметим, что пояснительные записки к соответствующим законопроектам (проекту Федерального закона № 103501-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и статью 8 Федерального закона "О рынке ценных бумаг"» и проекту Федерального закона № 293466-8 «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате») каких-либо объяснений вводимым изменениям не содержат.

Анализ указанных изменений законодательства в период 2008 – 2024 гг. позволяет:

а) выделить *две сложившиеся формы участия нотариуса в процессе государственной регистрации*:

- нотариус как обязательный (альтернативно) заявитель (лицо, представляющее документы для государственной регистрации)² в процессе такой регистрации;

- нотариус как лицо, представляющее документы в регистрирующий орган «по просьбе заявителя»³;

б) указать следующие случаи участия нотариуса в процессе государственной регистрации в качестве обязательного заявителя:

- свидетельствование подлинности подписи заявителя на заявлении о государственной регистрации по форме № Р11001⁴ (абз. 5 п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ, ст. 80 Основ законодательства о нотариате) – *документы для государственной регистрации представляет нотариус*⁵, засвиде-

² В этой части (терминология) положения ст. 9 Закона № 129-ФЗ представляются запутанными, что является результатом многочисленных изменений этой статьи в период 2008–2024 гг.

³ Словосочетание «*по просьбе заявителя*» использует и абз. 5 п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ, и иные законы, к примеру, ст. 86.3 Основ законодательства о нотариате.

⁴ Форма этого заявления («Заявление о государственной регистрации юридического лица при создании») утверждена приказом ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362347/).

⁵ Представление документов осуществляется нотариусом путем их направления в регистрирующий орган в форме электронных документов, подписанных УКЭП нотариуса,

тельствовавший подлинность подписи заявителя¹ (свидетельствование подлинности подписи и представление документов – в рамках одного нотариального действия);

– свидетельствование подлинности подписи заявителя на заявлении о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, в связи с избранием (назначением) лица, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица (абз. 6 п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ, ст. 80 Основ законодательства о нотариате) – представление заявления для государственной регистрации осуществляется нотариусом, удостоверившим подлинность подписи заявителя на заявлении о государственной регистрации² (свидетельствование подлинности подписи и представление документов – в рамках одного нотариального действия);

– государственная регистрация изменений, вносимых в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, в связи с избранием (назначением) лица, имеющего право без доверенности действовать от имени общества с ограниченной ответственностью³ (п. 1.3-2 ст. 9 За-

с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», либо СМЭВ.

¹ Это положение не применяется для юридических лиц, государственная регистрация которых осуществляется в специальном порядке (абз. 5 п. 1 ст. 9 № 129-ФЗ).

² Это положение не применяется для юридических лиц, государственная регистрация которых осуществляется в специальном порядке; его применение также исключено в случае применения п. 1.3-2 ст. 9 Закона № 129-ФЗ.

³ В соответствии со ст. 40 Закона № 14-ФЗ факт принятия решения об избрании (назначении) единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью должен быть нотариально удостоверен; это положение не применяется к обществам с ограниченной ответственностью, являющимся кредитными организациями, не-

кона № 129-ФЗ, ст. 103.10, 103.10-1 Основ законодательства о нотариате) – заявителем является нотариус, удостоверивший факт принятия указанного решения органом общества с ограниченной ответственностью, или нотариус, удостоверивший факт принятия указанного решения единственным участником этого общества с ограниченной ответственностью;

– в случае удостоверения нотариусом факта принятия решения органом юридического лица об избрании (о назначении) единоличного исполнительного органа (ст. 103.10, 103.10-1 Основ законодательства о нотариате) – заявление о государственной регистрации изменений, вносимых в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, в связи с избранием (назначением) лица, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица, предоставляется нотариусом, удостоверившим факт принятия решения органом юридического лица об избрании (о назначении) единоличного исполнительного органа, не позднее следующего рабочего дня после предоставления нотариусу протокола о проведении заседания и результатах голосования на нем или протокола о результатах заочного голосования на нем;

– государственная регистрация наследственного фонда при его создании (ст. 123.20-8 ГК РФ, ст. 63.2 Основ законодательства о нотариате) осуществляется по заявлению нотариуса, ведущего наследственное дело, по месту нахождения этого нотариуса;

– государственная регистрация изменений, вносимых в устав общества с ограниченной ответственностью в связи с увеличением уставного капитала такого общества во исполнение договора конвертируемого займа (п. 1.3-1 ст. 9 Закона

кредитными финансовыми организациями, специализированными обществами, созданными в соответствии с законодательством Российской Федерации о ценных бумагах.

№ 129-ФЗ, ст. 103.13 Основ законодательства о нотариате, ст. 19.1 Закон № 14-ФЗ) осуществляется *по заявлению нотариуса, которому поступило соответствующее требование заемодавца по указанному договору*;

– внесение в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о наличии заключенного заемщиком – обществом с ограниченной ответственностью – договора конвертируемого займа, в том числе о заемодавце по указанному договору и размере (максимальном размере) его доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, которую он может получить (приобрести) в результате реализации соответствующего права по договору конвертируемого займа (п. 1.4 ст. 9 Закона № 129-ФЗ) осуществляется *по заявлению нотариуса, удостоверившего договор конвертируемого займа*;

– переход либо залог доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на основании сделки (договора), подлежащей (подлежащему) обязательному нотариальному удостоверению (п. 1.4 ст. 9 Закона № 129-ФЗ, ст. 21, 22 Закон № 14-ФЗ) – *документы для государственной регистрации представляет нотариус, удостоверивший соответствующую сделку (договор)*;

– уведомление руководителем ликвидационной комиссии (ликвидатором) регистрирующего органа о формировании ликвидационной комиссии или о назначении ликвидатора (п. 3 ст. 20 Закона № 129-ФЗ, ст. 80 Основ законодательства о нотариате) – *представление в регистрирующий орган указанного уведомления, в том числе представляемого одновременно с сообщением о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации, осуществляется нотариусом, засвидетельствовавшим подлинность подписи руководителя ликвидационной комиссии (ликвидатора) на указанном уведомлении*.

В том случае, когда нотариус выступает обязательным (названным законом, безальтернативным) заявителем (лицом, представляющим документы для государственной регистрации), он приобретает и соответствующие права по обжалованию (оспариванию) решений государственного регистрирующего органа в соответствии с правилами главы VIII.1 Закона № 129-ФЗ; нотариус также получает возможность оспаривать действия управляющей компании специального административного района, в случае создания наследственного фонда со статусом международного фонда в соответствии со ст. 63.2 Основ законодательства о нотариате (нотариус подает документы не уполномоченному государственному органу, а управляющей компании).

Однако в этих случаях неизбежно возникает еще один «слой» отношений – между реальными интересантами (реальными заявителями), т. е. юридическим лицом и иными лицами, в интересах которых нотариус выступает обязательным (техническим) заявителем (лицом, представляющим документы для государственной регистрации), поскольку реальные интересанты государственной регистрации в полной мере зависят от действий (бездействия) нотариуса. Можно предположить, что:

– если нотариус не представляет заявление и/или иные документы или представляет для регистрации такие заявление и/или иные документы, которые в силу дефектов не приводят к положительным для реальных заявителей последствиям (принятие решения о государственной регистрации), то в этом случае возникают основания для оспаривания действий (бездействия) нотариуса и ответственности нотариуса перед такими лицами;

– если нотариус направляет заявление и/или иные документы, не осуществив необходимую юридическую экспертизу, то и положительное решение по итогам государственной регистрации

также может привести к ответственности нотариуса¹.

Однако, чтобы понять, какие дефекты поведения нотариуса могут привести к возможности их оспаривания, необходимо понять, какие требования, собственно, закон предъявляет к такому поведению применительно к процессу государственной регистрации.

Непосредственно Закон № 129-ФЗ содержит весьма небольшой объем таких требований (п. 1 ст. 9): представление документов осуществляется нотариусом путем их направления в регистрирующий орган в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП) нотариуса, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», либо СМЭВ; иных требований нет, при этом имеется отсылка (в части электронного взаимодействия) на подзаконное регулирование². При этом такое регулирование определяет лишь технические условия взаимодействия (форматы документов и пр.). Таким образом, можно констатировать, что каких-либо специальных требований о проверке нотариусом заявления

¹ Такая ответственность возможна и в ситуации направления заявления и документов «по просьбе заявителя».

² Согласно абз. 7 п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ порядок взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации, в форме электронных документов, а также требования к формированию таких электронных документов устанавливаются ФНС России, в настоящее время – приказом ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1267@ «Об утверждении Порядка взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов, а также требований к формированию таких электронных документов» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439548/).

(иных документов) на соответствие закону, а информации, содержащейся в них, реальным фактическим обстоятельствам (достоверности), в законодательстве о государственной регистрации юридических лиц не имеется³.

Исследование законодательства о нотариате – Основ законодательства о нотариате и Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, утвержденного решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 28 августа 2017 г. № 10/17 и приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156⁴ (далее – Регламент совершения нотариальных действий) – показывает, что и в них требования к поведению нотариуса при его участии в процессе госу-

³ Хотя предпосылки для их появления в свое время были созданы: Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» дополнял п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ правилом о том, что «представление документов в регистрирующий орган может быть осуществлено по просьбе заявителя нотариусом *в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о государственной регистрации*» (выделено нами. – А.Г.). Впоследствии эта норма была из закона исключена. Отметим, что в специальных исследованиях высказывались отрицательные мнения относительно возложения на нотариусов функций по проверке документов, представляемых для государственной регистрации, аргументированные, среди прочего, и тем, что это может привести к ответственности нотариусов. См.: Зорина Е. А. Государственная регистрация юридических лиц в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 100.

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_239685/ (дата обращения: 17.08.2024).

дарственной регистрации юридического лица урегулированы недостаточно.

Статья 35 Основ законодательства о нотариате для случаев участия нотариуса как обязательного заявителя специальным образом указывает два отдельных вида нотариальных действий: *представление документов на государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и совершение нотариальных действий в связи с увеличением уставного капитала общества с ограниченной ответственностью во исполнение договора конвертируемого займа.*

В части представления документов на государственную регистрацию можно указать на специальные положения ст. 86.3 («Представление документов на государственную регистрацию юридического лица и индивидуального предпринимателя»), ст. 80 («Свидетельствование подлинности подписи на документе») и ст. 63.2 («Действия нотариуса при наличии завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда») Основ законодательства о нотариате.

Первая из указанных статей Основ законодательства о нотариате (86.3) в ее актуальной редакции разграничение между обязательным участием нотариуса в государственной регистрации и участием «по просьбе заявителя» не проводит. Обе ее части содержат слова «по просьбе заявителя»: и в части случая, когда нотариус свидетельствует подлинность подписи на заявлении, уведомлении или сообщении о государственной регистрации юридического лица, и в части случая, когда нотариус удостоверяет решение учредителя личного фонда об учреждении личного фонда, устав личного фонда и условия управления личным фондом. Таким образом, содержание данной статьи (но не ее название) не отражает реальную роль нотариуса в процессе госу-

дарственной регистрации¹. Текст ст. 86.3 Основ законодательства о нотариате содержит также форму направления документов регистрирующему органу: в форме электронного документа (документов) в соответствии с Законом № 129-ФЗ²; также установлено, что нотариус, совершивший нотариальное действие, получает документы, выданные уполномоченным государственным органом, в форме электронных документов, и выдает их лицу, обратившемуся за совершением соответствующего нотариального действия. Регламент совершения нотариальных действий содержит специальный раздел – XVII («Объем информации, необходимой при представлении документов на государственную регистрацию юридического

¹ Как показывает анализ ст. 80 Основ законодательства о нотариате для части случаев выступления нотариусом в качестве обязательного заявителя (см. ниже) имеет значение именно указанная статья, а положения ст. 86.3 не подлежат применению, хотя по названию ст. 80 должна регулировать не вопросы представления документов для государственной регистрации, а свидетельствования подлинности подписи.

² Причем с некоторыми текстуальными различиями: если в первом случае не указаны требования к электронной цифровой подписи, то во втором случае (личные фонды) указано, что электронный документ подписывается УКЭП нотариуса. Разница эта ничего, кроме упрека в несовершенстве юридической техники, вызывать не может: ст. 9 Закона № 129-ФЗ содержит (неоднократно) указание на необходимость использования нотариусом УКЭП. Соответствующие положения содержит и Порядок взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов, а также требований к формированию таких электронных документов, утвержденный приказом ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1267@. В принципе с точки зрения юридической экономии этот вопрос мог бы быть решен один раз в указанном подзаконном акте.

лица и индивидуального предпринимательства, и порядок ее фиксирования»), который включает всего одно правило (п. 106), в соответствии с которым информация о документах, принятых для государственной регистрации юридического лица, отображается в протоколе фиксирования информации или заявлении.

Как видно, формальной обязанности нотариуса удостовериться в соответствии документов, направляемых для государственной регистрации юридического лица, требованиям законодательства, а также проверить информацию, в них содержащуюся, на предмет достоверности в настоящее время законодательство не закрепляет. Частично это отсутствие можно объяснить наличием общих правил к деятельности нотариуса при совершении любых нотариальных действий. В частности, согласно ст. 16 Основ законодательства о нотариате установлена обязанность нотариуса при совершении нотариального действия провести *правовой анализ предоставленных документов*, проектов документов, полученной информации; при этом нотариус обязан отказать в совершении нотариального действия в случае его несоответствия законодательству Российской Федерации или международным договорам; последнее правило подкреплено и ст. 48 Основ законодательства о нотариате, которые устанавливают основания для отказа в совершении нотариального действия, среди которых и такие основания, как:

- противоречие закону совершения нотариального действия;
- несоответствие требованиям законодательства документов, представленных для совершения нотариального действия, не соответствуют требованиям законодательства;
- отсутствие подтверждения в установленном законодательством Российской Федерации порядке при условии, что подтверждение требуется в соответствии с законодательством Российской

Федерации, фактов, изложенных в документах, представленных для совершения нотариального действия.

Указанные правила создают основу для требований к нотариусу при получении от реальных интересантов (заявителей) документов, которые должны быть впоследствии направлены им для государственной регистрации юридического лица, *проверить указанные документы на соответствие закону, а также проверить информацию, в них содержащуюся, на предмет достоверности*. Соответственно, если нотариус эту «проверочную» (не прямо в настоящее время закрепленную, а, скорее, имплицитно, ему вменяемую государством, наделяющим его функцией обязательного заявителя) деятельность не осуществит, то это создаст основания (при отказе в государственной регистрации, прежде всего, а также и при государственной регистрации) для предъявления требования к нотариусу о возмещении вреда в соответствии с правилами ст. 17 Основ законодательства о нотариате, а также для оспаривания нотариального действия. Нельзя не согласиться с М. З. Шварцем, который, рассуждая об ответственности нотариуса, также фактически подчеркивает такие имплицитные, «вытекаемые» из общих положений обязанности: «Противоправность в действиях нотариуса имеет место тогда, когда он не выполнил то, что предписано правилами нотариального производства, включая проявление той неформализованной в них осмотрительности и заботливости, которая в отношении устанавливаемых им фактов должна обеспечиваться каждым участником оборота» [4, с. 112].

И тем не менее, как думается, в полной мере ответ на поставленный вопрос в настоящее время отсутствует, поскольку не ясны характер и глубина проверочных мероприятий: если оценка соответствия закону – это достаточно профильная деятельность для нотариуса, то вот вопрос об определении достоверности / недосто-

верности представленной информации (сведений) – весьма сложен в силу отсутствия четких правовых критериев. При их отсутствии конфликтный потенциал очевиден: к примеру, реальный заявитель полагает, что предлагаемый учредитель не является «массовым», поскольку такой критерий законом не установлен, а нотариус, исходя из разъяснений ФНС России и некоторых судебных актов, будет считать, что наличие критерия «массового» учредителя повлечет отказ, не соответствует закону и отказывает в совершении нотариального действия.

Статья 80 Основ законодательства о нотариате, в отличие от ст. 86.3 этого же документа, признает нотариуса как лицо, обязанное направить документы, подлинность подписи на которых была засвидетельствована¹, регистрирующему органу. Соответствующая обязанность сформулирована следующим образом: нотариус² обязан незамедлительно, но не позднее окончания рабочего дня, представить в форме электронных документов соответствующие заявление или уведом-

ление и иные представленные заявителем документы в регистрирующий орган в соответствии с Законом № 129-ФЗ. Отметим, что анализируемая норма специальных положений о проверке направляемых для регистрации документов (сведений) не содержит.

Статья 63.2 Основ законодательства о нотариате устанавливает порядок действия нотариуса при обнаружении в соответствии со ст. 60.1 этого же акта в единой информационной системе нотариата сведений о составлении наследодателем завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда. Статья 63.2 Основ законодательства о нотариате устанавливает требование к нотариусу, ведущему наследственное дело, после ознакомления с содержанием завещания направить лицу, которое в соответствии с решением об учреждении наследственного фонда назначается единоличным исполнительным органом наследственного фонда или может быть определено в порядке, установленном решением об учреждении наследственного фонда, как лицо, на которое возлагаются полномочия единоличного исполнительного органа наследственного фонда, предложение дать согласие на осуществление полномочий единоличного исполнительного органа наследственного фонда. Аналогична обязанность в части будущего состава коллегиальных органов наследственного фонда. Согласно указанной статье, физическое или юридическое лицо, давшее нотариусу свое согласие на осуществление полномочий единоличного исполнительного органа наследственного фонда или члена коллегиального органа наследственного фонда, должно быть указано в заявлении о государственной регистрации наследственного фонда, которое нотариус подписывает квалифицированной электронной подписью³ и направляет в электронной форме в уполномоченный

¹ В актуальной редакции статьи упомянуты следующие документы (в части юридических лиц):

- заявление о государственной регистрации юридического лица при создании;
- заявление о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, в связи с избранием (назначением) лица, имеющего право без доверенности действовать от имени юридического лица;
- уведомление о формировании ликвидационной комиссии или о назначении ликвидатора, в том числе представляемом одновременно с сообщением о том, что юридическое лицо находится в процессе ликвидации.

² В случае, если в создании юридического лица участвуют несколько учредителей, заявление о государственной регистрации юридического лица при создании и иные необходимые документы направляются регистрирующему органу нотариусом, засвидетельствовавшим подлинность подписи последнего из заявителей на указанном заявлении.

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(5):32-68

³ Обратим внимание, в этой статье не говорится об использовании УКЭП.

государственный орган. Получается, что какой-либо альтернативы (если согласие лица есть) у нотариуса нет. Тогда возникает вопрос о том, какова ответственность нотариуса, если, к примеру, по мотиву наличия критерия «массового» учредителя последует отказ в государственной регистрации. Указанная статья частично «покрывает» эти вопросы положениями о «невозможности сформировать органы наследственного фонда» (по аналогии); однако и случай невозможности описан в статье довольно неясно, отмечено, что «в этом случае наследственный фонд не создается и к наследованию не призывается впредь до появления возможности сформировать в соответствии с решением об учреждении наследственного фонда органы наследственного фонда в течение сроков для принятия наследства, но не позднее чем в течение одного года со дня открытия наследства». Но как такая возможность – сформировать в соответствии с решением об учреждении наследственного фонда органы наследственного фонда – должна появиться, данная статья не определяет. Исходя из этого возникают и вопросы о том, кто и по каким критериям будет (может) обжаловать действия нотариуса, а также привлекать его к ответственности за возмещение вреда. Аналогичные вопросы возникают и при создании наследственного фонда со статусом международного фонда, особенности которого также регулирует данная статья.

В части совершения нотариальные действия в связи с увеличением уставного капитала общества с ограниченной ответственностью во исполнение договора конвертируемого займа действуют специальные положения ст. 103.13 Основ законодательства о нотариате и ст. 19.1 Закона № 14-ФЗ. Статья 103.13 Основ законодательства о нотариате предусматривает, что на основании требования заемодавца об увеличении уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, являющегося заемщиком по

договору конвертируемого займа, либо на основании документа, выражающего совместное волеизъявление заемщика и заемодавца об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа, нотариус совершает следующие нотариальные действия¹: а) уведомляет заемщика о предъявлении такого требования заемодавца; б) уведомляет заемодавца о поступлении возражений заемщика в отношении такого требования заемодавца; не позднее 2 рабочих дней после получения таких возражений заемщик направляет заемодавцу уведомление о поступлении таких возражений; в) подает (если не поступили возражения заемщика) в установленный срок² в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в форме электронного документа заявление об увеличении уставного

¹ Для совершения указанных нотариальных действий, согласно ст. 103.13 Основ законодательства о нотариате, заемодавец представляет нотариусу: 1) требование об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа; 2) нотариально удостоверенный договор конвертируемого займа; 3) документ, выданный кредитной организацией и подтверждающий исполнение заемодавцем условий договора конвертируемого займа по передаче в собственность заемщику суммы займа.

² Согласно ст. 103.13 Основ законодательства о нотариате, нотариус подает указанное заявление в один из следующих сроков: не позднее 1 рабочего дня после истечения срока, установленного Законом № 14-ФЗ (по истечении 14 рабочих дней после предъявления требования заемодавца об увеличении уставного капитала общества во исполнение договора конвертируемого займа) для представления заемщиком возражений в отношении увеличения его уставного капитала во исполнение договора конвертируемого займа, либо не позднее 1 рабочего дня после получения документа, выражающего совместное волеизъявление заемщика и заемодавца об увеличении уставного капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа.

капитала заемщика во исполнение договора конвертируемого займа при отсутствии поступления от заемщика возражений¹. Статья 19.1 Закона № 14-ФЗ указывает, что нотариус подает в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в форме электронного документа, подписанного УКЭП, заявление, содержащее сведения об увеличении уставного капитала общества, увеличении номинальной стоимости и размера доли заемодавца – участника общества и уменьшении размера долей иных участников общества, а если заемодавцем является третье лицо – сведения о приобретении заемодавцем доли в уставном капитале общества, принятии заемодавца в общество и уменьшении размера долей участников общества, а также сведения об изменениях, вносимых в устав общества в связи с увеличением его уставного капитала во исполнение договора конвертируемого займа; кроме того, нотариус обязан в течение 3 рабочих дней со дня направления указанного заявления передать обществу с ограниченной ответственностью копию направленного заявления. Как видно, эти положения устанавливают довольно много значимых обязанностей нотариуса, нарушение которых может стать основанием для обжалования в судебном порядке его действий. При анализе соответствующих положений вызывает вопросы как установление регулирования в трех (принимая во внимание п. 1.3-1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ) нормативных актах, так и различия в регулировании, и даже в терминологии; к примеру, Закон № 129-ФЗ не использует понятие «подача заявления о государственной регистрации» – там

(ст. 9) заявление представляется (направляется).

Внесение в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о наличии заключенного заемщиком – обществом с ограниченной ответственностью – договора конвертируемого займа, в том числе о заемодавце по указанному договору и размере (максимальном размере) его доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, которую он может получить (приобрести) в результате реализации соответствующего права по договору конвертируемого займа как отдельного нотариального действия, Основы законодательства о нотариате не знают. Специального регулирования здесь в настоящее время не имеется; сами изменения вносятся по форме № Р13014, утвержденной приказом ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@, однако взаимоотношения нотариуса тех лиц, которые представили для удостоверения договор конвертируемого займа, законом не регулируются.

Вопросы перехода либо залога доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью на основании сделки (договора), подлежащей (подлежащему) обязательному нотариальному удостоверению, специального регулирования в Основах законодательства о нотариате не имеют. При этом часть регулирования помещена в ст. 21 и 22 Закона № 14-ФЗ. Согласно ст. 21 нотариус, совершающий нотариальное удостоверение сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, проверяет полномочие отчуждающего их лица на распоряжение такими долями или частью доли, а также удостоверяется в том, что отчуждаемые доля или часть доли полностью оплачены. Нотариус, удостоверивший договор об отчуждении доли или части доли в уставном капитале общества или акцепт безотзывной оферты, в течение 2 рабочих дней со дня данного удостоверения, если

¹ При поступлении возражений заемщика в отношении требования об увеличении его уставного капитала во исполнение договора конвертируемого займа заявление об увеличении уставного капитала заемщика в регистрирующий орган нотариусом не направляется.

больший срок не предусмотрен договором, подает в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ в форме электронного документа, подписанного УКЭП. Согласно ст. 22 к нотариальному удостоверению договора залога доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, за исключением случаев, если на момент нотариального удостоверения договора залога доля или часть доли еще не принадлежит залогодателю, применяются правила, предусмотренные п. 13 и 13.1 ст. 21 Закона № 14-ФЗ. Кроме того, п. 40 Регламента совершения нотариальных действий предусматривает установление нотариусом дополнительного объема информации при удостоверении договоров об отчуждении или залоге доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: 1) полномочия лица на распоряжение долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью; 2) оплату отчуждаемой доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью; 3) наличие дополнительных требований к порядку отчуждения или залога доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В течение 2 рабочих дней со дня нотариального удостоверения договора залога доли или части доли в уставном капитале, за исключением случаев, если в соответствии с гражданским законодательством либо договором залога доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью залог возникнет в будущем, нотариус, удостоверивший договор залога, подает в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, заявление о внесении соответствующих изменений в ЕГРЮЛ в форме электронного документа, подписанного УКЭП. При этом, как видно, в обоих случаях ст. 21 и 22 Закона № 14-ФЗ фор-

мально не требуют проверки достоверности представленной информации.

Анализируя указанные выше нормативные положения, отметим следующие важные выводы.

Регулирование вопросов участия нотариуса в процессе государственной регистрации юридического лица не является системным, имеющим под собой какую-либо концептуальную основу; отсутствует общая часть такого регулирования; имеется множественность нормативных правовых актов, регулирующих соответствующий вопрос; при этом, удивительно, что эта множественность касается такого предмета регулирования, как порядок совершения нотариального действия. Собственно, в законодательстве необходимо разобраться, о каком (каких) нотариальном действии (действиях) идет речь при вовлечении нотариуса в процесс государственной регистрации (это хорошо заметно при сравнении содержания ст. 80 и 86.3 Основ законодательства о нотариате).

Для иллюстрации этого отметим запутанность терминологии ст. 9 Закона № 129-ФЗ:

1) п. 1.3 указанной статьи нотариусов в перечне заявителей не упоминает вообще (прямое упоминание нотариуса как заявителя имеет место в других пунктах ст. 9 Закона № 129-ФЗ – 1.3-1, 1.3-2, и 1.4), хотя Административный регламент предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств 2020 г.¹ (п. 2)

¹ Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: приказ ФНС России от 13 янв. 2020 г. № ММВ-7-14/12@: [ред. от 17.08.2021] // Федеральная налоговая

прямо указывает нотариусов в числе заявителей. При этом анализ положений ст. 9, 20 Закона № 129-ФЗ, показывает несколько способов описания обязательного участия нотариуса в процессе государственной регистрации: либо «представления документов»¹ («в случае свидетельствования подлинности подписи заявителя (указывается документ) представление осуществляется нотариусом»), либо указанием на «заявителя» («при государственной регистрации (указывается случай) заявителем является нотариус»). Можно выдвинуть гипотезу о том, что в одном случае нотариус выступает квалифицированным представителем («представляет документы» государственному органу), а в другом («заявителем является нотариус») он наделяется всеми функциями заявителя. Однако в реальности такое разграничение провести не представляется возможным: понятия «заявитель» в виде признаков такого лица ст. 9 Закона № 129-ФЗ не устанавливает, в ней указывается на закрытый перечень лиц, которые могут выступать заявителем, хотя из содержания статьи понятно, что заявитель – это то лицо, которое представляет (направляет) документы для государственной регистрации; ст. 35 Основ законодательства о нотариате (дающая перечень нотариальных действий) указывает на представление документов на государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а не выступление в качестве

служба: сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/10266711/ (дата обращения: 17.08.2024).

¹ В части терминологии, описывающей деятельность нотариуса при взаимодействии с государственным регистрирующим органом, надо отметить и отсутствие единства: к примеру, если ст. 9 Закона № 129-ФЗ и ст. 35, 80 и 86.3 Основ законодательства о нотариате указывает на «представление» заявления и иных документов для государственной регистрации, то ст. 103.10, 103.10-1 Основ законодательства о нотариате используют понятие «предоставление».

заявителя. Соответственно, если закон прямо и безальтернативно указывает, что документы представляет нотариус, то он и есть заявитель, т. е. никаких двух способов описания обязательного участия нотариуса в процессе государственной регистрации в Законе о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (в его актуальной редакции), нет. При этом нотариус – заявитель технический, поскольку ни учредителем (участником), ни членом органа управления создаваемого (существующего) юридического лица нотариус не является и не становится после государственной регистрации; интерес нотариуса как заявителя состоит в положительном итоге государственной регистрации (если нотариус представляет документы (выступает заявителем), а не отказывает в совершении этого действия), поскольку иное будет означать наступление для него негативных последствий (возмещение вреда реальному заявителю);

2) абз. 5 п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ в актуальной редакции содержит следующую модель описания участия нотариусов в процессе государственной регистрации: в случае свидетельствования подлинности подписи заявителя на заявлении о государственной регистрации по форме № Р11001 представление документов осуществляется нотариусом, а в иных случаях представление документов в регистрирующий орган может быть осуществлено нотариусом по просьбе заявителя. Таким образом подчеркивается, что нотариус как обязательный заявитель присутствует только в одном случае, а в остальных он действует только по просьбе заявителей. Между тем такая ситуация совершенно не соответствует реальности, поскольку и сама ст. 9 Закона № 129-ФЗ, и ГК РФ, и ряд иных нормативных правовых актов указывают и иные случаи, когда нотариус выступает обязательным заявителем.

Обжалование действий нотариуса как обязательного заявителя в процессе государственной регистрации со стороны реальных интересантов (заявителей), а также иных заинтересованных лиц специально не регулируются. Можно предположить, что соответствующие вопросы регулируются общими положениями ст. 49 Основ законодательства о нотариате, в соответствии с которыми любое заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия, вправе подать об этом жалобу в районный суд по месту нахождения государственной нотариальной конторы (нотариуса, занимающегося частной практикой); жалоба рассматривается в соответствии со ст. 310 – 312 ГПК РФ; при этом какого-либо специального порядка досудебного обжалования действий (бездействия) нотариуса в процессе государственной регистрации законодательство не предусматривает: таковое осуществляется, как верно отмечается в литературе, в судебном порядке (к примеру, [5, с. 12–15] и другие работы). Однако в этом вопросе следует указать на проблемы подсудности (отметим, что вопросы подсудности нашли определенное освещение в ряде специальных исследований [6, с. 45–48; 7, с. 25–36; 8, с. 79–99]: ст. 27 и 225.1 АПК РФ к компетенции арбитражных судов относят рассмотрение дел по корпоративным спорам; к таким спорам ст. 225.1 АПК РФ относит среди прочих: а) споры, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица; б) споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок солями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

Если вторая категория споров – это, как думается, однозначно компетенция арбитражных судов, то с первой категорией споров есть вопросы. «Создание» – это процесс, который законодательство в настоящее время никак не описывает – нет ни его начальных, ни конечных ра-

мок; если в качестве конечных рамок еще можно учитывать факт самой государственной регистрации нового юридического лица (хотя отметим, что некоторые авторы обжалование решения в досудебном порядке и обжалование решения регистрирующего органа в судебном порядке рассматривают как факультативные стадии государственной регистрации юридического лица [9, с. 69–71; 10, с. 245–249]), то вот определение начальной «точки» весьма затруднительно. Отсюда возникает вопрос: следует ли рассматривать действия нотариуса (при свидетельствовании подлинности подписи и пр.) в качестве этого процесса? Если исходить из того, что «создание» как процесс включает и государственную регистрацию, и действия учредителей, осуществляемые до такой регистрации, все споры с нотариусами, возникающие в связи с отказом нотариуса совершить действия по представлению документов для государственной регистрации и даже отказ в свидетельствовании подписи на документе, который впоследствии нотариус (при совершении нотариального действия) должен будет представить регистрирующему органу, должны быть отнесены к категории корпоративного спора. Это же касается и иных случаев участия нотариуса в процессе государственной регистрации, указанных в настоящей статье.

Вопросы возмещения вреда, причиненного нотариусом, рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 17 Основ законодательства о нотариате; согласно указанной статье вред, причиненный имуществу гражданина или юридического лица, возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса или в случае недостаточности этого страхового возмещения – за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, или в случае недостаточно-

сти последнего страхового возмещения – за счет личного имущества нотариуса, или в случае недостаточности его имущества – за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты; за вред, причиненный действиями (бездействием) нотариуса, работающего в государственной нотариальной конторе, несет ответственность государство в соответствии со ст. 1069 ГК РФ. Эти общие положения, очевидно, потребуют совершенствования при возложении на нотариуса специальных полномочий по проверке документов, представленных для государственной регистрации.

2. МФЦ, работники МФЦ, организации, привлеченные МФЦ и их работники. Многофункциональные центры (далее – МФЦ), которые ст. 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹ (далее – Закон № 210-ФЗ) определяются как организации, созданные в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения), отвечающие требованиям, установленным Законом о государственных и муниципальных услугах, уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна», участвуют в процессе государственной регистрации юридических лиц с 2012 г.² Регулирова-

ние участия МФЦ в процессе государственной регистрации юридического лица (исключая государственную регистрацию юридических лиц, решение о которой принимает Министерство юстиции России³) состоит из: а) специальных положений Закона № 129-ФЗ (ст. 9, 11, 23), дополняемых рядом подзаконных актов, в первую очередь Административным регламентом предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@, и иных актов, принимаемых ФНС России для целей государственной регистрации юридического лица; б) общих положений Закона о государственных и муниципальных услугах и норма-

¹ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

² После принятия Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу "одного окна"» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31,

ст. 4322), которым установлена возможность представления документов для государственной регистрации юридического лица через МФЦ. Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1377 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 2, ст. 7933) перечень государственных услуг, предоставление которых организуется по принципу «одного окна» в МФЦ дополнен государственной регистрацией юридических лиц.

³ В соответствии с пп. 14, 65, 130, 181, 241, 300, 361, 365 Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденного приказом Минюста России от 26 сентября 2022 г. № 199, возможность подачи запроса о представлении государственной услуги в МФЦ не предусмотрена.

тивных правовых актов, принятых для его реализации¹.

Участие МФЦ в процессе государственной регистрации юридического лица, исходя из указанной структуры регулирования, в настоящее время состоит в выполнении следующих функций:

- информирование по вопросам предоставления государственной услуги при обращении заявителя для получения государственной услуги, за консультацией по вопросам предоставления государственной услуги (лично, письменно, по справочным телефонам, телефону-автоинформатору (при наличии), путем размещения информации на информационных стендах в местах предоставления государственной услуги (п. 147, 148 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@);

- получение документов для государственной регистрации юридического

¹ К примеру: Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2011 г. № 797 «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, публично-правовыми компаниями» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 40, ст. 5559); Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1376 «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 2, ст. 7932) и др.

лица от заявителей² (п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ³);

- направление полученных документов в уполномоченный регистрирующий орган в форме электронных документов, подписанных УКЭП, с использованием СМЭВ⁴, не позднее 1 рабочего дня, следующего за днем получения документов (п. 1 ст. 9 Закона № 129-ФЗ⁵);

- выдача расписки в получении документов с указанием их перечня и даты их получения заявителю либо его представителю, действующему на основании нотариально удостоверенной доверенности (п. 3 ст. 9 Закона № 129-ФЗ⁶);

² А также представителей заявителей.

³ Также см.: пп. 33, 147, 149 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@.

⁴ Как и в случае с нотариусами, здесь действует Порядок взаимодействия с регистрирующим органом при направлении документов, необходимых для государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в форме электронных документов, а также требований к формированию таких электронных документов, утвержденный приказом ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1267@.

⁵ Также см.: п. 147 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@.

⁶ Также см. п. 150 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный

– получение (в форме электронного документа, подписанного УКЭП) от уполномоченного регистрирующего органа решения о приостановлении государственной регистрации, документов о государственной регистрации, а также решения об отказе в государственной регистрации (п. 4.4 ст. 9, абз. 3 п. 3 ст. 11, абз. 3 п. 4 ст. 23 Закона № 129-ФЗ);

– выдача заявителю (его представителю, действующему на основании нотариально удостоверенной доверенности и представившему МФЦ такую доверенность или ее копию, верность которой засвидетельствована нотариально) по его запросу составленный МФЦ на бумажном носителе документ, подтверждающий содержание электронного документа о приостановлении государственной регистрации, полученного МФЦ от регистрирующего органа (п. 4.4 ст. 9 Закона № 129-ФЗ);

– выдача заявителю (его представителю, действующему на основании нотариально удостоверенной доверенности и представившему МФЦ такую доверенность или ее копию, верность которой засвидетельствована нотариально) по его запросу составленные МФЦ на бумажном носителе документы, подтверждающие содержание электронных документов, связанных с государственной регистрацией, полученных МФЦ от регистрирующего органа (абз. 3 п. 3 ст. 11 Закона № 129-ФЗ¹);

– выдача заявителю (его представителю, действующему на основании нота-

приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@.

¹ Также см.: пп. 112, 153, 154 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@.

риально удостоверенной доверенности и представившему МФЦ такую доверенность или ее копию, верность которой засвидетельствована нотариально) по его запросу составленный МФЦ на бумажном носителе документ, подтверждающий содержание электронного документа – решения об отказе в государственной регистрации, полученного многофункциональным центром от регистрирующего органа (абз. 3 п. 4 ст. 23 № 129-ФЗ);

– выполнение иных функций, а также обязанностей (в части организации деятельности по представлению услуг), вытекающих из Закона № 210-ФЗ и принятых в его развитие подзаконных нормативных актов.

При предоставлении государственной услуги по государственной регистрации юридического лица через МФЦ, как и в иных случаях предоставления государственных услуг, предусмотрена возможность обжалования действий (бездействия) самого МФЦ, его работников, а также организаций, привлеченных МФЦ для оказания государственной услуги в соответствии с Правилами организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1376. Такое обжалование осуществляется в соответствии с правилами главы 2.1 Закона № 210-ФЗ.

Следует обратить внимание на то, что хотя «случаи», когда заявитель может в соответствии со ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ обжаловать решения, действия (бездействие) органа, предоставляющего государственную услугу, а также МФЦ, его работников, организаций, привлеченных МФЦ для оказания услуги в соответствии с ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ и их работников, перечислены в виде общего перечня, а не отдельных перечней, тем не менее есть определенная разница при их использовании применительно к МФЦ, его работникам, организациям, привле-

ченным МФЦ для оказания услуг и их работникам, что можно видеть из таблицы 1 («Формулировки «случаев» для досудебного (внесудебного) обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, и его должностных лиц, и решений, а также действий (бездействия) МФЦ и его работников»).

ствия) органа, предоставляющего государственную услугу, и его должностных лиц, и решений, а также действий (бездействия) МФЦ и его работников»).

Таблица 1. Формулировки «случаев» для досудебного (внесудебного) обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, и его должностных лиц, и решений, а также действий (бездействия) МФЦ и его работников

Формулировки «случаев» для обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу	Формулировки «случаев» с учетом права обжалования решений, действий (бездействия) МФЦ и работников (актуальная редакция случаев в соответствии со ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ)
Нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги	Нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги, <i>запроса, указанного в ст. 15.1 Закона № 210-ФЗ</i> ¹
Нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги	Нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги. <i>В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) многофункционального центра, работника многофункционального центра возможно в случае, если на многофункциональный центр, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ</i> ²
Требование у заявителя документов или информации либо осуществления действий, представление или осуществление которых не предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги	Аналогично
Отказ в приеме документов, предоставление которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги, у заявителя	Аналогично
Отказ в предоставлении государственной или муниципальной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами	Отказ в предоставлении государственной или муниципальной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами

Продолжение табл. 1

Формулировки «случаев» для обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу	Формулировки «случаев» с учетом права обжалования решений, действий (бездействия) МФЦ и работников (актуальная редакция случаев в соответствии со ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ)
	<i>В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) многофункционального центра, работника многофункционального центра возможно в случае, если на многофункциональный центр, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ</i>
Затребование с заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги платы, не предусмотренной нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами	Аналогично
Отказ органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу, в исправлении допущенных ими опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной или муниципальной услуги документах либо нарушение установленного срока таких исправлений	Отказ органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу, <i>многофункционального центра, работника многофункционального центра, организаций, предусмотренных ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ³, или их работников в исправлении допущенных ими опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной или муниципальной услуги документах либо нарушение установленного срока таких исправлений. В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) многофункционального центра, работника многофункционального центра возможно в случае, если на многофункциональный центр, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ</i>
Нарушение срока или порядка выдачи документов по результатам предоставления государственной или муниципальной услуги	Аналогично

Окончание табл. 1

Формулировки «случаев» для обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу	Формулировки «случаев» с учетом права обжалования решений, действий (бездействия) МФЦ и работников (актуальная редакция случаев в соответствии со ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ)
Приостановление предоставления государственной или муниципальной услуги, если основания приостановления не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами	Приостановление предоставления государственной или муниципальной услуги, если основания приостановления не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами. <i>В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) многофункционального центра, работника многофункционального центра возможно в случае, если на многофункциональный центр, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ</i>
Требование у заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги документов или информации, отсутствие и (или) недостоверность которых не указывались при первоначальном отказе в приеме документов, необходимых для предоставления государственной или муниципальной услуги, либо в предоставлении государственной или муниципальной услуги, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 7 Закона № 210-ФЗ	Требование у заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги документов или информации, отсутствие и (или) недостоверность которых не указывались при первоначальном отказе в приеме документов, необходимых для предоставления государственной или муниципальной услуги, либо в предоставлении государственной или муниципальной услуги, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 7 Закона № 210-ФЗ. <i>В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) многофункционального центра, работника многофункционального центра возможно в случае, если на многофункциональный центр, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ</i>

¹ Указанная статья регулирует порядок предоставления двух и более государственных / муниципальных услуг в МФЦ при однократном обращении заявителя.

² Указанная норма регулирует случай, когда на МФЦ возложена функция по предоставлению соответствующих государственных / муниципальных услуг в полном объеме, включая принятие решения о предоставлении таких услуг или об отказе в их предоставлении, составление и подписание соответствующих документов по результатам предоставления таких услуг либо совершение надписей или иных юридически значимых действий, являющихся результатом ее предоставления.

³ Указанная норма регулирует право МФЦ в целях повышения территориальной доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых по принципу «одного окна», для реализации своих функций привлекать иные организации. Также см.: Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1376 «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 2, ст. 7932).

Для целей анализа правового регулирования обжалования решений, действий (бездействия) МФЦ и его работников в процессе государственной регистрации большое значение имеет положение п. 65 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@, в соответствии с которым представление государственной услуги в МФЦ осуществляется в полном объеме. Как видно из таблицы 1, в пяти случаях, когда лицо (заявитель) может обжаловать действия (бездействие), возможность такого в части МФЦ и его работников обусловлена именно фактом возложения функции по предоставлению государственных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ. Согласно указанной норме нормативными правовыми актами Российской Федерации на МФЦ может быть возложена функция по предоставлению соответствующих государственных услуг в полном объеме, включая принятие решения о предоставлении государственной услуги или об отказе в ее предоставлении, составление и подписание соответствующих документов по результатам предоставления такой услуги либо совершение надписей или иных юридически значимых действий, являющихся результатом предоставления государственной услуги.

Этот момент требует некоторого комментария. Буквальное толкование ч. 1.3 ст. 16 Закона № 210-ФЗ показывает, что «полный объем» должен включать принятие двух принципиальных решений – о предоставлении государственной услуги и об отказе в ее предоставлении. Согласно п. 10 Административного регламента предоставления Федеральной

налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@, государственная услуга, которая предоставляется в порядке, установленном этим документом, имеет следующее наименование: «государственная услуга по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств». Таким образом, если МФЦ (как указано в п. 65 упомянутого документа) осуществляет соответствующую услугу «в полном объеме», то оно (МФЦ) и должно принимать решение о государственной регистрации / отказе в государственной регистрации.

Однако ни Закон № 129-ФЗ (ст. 9, 11 и др.), ни сам указанный административный регламент такого делегирования полномочий МФЦ не предусматривают: ст. 9 указанного закона предусматривает лишь представление через МФЦ документов для государственной регистрации; п. 11 указанного выше административного регламента также указывает, что «государственная услуга предоставляется ФНС России через инспекции»; согласно п. 71 этого регламента основанием для начала административной процедуры (по предоставлению государственной услуги) является получение соответствующей инспекцией документов, необходимых для предоставления государственной услуги, направленных, среди прочего, через МФЦ. Таким образом, норма п. 65 Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января

2020 г. № ММВ-7-14/12@, о предоставлении услуги по государственной регистрации юридического лица «в полном объеме» не просто не подтверждается нормами Закона № 129-ФЗ и самого административного регламента, но прямо им противоречит.

Это позволяет поставить вопрос о том, а насколько вообще применимы в настоящее время положения ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ в пяти¹ из указанных в

¹ А именно:

- нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги;
- отказ в предоставлении государственной или муниципальной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами;
- отказ органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу, многофункционального центра, работника многофункционального центра, организаций, предусмотренных ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ, или их работников в исправлении допущенных ими опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной или муниципальной услуги документах либо нарушение установленного срока таких исправлений;
- приостановление предоставления государственной или муниципальной услуги, если основания приостановления не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами;
- требование у заявителя при представлении государственной или муниципальной услуги документов или информации, отсутствие и (или) недостоверность которых не

таблице 1 случаях в части возможности обжалования решений, действий (бездействия) МФЦ и его работников? Проведенный анализ дает на этот вопрос отрицательный ответ. Таким образом, в реальности обжаловать в досудебном (внесудебном) порядке можно следующие действия (бездействие) МФЦ и его работников:

- нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной услуги;
- требование у заявителя документов или информации либо осуществления действий, представление или осуществление которых не предусмотрено нормативными правовыми актами, для предоставления государственной услуги;
- отказ в приеме документов, представление которых предусмотрено нормативными правовыми актами, для предоставления государственной услуги, у заявителя;
- затребование с заявителя при предоставлении государственной услуги платы, не предусмотренной нормативными правовыми актами;
- нарушение срока или порядка выдачи документов по результатам предоставления государственной услуги.

При таком регулировании возникает вопрос о реальной ценности института досудебного (внесудебного) действия (бездействия) МФЦ и его работников в его текущем состоянии.

Отдельный вопрос – возможность обжалования (потенциально, поскольку, как уже было отмечено выше, соответствующих примеров пока не имеется) решений и действий (бездействия) организаций, привлекаемых МФЦ для оказания государственной услуги в порядке,

указывались при первоначальном отказе в приеме документов, необходимых для предоставления государственной или муниципальной услуги, либо в представлении государственной или муниципальной услуги, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 7 Закона № 210-ФЗ.

предусмотренном ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ и их работников.

Статья 11.1 Закона № 210-ФЗ, исходя из ее наименования («Предмет досудебного (внесудебного) обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу, либо государственного или муниципального служащего, многофункционального центра, работника многофункционального центра, а также организаций, предусмотренных частью 1.1 статьи 16 настоящего Федерального закона, или их работников») буквально указывает на применимость при таком обжаловании всех «случаев», указанных в этой статье. Между тем анализ описания самих 10 случаев показывает, что указание о возможности соответствующего обжалования прямо указано только в одном случае (п. 7 табл. 1) – отказ в исправлении допущенных ими опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной или муниципальной услуги документах либо нарушение установленного срока таких исправлений. Таким образом, возникает закономерный вопрос: есть ли возможность обжалования решений и действий (бездействия) организаций, привлекаемых МФЦ для оказания государственной услуги в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ и их работников в остальных случаях? К сожалению, конструкция ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ дать однозначного ответа на этот вопрос не позволяет.

При анализе положений о порядке досудебного (внесудебного) обжалования стоит обратить внимание на довольно сложное регулирование порядка обжалования. Общие положения в части такого порядка регулируются ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ. Согласно указанной статье

жалобы на решения и действия (бездействие) МФЦ подаются учредителю МФЦ или должностному лицу, уполномоченному нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации; жалобы на решения и действия (бездействие) работников организаций, привлеченных МФЦ, подаются руководителям этих организаций; жалобы на решения и действия (бездействие) работника МФЦ подаются руководителю этого МФЦ. Жалоба на решения и действия (бездействие) МФЦ, работника МФЦ может быть направлена по почте, с использованием информационно-телеkomмуникационной сети «Интернет», официального сайта МФЦ, единого портала государственных и муниципальных услуг либо регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также может быть принята при личном приеме заявителя; жалоба на решения и действия (бездействие) организаций, привлеченных МФЦ, а также их работников может быть направлена по почте, с использованием информационно-телеkomмуникационной сети «Интернет», официальных сайтов этих организаций, единого портала государственных и муниципальных услуг либо регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также может быть принята при личном приеме заявителя. Статья содержит требования к содержанию жалобы (ч. 5 ст. 11.2); срок ее рассмотрения (ч. 7 ст. 11.2), виды решений, которые выносятся по результатам рассмотрения жалобы (ч. 8 ст. 11.2), содержание ответа по жалобе заявителя (ч. 8.1, 8.2 ст. 11.2). Статья 11.3 Закона № 210-ФЗ устанавливает обязательность создания специальной федеральной информационной системы досудебного (внесудебного) обжалования, которые регулируются федеральными законами и правовыми актами Правительства РФ (в настоящее время – Постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2012 г. № 1198 «О федеральной государственной информационной системе, обеспечиваю-

щей процесс досудебного (внесудебного) обжалования решений и действий (бездействия), совершенных при предоставлении государственных и муниципальных услуг»¹.

При этом, ч. 3 ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ предусматривает подзаконное регулирование порядка подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) МФЦ, его работников, организаций, привлеченных МФЦ, и их работников. Такой порядок устанавливается Правительством РФ (в настоящее время – Постановлением Правительства РФ от 16 августа 2012 г. № 840 «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, государственных корпораций, наделенных в соответствии с федеральными законами полномочиями по предоставлению государственных услуг в установленной сфере деятельности, и их должностных лиц, организаций, предусмотренных частью 1.1 статьи 16 Федерального закона "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", и их работников, а также многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг и их работников»². Изучение содержания Закона № 210-ФЗ, а также указанного постановления Правительства РФ обнаруживает дублирование, т. е. дисфункциональность регулирования. По существу, либо соответствующее регулирование должно быть содержанием федерального закона, либо процедурные вопросы (порядок рассмотрения жалобы) должны быть урегулированы в специальном законе либо в подзаконном акте.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 48, ст. 6706.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 35, ст. 4829.

В целом же следует указать на неудачность (можно сказать – запутанность, противоречивость) действующего регулирования вопросов досудебного (внесудебного) обжалования заявителем решений и действий (бездействия) МФЦ и его работников, а также организаций, привлекаемых МФЦ для оказания государственной услуги в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ, и их работников.

3. Управляющие компании в специальных административных районах. Для определения управляющей компании в специальном административном районе (о специальных административных районах также см. следующие работы [11, с. 15–23; 12, с. 25–36; 13, с. 93–98] и ряд иных) в соответствии со ст. 2, 18 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»³ (далее – Закон № 291-ФЗ) и ст. 13 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»⁴ (далее – Закон № 290-ФЗ) действуют 4 правила (общее, два специальных и одно запасного (временного) характера):

– общее состоит в том, что это российское юридическое лицо, создаваемое в специальном административном районе, на которое возложены функции по обеспечению функционирования такого района;

– первое специальное правило состоит в том, что управляющей компанией может быть ранее созданное юридическое лицо, на которое возложены функции по обеспечению функционирования специального административного района;

– второе специальное правило состоит в том, что функции управляющей

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32, ч. I, ст. 5084.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32, ч. I, ст. 5083.

компании на территории острова Русский (Приморский край) выполняет управляющая компания, которая в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» определена Правительством РФ для обеспечения функционирования территорий опережающего развития на территории Дальневосточного федерального округа, или ее дочернее общество¹;

– правило запасного (временного) характера состоит в том, что до момента создания управляющей компании или возложения ее функций на ранее созданное юридическое лицо в соответствующем специальном административном районе ее функции (с отдельными изъятиями²) осуществляют федеральный орган исполнительной власти, определяемый Правительством РФ³.

¹ Согласно ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 26) под управляющей компанией понимается акционерное общество, которое определено Правительством РФ в целях осуществления функций по управлению территорией опережающего развития и 100% акций которого принадлежит Российской Федерации, и (или) дочернее хозяйственное общество, которое создано с участием такого акционерного общества.

² За исключением оказания участникам специального административного района услуг, необходимых для осуществления соответствующей деятельности (в том числе юридических услуг, бухгалтерских услуг), обеспечения функционирования инфраструктуры специального административного района.

³ В настоящее время – Министерство экономического развития Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2018 г. № 1061 «О внесении изменения в пункт 1 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации и определении федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции управляющей

Вне зависимости от того, в соответствии с каким правилом юридическое лицо становится управляющей компанией в специальном административном районе, после получения соответствующего правового статуса у юридического лица появляется комплекс функций публичного характера, и корреспондирующих этим функциям прав и обязанностей.

Общий перечень соответствующих функций перечислен в ст. 13 Закона № 291-ФЗ; функции в части государственной регистрации юридических лиц в специальном административном районе в этом перечне прямо не названы, однако имеется ссылка к Закону № 290-ФЗ (указано, что управляющая компания выполняет «иные функции» в соответствии с указанным законом). Закон № 290-ФЗ среди различных функций управляющей компании предусматривает и такие, которые осуществляются в процессе государственной регистрации международной компании и международного фонда, а именно:

а) получение от заявителей (иностранные юридические лица⁴, учредитель (учредители) создаваемого хозяйственного общества⁵, учредитель⁶, иностранное унитарное юридическое лицо⁷, гражданин, являющийся учредителем международного личного фонда или нотариус, ве-

ющей компании до создания такой компании в соответствии с Федеральным законом "О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края"» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 37, ст. 5762).

⁴ При государственной регистрации международной компании в порядке редомициляции (ст. 5 Закона № 290-ФЗ).

⁵ При государственной регистрации международной компании в порядке инкорпорации (ст. 5 Закона № 290-ФЗ).

⁶ При государственной регистрации международного фонда в порядке инкорпорации (ст. 12.2 Закона № 290-ФЗ).

⁷ При государственной регистрации международного фонда в порядке редомициляции (ст. 12.2 Закона № 290-ФЗ).

дущий наследственное дело гражданина, предусмотревшего в завещании создание международного наследственного фонда после его смерти¹, международная компания²) документов, предусмотренных Законом № 290-ФЗ для различных случаев государственной регистрации³ (включая и заявление о государственной регистрации);

б) *рассмотрение полученных документов и принятие решений в установленный срок⁴:*

- о направлении в регистрирующий орган поступивших документов (к примеру, см. ч. 6 ст. 5, ч. 9 ст. 12.2 Закона № 290-ФЗ);

- о направлении в Центральный банк РФ документов, необходимых для регистрации выпуска акций международной компании, подлежащих размещению в связи с ее государственной регистрацией в организационно-правовой форме ак-

¹ При государственной регистрации международного личного фонда (ст. 12.16 Закона № 290-ФЗ).

² В случаях:

- намерения международной компании изменить личный закон в связи с регистрацией международной компании в иностранном государстве или на территории в порядке реомициляции (ст. 11 Закона № 290-ФЗ);

- изменения сведений, указанных в ст. 5 Закона № 129-ФЗ (ст. 5 Закона № 290-ФЗ);

- государственной регистрации изменений, внесенных в устав международной компании, государственная регистрация международной компании в связи с ее реорганизацией или ликвидацией (ст. 5 Закона № 290-ФЗ).

- 3 С отдельными изъятиями при применении антисанкционного регулирования (см.: Федеральный закон от 26 марта 2022 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 13, ст. 1961)).

- 4 В срок не более 2 рабочих дней в случаях, указанных в ч. 3, 3.1 ст. 5, ч. 3, 4 ст. 12.2 Закона № 290-ФЗ.

ционерного общества, если подано заявление о государственной регистрации международной компании в организационно-правовой форме акционерного общества в порядке реомициляции, а если фирменное наименование такой международной компании содержит указание на то, что она является публичным акционерным обществом, также документов, необходимых для регистрации проспекта акций международной компании⁵;

- об отказе в направлении документов в соответствующий орган (организацию). Как показывает анализ положений ст. 5, 12.2, 12.16 Закона № 290-ФЗ, основаниями для отказа является несоответствие документов, информации различным требованиям законов Российской Федерации, а также фактическим обстоятельствам («представление неполных или недостоверных сведений»);

- в) *сообщение о принятом решении заявителю* (в соответствии с ч. 7 ст. 5, ч. 10 ст. 12.2 Закона № 290-ФЗ о принятом решении управляющая компания обязана сообщить заявителю не позднее 1 рабочего дня с даты принятия соответствующего решения);

- г) *направление документов, полученных от заявителя:*

- уполномоченному регистрирующему органу в случае принятия решения о направлении в регистрирующий орган документов – не позднее 1 рабочего дня, следующего за днем принятия соответствующего решения, исключая случаи

⁵ Часть 10 ст. 7 Закона № 290-ФЗ предусматривает, что документы для государственной регистрации выпуска акций международной компании представляются в Центральный банк РФ через управляющую компанию до направления управляющей компанией в регистрирующий орган документов для государственной регистрации международной компании.

необходимости направления документов в Центральный банк РФ¹;

– в Центральный банк РФ: в случае, если подано заявление о государственной регистрации международной компании в организационно-правовой форме акционерного общества – документы направляются не позднее следующего рабочего дня после даты принятия положительного решения; в случае, если фирменное наименование международной компании содержит указание на то, что она является публичным акционерным обществом, документы также передаются в Центральный банк РФ не позднее следующего рабочего дня после даты принятия положительного решения;

– уполномоченному регистрирующему органу (ч. 17 ст. 5 Закона № 290-ФЗ) – при исполнении международной компанией обязанности информировать управляющую компанию об изменении сведений, указанных в ст. 5 Закона № 129-ФЗ, а также при государственной регистрации изменений, внесенных в устав международной компании, и госу-

¹ В этом случае направление документов уполномоченному регистрирующему органу осуществляется не позднее рабочего дня, следующего за днем получения от Центрального банка РФ документа о регистрации выпуска акций международной компании, а в случае, если фирменное наименование международной компании содержит указание на то, что она является публичным акционерным обществом – не позднее рабочего дня, следующего за днем получения от Центрального банка РФ документа о регистрации проспекта акций международной компании, но не ранее 8-го рабочего дня с даты принятия Центральным банком Российской Федерации решения о регистрации проспекта акций международной компании, если акции иностранного юридического лица или ценные бумаги иностранного эмитента, удостоверяющие права в отношении акций такого иностранного юридического лица, допущены российской биржей к организованным торговам.

дарственной регистрации в связи с реорганизацией или ликвидацией международной компании – не позднее 1 рабочего дня со дня получения от международной компании документов, необходимых для внесения в ЕГРЮЛ сведений о международной компании²;

– уполномоченному регистрирующему органу (ч. 6 ст. 11 Закона № 290-ФЗ) – уведомление об исключении международной компании из ЕГРЮЛ в связи с регистрацией международной компании в иностранном государстве или на территории в порядке редомициляции при получении от международной компании документа, подтверждающего ее регистрацию в иностранном государстве или на территории в порядке редомициляции – не позднее 5 рабочих дней со дня получения от международной компании соответствующего документа;

д) через уполномоченный орган (Министерство экономического развития РФ) запрос решения Правительства РФ по вопросу о возможности регистрации международной компании в иностранном государстве или на территории в порядке редомициляции (ч. 4 ст. 11 Закона № 290-ФЗ);

е) направление полученных от уполномоченного государственного органа заявителям (см. 5, 11 Закона № 290-ФЗ).

Наличие соответствующих функций управляющей компании, «поставленной» законом между заявителями и уполномоченным регистрирующим органом, логично приводит законодателя к необходимости указания на то (ст. 5, 12.2 Закона № 290-ФЗ), что государственная регистрация и международной компании, и международного фонда осуществляется в

² В этих случаях Закон № 290-ФЗ не предполагает возможности рассмотрения документов, принятия каких-либо решений (или экспертизы); по существу, управляющая компания выступает как посредник при передаче документов.

соответствии с Законом № 129-ФЗ с учетом установленного Законом № 290-ФЗ *специального порядка государственной регистрации*¹. В рамках такого специального порядка управляющая компания принимает критически важные решения, включая решение об отказе в передаче документов уполномоченному государственному органу.

При этом ни Закон № 291-ФЗ, ни Закон № 290-ФЗ *специальных форм оспаривания (обжалования) решений, действий (бездействия) управляющей компании не предусматривают*². Таким образом, можно сделать вывод о том, что решения, действия (бездействие) управляющей компании могут быть оспорены заявителями и иными заинтересованными лицами в общем порядке, установленном гл. 24 АПК РФ; при этом положения главы VIII.1 Закона № 129-ФЗ к данным отношениям неприменимы.

¹ Этот специальный порядок проявляется не только в наличии управляющей компании как обязательного посредника, но и в перечне направляемых для регистрации документов, а также в сроках регистрации.

² Интересно при этом, что такие формы предусмотрены ст. 10 Закона № 290-ФЗ для случаев проведения ревизии международной компании, а также при принятии решения о прекращении статуса международной компании. Так, в случае проведения ревизии предусмотрено право международной компании «обжаловать действия (бездействие) работников управляющей компании в соответствии с законодательством Российской Федерации», а в случае принятия управляющей компанией решения о прекращении статуса международной компании такое решение может быть оспорено в суде по месту государственной регистрации международной компании (Арбитражным судом Калининградской области или Арбитражным судом Приморского края), а при наличии арбитражного соглашения с управляющей компанией – в арбитраже, администрируемом постоянно действующим арбитражным учреждением.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что вопросы оспаривания (обжалования) решений, действий (бездействия) уполномоченных государственных регистрирующих органов (их должностных лиц), а также иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица, в действующем законодательстве регулируются неясно, противоречиво и несистемно. Это является следствием отсутствия концептуального политico-правового подхода к указанным вопросам. Регулирование формировалось в течение всего периода развития современной регистрационной системы отчасти стихийно и под воздействием идей, которые к законодательству о юридических лицах прямого отношения не имели. В результате в настоящее время мы наблюдаем полную рассогласованность правовых положений в ГК РФ, Законе № 129-ФЗ, законодательстве о нотариате, об обществах с ограниченной ответственностью, законодательстве об организации оказания государственных и муниципальных услуг.

Строго говоря, в такой ситуации следует говорить не о совершенствовании законодательства, а о необходимости его системного реформирования на концептуальной основе (т. е. при наличии комплекса предложений, имеющих в своей основе научное объяснение). Исходя из таких предложений следует определить: направления дальнейшего развития законодательства о государственной регистрации юридических лиц и смежного законодательства (об организации оказания государственных и муниципальных услуг, нотариате и др.), систему регулирования (законы, иные подзаконные акты), а также перечень конкретных изменений в действующие нормативные положения. Причем часть соответствующих идей концептуального характера касается регулирования государственной реги-

страции в целом, в связи с чем необходимо сформулировать ответы на ряд важных вопросов:

- определение государственной регистрации;

- роль в процессе государственной регистрации различных государственных органов и участие (роль) в процессе государственной регистрации иных лиц и организаций с четким указанием того, могут ли таким лицам (организациям) делегироваться какие-либо полномочия;

- соотношение нормативных положений, являющихся частью законодательства об организации государственных и муниципальных услуг и законодательства о государственной регистрации юридических лиц;

- перечень решений, которые могут (должны) приниматься в процессе государственной регистрации юридических лиц уполномоченными государственными органами (их должностными лицами), а также иными лицами (организациями), вовлеченными в процесс государственной регистрации юридического лица;

- система правового регулирования государственной регистрации;

- формы защиты прав и охраняемых законом интересов лиц, чьи права (интересы) могут быть нарушены указанными решениями, действиями, а также уклонением от их совершения, включая обязательность / необязательность досудебного порядка обжалования решений, действий (бездействия) уполномоченных государственных регистрирующих органов (их должностных лиц), а также иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица.

С нашей точки зрения, текущее определение государственной регистрации, причем не только в Законе № 129-ФЗ, но и в соответствующих статьях ГК РФ (48, 51), требует очевидной корректировки.

К примеру, ст. 48 ГК РФ указывает на то, что юридическое лицо должно быть зарегистрировано в ЕГРЮЛ (т. е. не в государственном органе, а в реестре, хотя внесение в реестр есть лишь следствие проведенной государственной регистрации с участием часто нескольких государственных органов и лиц (организаций)). Статья 51 ГК РФ указывает, что юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, предусмотренном законом о государственной регистрации юридических лиц, а данные о государственной регистрации включаются в ЕГРЮЛ. С одной стороны, эта статья чуть более реально отражает сущность государственной регистрации, тем не менее имеет также существенные недостатки: указывает лишь об одном регистрирующем органе; указывает на регистрацию самого юридического лица («юридическое лицо подлежит государственной регистрации»), хотя речь должна идти о регистрации не только лица, но и фактов, связанных с его правовым статусом и деятельностью; указывает на регулирование порядка регистрации только одним законом (причем с уже нерелевантным названием), тогда как в настоящее время (и это хорошо видно из проведенного исследования) соответствующий порядок регулируется множеством федеральных законов, а упомянутый в этой статье закон содержит лишь одну статью – 10 (о специальном порядке регистрации), которая лишь частично объясняет норму ст. 51 ГК РФ, поскольку в реальности ответа на вопрос о том, что представляет собой соответствующий – специальный – порядок, не дает.

Определение государственной регистрации, данное в ст. 1 Закона № 129-ФЗ, как актов уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о

юридических лицах, как было отмечено в настоящем исследовании, также не соответствует реальному положению дел: во-первых в силу указанных выше аргументов в части критики ст. 48 ГК РФ; во-вторых, в силу того, что при таком подходе полностью «выпадает» весь процесс реальной государственной регистрации – как процесса, в который могут быть вовлечены несколько государственных органов (что имеет место при реализации так называемого специального порядка государственной регистрации), принимающих в ходе этого процесса различные решения, и осуществляющих предусмотренные нормативными правовыми актами действия, что и следует отразить в соответствующих актах.

Совершенно очевидно, что государственной регистрации подлежат определенные (значимые для экономического оборота) факты: о создании нового субъекта, об изменении его правового положения и пр. Эти факты и подлежат государственной регистрации, когда в рамках специальной административной процедуры информация о состоявшемся факте (или будущем факте) включается в документ, направляемый в предусмотренном порядке уполномоченным органам (лицам, организациям), которые после рассмотрения документа в установленном законодательством о государственной регистрации порядке вносят соответствующую информацию в реестр (т. е. информация обретает качество данного (сведения) такого реестра, обладающего определенными характеристиками (публичная достоверность)). В связи с этим ст. 51 ГК РФ вместо непонятного правила о том, что «юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, предусмотренном законом о государственной регистрации юридических лиц» могло бы выглядеть иначе – факты, связанные с созданием, прекращением, из-

менением правового положения и деятельностью юридического лица, подлежат государственной регистрации в порядке, установленном законодательством о государственной регистрации. Само определение государственной регистрации необходимо дать в существенно обновленном Законе № 129-ФЗ.

В этом же законе следует концептуально описать возможность участия в процессе государственной регистрации юридического лица как различных государственных органов, так и иных лиц (организаций), причем с включением общих правил о возможности передачи таким лицам (организациям) каких-либо полномочий государственных органов в процессе государственной регистрации или наделения таких лиц (организаций) какими-либо правами публичного характера. Особенно этот вопрос актуален для МФЦ в части раскрытия положений Закона № 210-ФЗ (ст. 16) об оказании таких услуг «в полном объеме». Соответствующие вопросы – о том, в чем именно заключается деятельность МФЦ – только в организации предоставления государственных и муниципальных услуг, «почтовых» функциях в виде передачи и получения документов от государственных органов, или в том числе в их оказании – уже ставились в специальной литературе [14, с. 101–110; 15, с. 328–332]

Следует ясно определить границы между двумя законодательными массивами – законодательством об организации государственных и муниципальных услуг и законодательством о государственной регистрации юридических лиц: положения второго из указанных массивов должны иметь явный приоритет; по существу, положения законодательства об организации государственных и муниципальных услуг должны выполнять служебную (подчиненную) роль к положениям законодательства о государственной регистрации юридических лиц,

а не создавать как в настоящее время параллельного регулирования. По сути, положения законодательства об организации государственных и муниципальных услуг должны быть своего рода процедурной частью общего характера для законодательства о государственной регистрации юридических лиц, последнее может лишь устанавливать необходимые и учитывающие особенности регистрации юридических лиц специальные нормативные положения.

Отдельный вопрос, требующий осмысления и формирования соответствующих правовых решений, – роль нотариусов в государственной регистрации. В этой части одними изменениями в Законе № 129-ФЗ не обойтись – требуется довольно радикальное изменение в регулирование этого вопроса, причем уже не в Основах законодательства о нотариате, а в новом федеральном законе о нотариате и нотариальной деятельности. Изучение текущей редакции соответствующего проекта¹ показывает, что поставленные в настоящем исследовании проблемные вопросы там ответа не имеют. Между тем без ответов на них сложно выстроить оптимальное регулирование вопросов оспаривания (обжалования) действий (решений) или бездействия нотариуса.

Специального регулирования в части оспаривания (обжалования) требует и взаимодействие субъектов экономической деятельности и управляющих компаний специальных административных районов. То, что вопросы здесь могут возникать, показывает и актуальная судебная практика (см. постановление Арбитражного суда Северо-Западного окру-

га от 26 апреля 2024 г. № Ф07-336/2024 по делу № А21-1483/2023).

В рамках соответствующих процедурных положений необходимо определить перечень решений, которые могут (должны) приниматься в процессе государственной регистрации юридических лиц государственными органами (их должностными лицами) и иными лицами (организациями), вовлеченными в процесс государственной регистрации, соответственно, сроки их принятия и иные необходимые положения. Это, в свою очередь, создаст понятную основу для формулирования положений о формах и способах защиты прав заинтересованных лиц, чьи права и охраняемые законом интересы могут быть нарушены такими решениями, действиями, а также уклонением от их совершения.

С учетом имеющегося опыта следует исходить из подхода об *обязательности досудебного порядка обжалования решений, действий (бездействия) уполномоченных государственных регистрирующих органов (их должностных лиц), а также иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица*. Как думается, такая обязательность – это не только (а может и не столько) вопрос «разгрузки» судебной системы, сколько специализации при рассмотрении возникающих споров: споры изначально будут рассматриваться лицами, обладающими специальными (в силу рода деятельности) познаниями в вопросах государственной регистрации; кроме того, такое требование упрощает исправление реально допущенных ошибок органами государственной регистрации (организациями (лицами), вовлеченными в процесс государственной регистрации), не требует существенных временных и финансовых расходов.

При этом действующий порядок досудебного обжалования требует полной

¹ См.: Как изменится нотариат в России? Разбор проекта нового закона для нотариусов // Говорит нотариат: информационно-правовой портал. URL: <https://www.govoritnotariat.com/news/kak-izmenitsya-notariat-v-rossii-razbor-proekta-novogo-zakona-dlya-notariusov/> (дата обращения: 02.09.2024).

реновации – состояние действующего регулирования в части досудебного обжалования, как было показано в этом исследовании, абсолютно неприемлемо; здесь требуется, с одной стороны, упрощение регулирования, с другой – его детализация в части самого процесса. С нашей точки зрения, одним из подходов могло бы стать формулирование в Законе № 210-ФЗ общего характера исключения, состоящего в том, что если специальным законом установлен иной порядок досудебного обжалования, то подлежит применению именно такой специальный по-

рядок. Соответствующее общее положение может появиться и в федеральном законе о нотариате и нотариальной деятельности. В свою очередь, для случаев государственной регистрации этот – специальный – порядок, следует закрепить в Законе № 129-ФЗ, в специальной его главе. За основу (но лишь за основу!) такого порядка могут быть взяты действующие положения главы VIII.1 Закона № 129-ФЗ, однако существенно переработанные на предмет более глубокой детализации вопросов административного процесса.

Список литературы

1. Измайлова Е. В. Нотариальные действия по принятию, фиксации, выдаче, передаче сведений и документов, а также их предоставлению в иные органы и организации // Нотариус. 2020. № 2. С. 8–11.
2. Сарбаш С. В. Направления совершенствования законодательства о регистрации юридических лиц // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 1. С. 26–34.
3. Илюшина М. Н. Сделки, направленные на отчуждение долей в уставном капитале ООО: новое в правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 6. С. 114–118.
4. Нотариат в системе защиты прав личности и государства в современной России: монография / под ред. Е. В. Михайловой. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 415 с.
5. Ракитина Л. Н. Процессуальный статус нотариуса в гражданском судопроизводстве // Нотариус. 2021. № 7. С. 12–15.
6. Ракитина Л. Н. Определение подведомственности, подсудности и вида гражданского судопроизводства по делам о действиях нотариусов // Нотариус. 2019. № 7. С. 45–48.
7. Михайлова Е. В. К вопросу о природе и видах нотариальной деятельности и процессуальных формах защиты прав ее участников // Нотариальный вестник. 2022. № 4. С. 25–36.
8. Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Нотариально удостоверенные доказательства в судебном процессе: теория и правоприменительная практика // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 79–99.
9. Зорина Е. А. Стадия досудебного обжалования решений регистрирующего органа как факультативная стадия государственной регистрации юридических лиц // Административное право и процесс. 2015. № 3. С. 69–71.
10. Зорина Е. А. Государственная регистрация юридических лиц как вид административно-процедурного производства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 8. С. 245–249.
11. Засемкова О. Ф. Специальные административные районы полтора года спустя: особенности, итоги и перспективы развития // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 1. С. 15–23.

12. Финогентова О. Е., Белая О. В., Кусков Д. А. Современные проблемы правового регулирования специального административного района остров Октябрьский на территории Калининградской области // Право и экономика. 2020. № 3(385). С. 25–36.
13. Морозова О. С., Берман А. И. Новое регулирование специальных административных районов // Закон. 2022. № 11. С. 93–98.
14. Терещенко Л. К. Государственные и муниципальные услуги: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 101–110.
15. Белова О. А. Предоставление государственных и муниципальных услуг многофункциональными центрами на территории Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 328–332.

References

1. Izmailova E.V. Notarial actions for the acceptance, recording, issuance, transfer of information and documents, as well as their submission to other bodies and organizations. *Notarius = Notary*. 2020;(2):8–11. (In Russ.)
2. Sarbash S.V. Directions for improving the legislation on registration of legal entities. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of civil law*. 2006;6(1):26–34. (In Russ.)
3. Ilyushina M.N. Transactions aimed at the alienation of shares in the authorized capital of an LLC: new in legal regulation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2009;(6):114–118. (In Russ.)
4. Mikhailova E.V. (ed.) Notaries in the system of protecting the rights of individuals and the state in modern Russia. Moscow: Institute gosudarstva i prava RAN; 2023. 415 p. (In Russ.)
5. Rakitina L.N. Procedural status of a notary in civil proceedings. *Notarius = Notary*. 2021;(7):12–15. (In Russ.)
6. Rakitina L.N. Determination of jurisdiction, venue and type of civil proceedings in cases on the actions of notaries. *Notarius = Notary*. 2019;(7):45–48. (In Russ.)
7. Mihaylova E.V. On the nature and types of notarial activity and procedural forms of protecting the rights of its participant. *Notarialnyj vestnik = Notarial Bulletin*. 2022;(4):25–36. (In Russ.)
8. Laptev V.A., Chucha S.Yu. Notarized evidence in judicial proceedings: theory and law enforcement practice. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of civil procedure*. 2023;(1):79–99. (In Russ.)
9. Zorina E.A. The stage of pre-trial appeal of decisions of the registration authority as an optional stage of state registration of legal entities. *Administrativnoe pravo i process = Administrative law and process*. 2015;(3):69–71. (In Russ.)
10. Zorina E.A. State registration of legal entities as a type of administrative-procedural proceedings. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2015;(8):245–249. (In Russ.)
11. Zasemkova O.F. Special administrative districts a year and a half later: features, results and development prospects. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Works of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy*. 2020;(1):15–23. (In Russ.)
12. Finogentova O.E., Belya O.V., Kuskov D.A. Current issues of legal regulation of the Oktyabrsky Island special administrative region in the Kaliningrad region. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2020;(3):25–36. (In Russ.)

13. Morozova O.S., Berman A.I. New regulation of special administrative regions. *Zakon = Law.* 2022;(11):93–98. (In Russ.)
14. Tereshhenko L.K. State and municipal services: problems of law enforcement. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law.* 2018;(10):101–110. (In Russ.)
15. Belova O.A. Provision of state and municipal services by multifunctional centers in the Russian Federation: problems and ways of improvement. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security.* 2021;(3):328–332. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Габов Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, и.о. заведующего сектора гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: gabov@igpran.ru,
ORCID: 0000-0003-3661-9174

Andrey V. Gabov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Juridical), Acting Head of the Civil and Business Law Sector, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail address: gabov@igpran.ru,
ORCID: 0000-0003-3661-9174

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.42

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-69-79>

Субсидиарная ответственность саморегулируемой организации в системе способов обеспечения исполнения обязательств

У. Б. Филатова, В. А. Кондратьев¹ ☐

¹Российский государственный университет правосудия
ул. Новочеремушкинская, д. 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: vakondratiev@bk.ru

Резюме

Актуальность. Саморегулирование является одним из наиболее стремительно развивающихся правовых институтов, однако его развитие сталкивается с целым рядом сложностей, как теоретического, так и практического характера. Дискуссионным является вопрос о месте саморегулирования в системе права, отнесения его к институту частного или публичного права. Также требует дополнительного внимания проблема субсидиарной ответственности саморегулируемой организации за своих членов перед потребителями товаров (работ, услуг), в частности возможность отнесения ее к способам обеспечения исполнения обязательства.

Цель состоит в выработке научно обоснованных положений о субсидиарной ответственности саморегулируемых организаций.

Задачи исследования: определить правовую природу саморегулирования; выявить частноправовые аспекты саморегулирования; дать характеристику субсидиарной ответственности СРО и установить ее соотношение с институтом обеспечения исполнения обязательств.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, дедукции, описания, обобщения, формально-юридического, системного методов.

Результаты. Саморегулирование сочетает в себе как частно-правовые начала, так и публично-правовые. Частный характер саморегулирования проявляется в добровольности членства, а также возложении на саморегулируемую организацию гражданско-правовой ответственности за действия своих членов. Публичный элемент состоит в том, что членство (допуск) в СРО дает право на осуществление определенных видов деятельности.

Ответственность саморегулируемой организации за убытки, причиненные ее членами, является важным инструментом в защите интересов потребителей товаров (работ, услуг) и этим отличается от лицензирования.

Применение субсидиарной ответственности саморегулируемой организации должно охватывать собой любые неблагоприятные имущественные последствия, возникшие у потребителя товаров (работ, услуг) в связи с ненадлежащим исполнением своих обязательств членом СРО.

Выводы. Субсидиарная ответственность СРО является способом обеспечения исполнения обязательства, направленного на создание кредитору дополнительных гарантий надлежащего исполнения обязательства за счет имущества третьего лица.

Ключевые слова: саморегулирование; субсидиарная ответственность; лицензирование; обеспечение исполнения обязательств; поручительство; независимая гарантия.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Филатова У. Б., Кондратьев В. А. Субсидиарная ответственность саморегулируемой организации в системе способов обеспечения исполнения обязательств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 69–79. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-69-79>

Поступила в редакцию 02.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Subsidiary liability of a self-regulatory organization in the system of methods for ensuring the fulfillment of obligations

Ulyana B. Filatova¹, Vladimir A. Kondratiev¹

¹Russian State University of Justice
Novocheremushkinskaya Str. 69, Moscow 117418, Russian Federation

e-mail: vakondratiev@bk.ru

Abstract

Relevance. Self-regulation is one of the most rapidly developing legal institutions, but its development faces a number of difficulties, both theoretical and practical. The question of the place of self-regulation in the legal system, its classification as an institution of private or public law is debatable. The problem of subsidiary liability of a self-regulatory organization for its members to consumers of goods (works, services) also requires additional attention, in particular the possibility of classifying it as a method of ensuring the fulfillment of an obligation.

The purpose is to develop scientifically substantiated provisions on the subsidiary liability of self-regulatory organizations.

Research objectives: to determine the legal nature of self-regulation; to identify private law aspects of self-regulation; to characterize the subsidiary liability of SROs and to establish its relationship with the institution of ensuring the fulfillment of obligations.

Methodology. The article is based on the methods of analysis, deduction, description, generalization, formal legal, systemic methods.

Results. Self-regulation combines both private law principles and public law ones. The private nature of self-regulation is manifested in the voluntary nature of membership, as well as the imposition of civil liability on it for the actions of its members. The public element is that membership (admission) to the SRO gives the right to carry out certain types of activities.

The liability of a self-regulatory organization for damages caused by its members is an important tool in protecting the interests of consumers of goods (works, services) and this differs from licensing.

The application of subsidiary liability of a self-regulatory organization should cover any adverse property consequences that have arisen for the consumer of goods (works, services) due to improper performance of their obligations by an SRO member.

Conclusions. Subsidiary liability of an SRO is a way to ensure the fulfillment of an obligation aimed at creating additional guarantees for the creditor of the proper fulfillment of the obligation at the expense of the property of a third party.

Keywords: self-regulation; subsidiary liability; licensing; ensuring the fulfillment of obligations; surety; independent guarantee.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Filatova U.B., Kondratiev V.A. Subsidiary liability of a self-regulatory organization in the system of methods for ensuring the fulfillment of obligations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):69–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-69-79>

Received 02.09.2024

Accepted 30.09.2024

Published 30.10.2024

Введение

Саморегулирование является относительно новым институтом для отечественного правопорядка, но получившим достаточно широкое распространение в различных сферах предпринимательской или иной экономической деятельности.

Легальное определение саморегулирования дано в ст. 2 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»¹ (далее –

¹ О саморегулируемых организациях: федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 315-ФЗ: по-

Закон о саморегулируемых организациях). Согласно данной статье под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

Закон рассматривает саморегулирование как самостоятельную и инициативную деятельность субъектов предпринимательской деятельности, тем самым предполагая добровольность вступления субъектов в такие отношения и инициативность их создания. Ю. Г. Лескова также акцентирует внимание на данных признаках, полагая, что «саморегулирование определяется как институт, создаваемый в результате добровольной деятельности социальных субъектов посредством их объединения в организации...» [1, с. 10].

Очевидно, что объединение хозяйствующих субъектов в саморегулируемые организации и развитие института саморегулирования преследует определенные цели. Как пишет И. В. Ершова, «сущность саморегулирования заключается в передаче отдельных функций по государственному регулированию предпринимательской и профессиональной деятельности саморегулируемым организациям» [2, с. 3].

Другие авторы видят схожесть саморегулирования и лицензирования. Например, О. А. Герасимов пишет, что «саморегулирование следует рассмотреть именно в качестве публично-правового средства обеспечения эффективности регулирования реального сектора экономики по причине своей близости к лицензи-

рованию» [3, с. 24]. И. И. Шувалов также рассматривает саморегулирование как альтернативу лицензированию [4]. В схожем ключе рассуждают Н. В. Козлова и С. Ю. Филиппова, рассматривая членство в саморегулируемой организации, равно как и допуск саморегулируемой организации, как условие для осуществления определенного вида деятельности [5, с. 89].

Такие рассуждения действительно находят подтверждение в позитивном праве, в частности ст. 55.8 Градостроительного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГрК РФ) предусматривает возможность осуществления деятельности по выполнению инженерных изысканий, подготовке проектной документации, строительству только для членов саморегулируемой организации. Согласно ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)² (далее – Закон о банкротстве) арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Тем самым для осуществления лицом деятельности в качестве арбитражного управляющего требуется членство в саморегулируемой организации. Необходимость членства в СРО установлена во многих видах деятельности (оценочная, аудиторская, деятельность кадастровых инженеров и т. д.).

след. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 05.08.2024).

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ: [ред. от 08.08.2024] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 05.08.2024).

² О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 05.08.2024).

Если обратиться к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), то можно видеть применение схожих последствий в случае отсутствия лицензии или членства в саморегулируемой организации. Например, подп. 2 п. 3 ст. 61 ГК РФ устанавливает в качестве основания принудительной ликвидации юридического лица осуществление деятельности без лицензии или членства в саморегулируемой организации. В п. 3 ст. 450.1 ГК РФ предусмотрено право лица отказаться от договора, если у контрагента отсутствует лицензия или членство в саморегулируемой организации, необходимые для исполнения обязательств по договору.

Таким образом, исходя из анализа доктрины и законодательства, можно сделать вывод, что саморегулирование является формой опосредованного государственного контроля за осуществлением предпринимательской и иной профессиональной деятельности в определенных сферах и фактически заменяет собой лицензирование. В литературе подвергается критике эффективность саморегулирования как средства контроля, например, О. А. Тарасенко отмечает проблему наличия СРО, торгующих допусками в профессию и при этом не осуществляющих какого-либо серьезного контроля за деятельностью своих членов [6]. Действительно, саморегулирование по эффективности контроля, беспристрастности может уступать государству, соответственно, задачей государства является усиление контроля за саморегулируемыми организациями, не выполняющими требования, применение к ним мер ответ-

ственности за несоблюдение соответствующих стандартов и правил.

Не отрицая контрольной функции, необходимо отметить, что саморегулирование ей не ограничивается. Сама суть саморегулирования, в том числе и отраженная в легальном определении, состоит в самостоятельном и инициативном объединении хозяйствующих субъектов, т. е. наличии у него и определенных частных функций. В этой связи заслуживают поддержки позиции тех авторов, которые видят в саморегулировании не только публично-правовой аспект, но и частный. Например, Ю. Г. Лескова пишет, что «в саморегулировании возможно усматривать как минимум два аспекта: гражданско-правовой и административно-правовой» [7, с. 10]. И. В. Ершова называет саморегулирование комплексным правовым институтом предпринимательского права [8, с. 8]. Одной из частноправовых функций саморегулирования является обеспечение ответственности своих членов, которая требует своего более детального рассмотрения в контексте развития правоприменительной практики в этом направлении и возрастающем числе случаев применения субсидиарной ответственности саморегулируемой организации.

Методология

В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания. В целях получения достоверных эмпирических материалов использовался метод анализа, с помощью которого был исследован ряд судебных актов и сделан вывод о сформировавшихся в судебной практике подходах и тенденциях. С помощью формально-юридического метода были изучены положения действующих нормативно-правовых актов, что позволило получить знания о признаках саморегулирования, основаниях и порядке субсидиарной от-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.08.2024).

ветственности СРО за своих членов. За счет использования системного метода были выявлены особенности ответственности саморегулируемых организаций за действия своих членов, определено ее место в системе институтов гражданского права.

Результаты и их обсуждение

Саморегулирование, как уже было показано выше, позволяет обеспечить публичные интересы путем установления требований к хозяйствующим субъектам, действующим в определенных сферах, и, соответственно, допуская «в профессию» только тех, которые соответствуют всем условиям, тем самым снижая риск причинения вреда публичным интересам. А. А. Мохов рассуждает об обеспечении с помощью саморегулирования биологической безопасности [9]. Но, как представляется, отличительной чертой саморегулирования от лицензирования является и обеспечение частных интересов отдельных лиц, прежде всего контрагентов членов СРО.

В. В. Кванина обращает внимание на обеспечительную функцию саморегулирования, по ее словам, данная функция отличает саморегулирование от иных институтов и позволяет обеспечить имущественную ответственность перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) [10, с. 98]. В другой своей работе В. В. Кванина подчеркивает, что «обеспечительная функция саморегулирования проявляется через страхование и компенсационный фонд [11, с. 14]. Данное утверждение находит подтверждение в ст. 13 Закона о саморегулируемых организациях, где предусмотрено обеспечение ответственности путем коллективного страхования и формирования компенсационного фонда. В ст. 55.16 ГрК РФ также предусмотрено формирование компенсационного фонда саморегулируемой организации в целях обеспечения

имущественной ответственности членов СРО перед потребителями. При этом в указанной статье говорится об обеспечении ответственности членов СРО как за причинение вреда, так и за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств. При этом, как справедливо отмечает Ю. Г. Лескова, ответственность саморегулируемой организации носит дополнительный характер [12]. В пользу субсидиарного характера ответственности СРО говорят и отдельные положения законодательства, например, ст. 25.1 Закона о банкротстве возлагает на саморегулируемую организацию обязанность осуществить компенсационную выплату только в случае недостаточности средств, полученных по договору обязательного страхования, и отказа арбитражного управляющего удовлетворить требование. Такой порядок свидетельствует именно о субсидиарном характере такой ответственности.

Возложение на саморегулируемую организацию обязанности по возмещению убытков, причиненных ее членом при исполнении своих обязательств, является важной гарантией обеспечения стабильности имущественного оборота. Членство лица в СРО должно повышать уровень доверия контрагентов к нему, создавать ему преимущество над другими субъектами, т. к. исполнение обязательства гарантировается не только имуществом самого лица, но и имуществом саморегулируемой организации. Данная функция должна способствовать расширению использования саморегулирования и за пределами тех случаев, когда оно является обязательным.

Практика Верховного Суда РФ свидетельствует о расширении применения субсидиарной ответственности СРО по обязательствам своих членов. Так в одном из определений Верховный Суд РФ указал, что субсидиарная ответственность СРО распространяется на обяза-

тельства по неотработанному авансу по договору подряда. В обосновании этого подхода было указано, что «возврат неотработанного аванса является следствием неисполнения подрядчиком обязательств по договору подряда, а нормы о неосновательном обогащении применяются к отношениям по возврату аванса как общие нормы вследствие отсутствия прямого регулирования специальными нормами о подряде, не меняя источник возникновения данного обязательства – договор подряда»¹. В другом схожем споре Верховный Суд РФ указал, что «выводы судов о том, что СРО не несет субсидиарную ответственность в отношении неисполненного обязательства членом СРО по возврату неотработанного аванса в связи с неисполнением им обязательств по договору строительного подряда, заключенного с использованием конкурентных способов заключения договоров, сделаны без учета существа нормативного регулирования в области договорных отношений»². Таким образом, субсидиарная ответственность СРО применяется за любые нарушения, связанные с неисполнением обязательств членом СРО в соответствующей сфере.

Еще одним примером, который демонстрирует расширение сферы приме-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2024 № 305-ЭС24-6027 по делу № А40-27440/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=819999#ALrlpRUYjjoAfvLk> (дата обращения: 05.08.2024).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2024 № 305-ЭС23-27922 по делу № А40-293899/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=812175#e8UnpRUCMrlMCu691> (дата обращения: 05.08.2024).

нения ответственности СРО, является дело, в котором Верховный Суд РФ пришел к выводу о солидарной ответственности двух СРО, если в момент исполнения обязательств лицо было последовательно их членом³.

Как видно, и в законе, и в научной литературе при рассмотрении ответственности саморегулируемой организации по обязательствам ее членов используется понятие «обеспечение», что ставит вопрос о возможности квалификации ответственности СРО в качестве способа обеспечения исполнения обязательства.

Категория способов обеспечения исполнения обязательств является достаточно дискуссионной в научной литературе. Некоторые авторы, например Д. И. Майер, относят к способам обеспечения исполнения обязательств «вообще все то, что по правилам благородумия может побудить должника к точному исполнению договора, будучи совместными с существующими юридическими определениями, может служить к его обеспечению» [13, с. 537]. Также достаточно широкого подхода к пониманию обеспечения исполнения обязательств придерживался и другой дореволюционный исследователь К. П. Победоносцев, который также видел в способах обеспечения исполнения обязательств любые меры, которые могут возбудить страх в должнике за неисполнение обязательства, привлечь за неисполнение обязательства третье лицо либо выделить в имущественной массе должника имущество, за счет которого будет удовлетворено требование [14, с. 269]. Тем самым указан-

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2024 № 305-ЭС23-27631 по делу № А40-70399/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=813682#ehpnpRUuIjpx6Z8O> (дата обращения: 05.08.2024).

ные авторы рассматривают обеспечение обязательства достаточно широко, включая все возможные меры, которые так или иначе позволяют улучшить положение кредитора и создать для него дополнительные гарантии. Среди современных авторов также многие достаточно широко подходят к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств. Например, М. Г. Степин [15], А. Э. Каримуллина [16] рассматривают страхование в качестве способа обеспечения исполнения обязательства, А. Н. Левушкин и С. Ю. Морозов относят к способам обеспечения исполнения обязательств проверку контрагента перед заключением договора [17]. Однако такой широкий подход к пониманию способов обеспечения не нашел всеобщей поддержки. Так, Б. М. Гонгало в качестве признаков обеспечения исполнения обязательства называет имущественный и дополнительный характер, а также стимулирующую и (или) гарантирующую функцию [18, с. 81]. В. В. Кулаков исходит из того, что способы обеспечения исполнения обязательств являются его усложнением [19, с. 148].

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что существование способа обеспечения исполнения состоит прежде всего в создании дополнительных гарантий для кредитора в удовлетворении своих требований. Стимулирующая функция не может быть названа в качестве универсальной, поскольку некоторые способы обеспечения, например поручительство, не стимулируют должника к исполнению обязательства, т. к. исполнение обязательства поручителем не ухудшает положение должника, а лишь изменяется кредитор, однако за счет имущества третьего лица создаются дополнительные гарантии надлежащего исполнения обязательства. Очевидно, что субсидиарная ответственность саморегулируемой организации выполняет гарантированную функцию для кредитора.

Если говорить о признаке акцессорности, на который указывает Б. М. Гонгало, то его нельзя признать характерным для всех способов обеспечения исполнения обязательств, например, независимая гарантия прямо отнесена к способам обеспечения исполнения обязательств, однако не является акцессорной.

Относительно такого признака, как осложнение основного обязательства, представляется, при субсидиарной ответственности СРО он имеет место быть, поскольку обязательство осложняется наличием дополнительного субъекта, имеющего субсидиарную ответственность.

Говоря об отнесении субсидиарной ответственности СРО к способам обеспечения исполнения обязательств, уместно привести позицию В. В. Витрянского о том, что к дополнительным способам обеспечения исполнения обязательств относится субсидиарная ответственность участников полного товарищества [20, с. 483].

Также субсидиарная ответственность выполняет так называемый «банкротный тест», который некоторые исследователи, например, В. О. Пучков, относят к признакам способов обеспечения исполнения обязательств [21]. Другими словами, в случае банкротства члена СРО кредитор сохраняет за собой право требовать от саморегулируемой организации возмещения убытков или применения иных мер ответственности, т. к. на этот счет отсутствуют какие-либо исключения в специальном законодательстве.

Сделав вывод о наличии оснований для отнесения субсидиарной ответственности СРО к способам обеспечения исполнения обязательств, по классификации, предложенной Б. М. Гонгало, субсидиарную ответственность СРО можно отнести к способам обеспечения исполнения обязательства, направленным ис-

ключительно на защиту интересов кредитора наравне с поручительством и независимой гарантией [22, с. 22-23]. Таким образом, гарантированность интересов кредиторов достигается за счет привлечения имущества третьего лица.

Если соотносить субсидиарную ответственность с иными поименованными в ГК РФ способами обеспечения исполнения обязательств, то аналогичными функциями обладают поручительство и независимая гарантия, которые также предполагают привлечение имущества третьих лиц.

Вместе с тем с поручительством у субсидиарной ответственности есть ряд принципиальных отличий: во-первых, поручительство является акцессорным способом обеспечения исполнения обязательств; во-вторых, по общему правилу поручитель отвечает солидарно, а в-третьих, исполнивший поручитель приобретает все права кредитора, т. е. они к нему переходят в порядке суброгации, тогда как при субсидиарной ответственности такое правило отсутствует, хотя судебная практика, основываясь на толковании норм отдельных специальных законов, приходит к выводу о наличии у саморегулируемой организации права регресса к своему члену¹. Таким образом, отсутствуют основания для отождествления поручительства и субсидиарной ответственности.

Наиболее схожие черты у субсидиарной ответственности наблюдаются с независимой гарантией, которая также предполагает возложение обязанности по исполнению обязательства на третье лицо, не является акцессорной, а у гаранта возникает регрессное требование к принципалу². В то же время независимая гарантия предполагает определение основного обязательства (п. 4 ст. 368 ГК РФ), тогда как при субсидиарной ответственности заранее это невозможно сделать, т. к. определяется лишь общий круг обязательств члена СРО.

Вывод

Субсидиарная ответственность саморегулируемой организации является способом обеспечения исполнения обязательств членов СРО, поскольку создает для потребителей товаров (работ, услуг) дополнительные гарантии защиты их имущественных интересов. При этом наличие у саморегулируемой организации обязанности нести субсидиарную ответственность усложняет обязательство в части появления дополнительного субъекта. В системе способов обеспечения исполнения обязательств субсидиарная ответственность СРО относится к мерам, направленным исключительно на защиту интересов кредитора, которое осуществляется за счет имущественной массы третьего лица.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2024 № 304-ЭС24-4573 по делу № А46-4528/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=809172#laAopRUqchG5ztis>; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2023 № Ф09-9316/22 по делу № А60-14046/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HYCQVDsMR6Nw/> (дата обращения: 05.08.2024).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 305-ЭС22-21173 по делу № А40-201536/2021 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=747595#8FuopRUOGA3FVqcN1> (дата обращения: 05.08.2024).

Список литературы

1. Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. 384 с.
2. Ершова И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Прил.: Право и Бизнес. 2014. № 3. С. 2–15.
3. Герасимов О. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности как средство обеспечения эффективности правового регулирования реального сектора экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 22–25.
4. Шувалов И. И. Проблемы определения пределов свободы усмотрения субъектов предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 66–74.
5. Корпоративное право / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. 735 с.
6. Тарасенко О. А. Тенденции правоприменительной практики в сфере саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в России // Предпринимательское право. 2018. № 4. С. 29–41.
7. Лескова Ю. Г. Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. 2010. № 4. С. 8–11.
8. Ершова И. В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.
9. Мохов А. А. Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности // Гражданское право. 2022. № 1. С. 41–44.
10. Кванина В. В. Механизм саморегулирования в строительстве и меры гражданско-правовой ответственности: вопросы соотношения // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 90–101.
11. Кванина В. В. Правовая сущность обеспечительной функции саморегулирования // Предпринимательское право. Прил.: Бизнес и право в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 12–16.
12. Лескова Ю. Г. Ключевые изменения института саморегулирования строительной деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 7. С. 54–63.
13. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2021. 846 с.
14. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. 622 с
15. Степин М. Г. Страхование как способ обеспечения исполнения обязательств // Право и экономика. 2019. № 8. С. 64–70.
16. Каримуллина А. Э. Договор страхования как особый способ обеспечения исполнения обязательства по кредитному договору // Банковское право. 2022. № 3. С. 55–60.
17. Левушкин А. Н., Морозов С. Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37–42.
18. Гражданское право. Т. 2 / под. ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2021. 602 с.
19. Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. М.: РАП: Волтерс Клювер, 2010. 188 с.
20. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 2020. 847 с.
21. Пучков О. В. Понятие обеспечительных обязательств: критика основных теорий // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 128–136.

22. Гонгало Б. М. Избранное: в 5 т. Т. 1: Гражданское право. 1992–2002. М.: Статут, 2021. 416 с.

References

1. Leskova Y.G. Conceptual and legal foundations of self-regulation of business relations. Moscow: Statut; 2013. 384 p. (In Russ.)
2. Yershova I.V. Self-regulation of entrepreneurial and professional activity. *Predprinimatel'skoe pravo. Pravo i Biznes = Entrepreneurial law. Law and Business.* 2014;(3):2–15. (In Russ.)
3. Gerasimov O.A. Licensing and self-regulation of entrepreneurial activity as a means of ensuring the effectiveness of legal regulation of the real sector of the economy. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Business and Corporate Law.* 2019;(2):22–25. (In Russ.)
4. Shuvalov I.I. Problems of determining the limits of discretion of business entities. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law.* 2021;(6):66–74. (In Russ.)
5. Shitkina I.S. (ed.) Corporate Law. Moscow: Statut; 2018. 735 p. (In Russ.)
6. Tarasenko O.A. Trends in law enforcement practice in the field of self-regulation of entrepreneurial and professional activity in Russia. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law.* 2018;(4):29–41. (In Russ.)
7. Leskova Y.G. Self-regulation as a manifestation of the method of private law. *Grazhdanskoe pravo = Civil law.* 2010;(4):8–11. (In Russ.)
8. Yershova I.V. General and special norms in the legal support of self-regulation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2015;(4):3–9. (In Russ.)
9. Mokhov A.A. Potential of self-regulation in the field of biological safety. *Grazhdanskoe pravo = Civil law.* 2022;(1):41–44. (In Russ.)
10. Kvanina V.V. The mechanism of self-regulation in construction and measures of civil liability-news: issues of correlation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law.* 2019;(12):90–101. (In Russ.)
11. Kvanina V.V. The legal essence of the security function of self-regulation. *Predprinimatel'skoe pravo. Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom = Business law. Business and Law in Russia and abroad.* 2013;(4):12–16. (In Russ.)
12. Leskova Yu.G. Key changes in the Institute of self-regulation of construction activities: some issues of theory and practice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2017;(7):54–63. (In Russ.)
13. Meyyer D.I. Russian civil law. Moscow: Statut; 2021. 846 p. (In Russ.)
14. Pobedonostsev K.P. The course of civil law. Part Three: Contracts and obligations. Moscow: Statut; 2003. 622 p. (In Russ.)
15. Stepin M.G. Insurance as a way to ensure the fulfillment of obligations. *Pravo i ekonomika = Law and Economics.* 2019;(8):64–70. (In Russ.)
16. Karimullina A.E. Insurance contract as a special way to ensure the fulfillment of obligations under a loan agreement. *Bankovskoe pravo = Banking law.* 2022;(3):55–60. (In Russ.)
17. Levushkin A.N., Morozov S.Y. Checking the counterparty before entering into an agreement as an unnamed way to ensure the fulfillment of business obligations. *Yurist = Lawyer.* 2021;(7):37–42. (In Russ.)
18. Gongalo B.M. (ed.) Civil law. Vol. 2. Moscow: Statut; 602 p. (In Russ.)
19. Kulakov V.V. Obligation and complications of its structure in Russian civil law. Moscow: RAP, Volters Kluver; 2010. 188 p. (In Russ.)

20. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Contract law: general provisions. Moscow: Statut; 2020. 847 p. (In Russ.)

21. Puchkov O.V. The concept of security obligations: a critique of basic theories. *Arbitrazhnye spory = Arbitration disputes*. 2024;(2):128–136. (In Russ.)

22. Gongalo B.M. Favorites. Vol. 1. Civil Law. 1992–2002. Moscow: Statut; 2021. 416 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Филатова Ульяна Борисовна, доктор юридических наук, доцент, первый проректор, Российской государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: u.filatova@rsuj.ru, ORCID: 0000-0001-6189-4317

Кондратьев Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права, Российской государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vakondratiev@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9815-2197

Ulyana B. Filatova, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, first Vice-Rector, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: u.filatova@rsuj.ru, ORCID: 0000-0001-6189-4317

Vladimir A. Kondratiev, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: vakondratiev@bk.ru, ORCID: 0000-0002-9815-2197

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.5

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-80-90>**Сравнение институтов обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения в современном гражданском праве России****В. Н. Степанов¹✉**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vladimir2468stepanov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Исследование посвящено сравнению института обязательства вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ) и неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ) в современном гражданском праве России с теоретических и практических позиций с использованием единственного критерия разграничения – последствий совершиенных действий (бездействия). В статье акцентируется внимание на проблеме выбора того или иного иска и отмечается неоднозначность судебной практики по данному вопросу.

Целью статьи является сравнение институтов обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения (гл. 59 и 60 ГК РФ), определение возможного совершенствования законодательства.

Задачи: определить сущность delicta и неосновательного обогащения; проанализировать различные точки зрения о соотношении delicta и неосновательного обогащения и института обязательств вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения; выделить и рассмотреть проблему конкуренции исков; предложить возможное разграничение институтов обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения.

Методология. При подготовке работы использовались диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы научного познания наряду с методами описания, анализа, научной абстракции.

Результаты. По итогу проведённого исследования было признано, что институты, определённые в главе 59, 60 Гражданского кодекса Российской Федерации, имеют сложности в своём разграничении, что создает проблему конкуренции исков. Основным критерием их разграничения следует считать последствия, связанные с действиями delinquentia или неосновательно обогатившегося лица.

Выводы. Сделан вывод о необходимости разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ в специальном постановлении положений норм Гражданского кодекса Российской Федерации об отличительных особенностях неосновательного обогащения и обязательств, возникающих вследствие причинения вреда.

Ключевые слова: обязательство; delictum; вред; обогащение; неосновательное обогащение; delictualnyy isk; конкуренция исков.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Степанов В. Н. Сравнение институтов обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения в современном гражданском праве России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 80–90. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-80-90>

Поступила в редакцию 15.08.2024

Принята к публикации 03.10.2024

Опубликована 31.10.2024

Comparison of institutions of obligation due to harm and unjustified enrichment in modern Russian civil law

Vladimir N. Stepanov¹

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

e-mail: vladimir2468stepanov@yandex.ru

Abstract

Relevance. The study is devoted to comparing the institution of obligation due to harm (Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation) and unjustified enrichment (Chapter 60 of the Civil Code of the Russian Federation) in modern Russian civil law from theoretical and practical positions using the only criterion of differentiation – the consequences of committed actions (inaction). The article focuses on the problem of choosing a particular claim and notes the ambiguity of judicial practice on this issue.

The purpose of the article is to compare the institutions of obligation due to harm and unjustified enrichment (Chapters 59 and 60 of the Civil Code of the Russian Federation), to determine possible improvements in legislation.

Objectives: to determine the essence of tort and unjustified enrichment; to analyze various points of view on the relationship between tort and unjustified enrichment and the institution of obligations due to harm and unjustified enrichment; to identify and consider the problem of competition of claims; to propose a possible differentiation of institutions of obligation due to harm and unjustified enrichment.

Methodology. In the preparation of the work, dialectical, formal-legal, comparative-legal methods of scientific cognition were used along with methods of description, analysis, and scientific abstraction.

Results. As a result of the conducted research, it was recognized that the institutions defined in Chapters 59, 60 of the Civil Code of the Russian Federation have difficulties in their differentiation, which creates the problem of competition of claims. The main criterion for their differentiation should be considered the consequences associated with the actions of a delinquent or unreasonably enriched person.

Conclusions. It is concluded that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in a special Resolution clarifies the provisions of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the distinctive features of unjustified enrichment and obligations arising from harm).

Keywords: obligation; tort; harm; enrichment; unjustified enrichment; tort claim; competition of claims.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Stepanov V.N. Comparison of institutions of obligation due to harm and unjustified enrichment in modern Russian civil law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):80–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-80-90>

Received 15.08.2024

Accepted 03.10.2024

Published 31.10.2024

Введение

Несмотря на то, что современное гражданское право содержит в себе достаточно большое количество норм, регулирующих различные группы общественных отношений, вопрос о применении некоторых из них и соотношении их между собой остаётся дискуссионным. Таким исключением не являются и положения глав 59, 60 Гражданского кодекса

Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Данное обстоятельство является причиной возникновения проблем конкуренции исков и применения тех или иных норм,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон РФ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [с изм. и доп. от 24.07.2023 г.]. КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76306/ (дата обращения: 10.08.2024).

связанных с причинением деликтного вреда и незаконным обогащением. Теоретическими исследованиями и судебной практикой до сих пор не выработаны единые позиции относительно применения и соотношения норм глав 59 и 60 ГК РФ, что обуславливает актуальность проведения настоящего исследования.

Методология

Для достижения поставленной цели использовались диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы научного познания наряду с методами описания, анализа, научной абстракции.

Диалектический метод связан с установлением единства и противоположностей институтов, предусмотренных главами 59, 60 ГК РФ. Формально-юридический позволил изучить сущность таких категорий, как деликт и неосновательное обогащение. Сравнительно-правовой метод научного познания способствовал сравнительно-правовому анализу по вопросу соотношения обязательства вследствие причинённого вреда и неосновательного обогащения. Методы описания и анализа легли в основу исследования научных позиций относительно содержания и соотношения институтов, предусмотренных главами 59, 60 ГК РФ. Метод научной абстракции позволил предложить принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам неосновательного обогащения и обязательств, возникающих вследствие причинения вреда.

Результаты и их обсуждение

Применение норм гл. 59 ГК РФ происходит исключительно в связи с совершением деликтного правонарушения, повлекшего за собой возникновение деликтного обязательства, связанного с возмещением (компенсацией) причиненного имущественного и/или личного нематериального вреда.

В современной науке, теории гражданского права совершение деликта предполагает причинение субъекту имущественного или неимущественного, умышленного или неумышленного вреда и обуславливает его последующее возмещение. Причинённый вред может быть как материальным, так и нематериальным. При этом положения гл. 59 ГК РФ охватывают практически все возможные случаи возмещения вреда при наличии деликта.

Обязательства, вытекающие из положений гл. 59 и 60 ГК РФ, являются внедоговорными [1, с. 63], в основе применения гл. 59 ГК РФ находится совершение деликта, что, как обоснованно отмечает Г. В. Пусурманов, является основанием привлечения к гражданско-правовой (имущественной) ответственности ввиду причинения вреда. В числе основных признаков, свойственных деликту, исследователь права выделяет общественную опасность и противоправность, что позволяет разграничить его с иными правовыми явлениями. При этом общественная опасность деликтного вреда проявляется в причинении абсолютно любого вреда или в наличии угрозы причинения вреда, а противоправность связана с нарушением установленных законодательством норм. Цивилист подчеркивает, что при внешней противоправности действия лица могут не носить такого характера ввиду отсутствия умысла на их совершение, например, в условиях крайней необходимости, что находит своё отражение в положениях действующего ГК РФ [2, с. 70–71].

Следует заметить, что для применения гл. 59 ГК РФ необходимо установить наличие причинно-следственной связи между совершёнными действиями и наступившими последствиями. Отсутствие такой связи исключает возмещение вреда. При совершении деликта путем бездействия установить причинную связь гораздо сложнее. Если действия являются закономерностью, а не случайностью, то

при бездействии обязательным условием является установление не только действий конкретного лица, которые оно было обязано совершить, но также и возможность делинквента реально действовать в конкретной ситуации, которая повлекла за собой причинение вреда и его последующего возмещения в рамках гл. 59 ГК РФ.

С учётом специфики деликт может иметь не только материальные, но и личностные последствия, связанные с причинением вреда жизни или здоровью потерпевшего, и применением по усмотрению потерпевшего лица соответствующих способов защиты и мер гражданской правовой ответственности, предусмотренных законом (см., например, ст. 12 ГК РФ). Как известно, потерпевшее лицо может самостоятельно избрать способ защиты своего нарушенного или оспаренного права.

В основе применения гл. 60 ГК РФ находится неосновательное обогащение, а его соотношение с деликтным вредом продолжает оставаться спорным вопросом в цивилистической литературе.

В. Д. Новак отмечает, что действия неосновательно обогащающегося лица могут быть связаны с различными обстоятельствами и действиями субъективного характера, иметь как правомерный, так и неправомерный характер, а предметом неосновательного обогащения могут оказаться любые вещи и имущественные права [3, с. 58–70].

О. Н. Войтенко акцентирует своё внимание на том, что законодательство не содержит перечня имущества, способного оказаться объектом неосновательного обогащения. В ходе применения норм гл. 60 ГК РФ не имеет значения конкретизация имущества, его признаки, свойства, а важен лишь факт получения имущества и получения незаконной выгоды, являющиеся основанием предъявления кондикционного иска. При этом не имеет юридического значения наличие или от-

сутствие вины обогатившегося лица, что прямо следует из положения п. 2 ст. 1102 ГК РФ и позволяет отличить неосновательное обогащение от деликтного правонарушения [4, с. 23–25].

Необходимо согласиться и с Р. А. Кущовым, который отмечает, что в основе деликта всегда находится правонарушение, тогда как в основе неосновательного обогащения лежат события и действия [5, с. 20].

Л. С. Шестакова указывает на то, что для неосновательного обогащения не имеют юридического значения действия, их противоправность и вина различных субъектов, важно лишь то, что обогащение произошло, что отличает кондикционное обязательство от деликтного [6, с. 100].

По мнению проф. Е. А. Флейшиц, при разграничении обсуждаемых правовых институтов следует принимать во внимание принцип вины. Известный ученый утверждала, что при наличии вины всегда применяются правила гл. 59 ГК РФ, а при её отсутствии – гл. 60 ГК РФ [7, с. 128].

Полагаем, что с последней позицией трудно согласиться, поскольку, если в случае деликта действие всегда виновно, при неосновательном обогащении действие может быть как виновным, так и невиновным.

Проф. М. В. Телюкина считает, что в основе разграничения деликта и неосновательного обогащения находится получение имущественной выгоды [8, с. 8–16]. Аналогичную позицию занимал В. С. Ем [9, с. 22–23].

Сопоставляя деликт и неосновательное обогащение в части нарушения прав на товарный знак, исследователь гражданского права А. С. Ворожевич указывает, что в современном гражданском праве деликт и неосновательное обогащение отличаются друг от друга получением имущественной выгоды. При нарушении исключительного права на товар-

ный знак имеют место и деликт, и неосновательное обогащение, поскольку правонарушитель, незаконно используя товарный знак, может привлечь к себе множество потребителей и извлечь при этом незаконную выгоду (прибыль) [10, с. 12–14].

При выборе того или иного способа защиты могут существенным образом измениться объём требований и предмет доказывания, поскольку при ссылке на положения гл. 60 ГК РФ размер возмещения соответствует стоимости упущенной выгоды, а при применении положений гл. 59 ГК РФ – без учета упущенной выгоды. Применительно к деликту в части объема возмещения вреда нельзя не обратить внимание на положения ст. 1083 ГК РФ, согласно которым не может быть возмещён вред, причинённый вследствие умысла потерпевшего. При грубой неосторожности последнего размер вреда может быть уменьшен (п. 1) или ему может быть полностью отказано в возмещении такого вреда (п. 2). Кроме того, в указанной статье законодатель предусмотрел случаи, когда вина потерпевшего не учитывается (возмещение вреда в связи с возмещением дополнительных расходов, смертью кормильца, возмещение расходов на погребение).

Правила о неосновательном обогащении применяются субсидиарно при рассмотрении исковых требований о возмещении деликтного вреда. Иными словами, наличие вины может предполагать возникновение обязательства по неосновательному обогащению, и требование о возмещении вреда может оказаться деликтным, что вызывает сложности в разграничении деликтных и кондикционных обязательств (исков).

Ссылаясь на признак вины, профессора О. С. Иоффе, А. В. Венедиктов, А. Я. Рыженков указывают на то, что именно данный критерий является основным в разграничении смежных исков. Однако, по мнению проф. А. В. Рясенце-

ва, деликтный иск может быть предъявлен только при наличии умысла у лица, а в остальных случаях следует инициировать кондикционные иски [11, с. 159].

Т. А. Скворцова и Ю. П. Акаемова отмечают, что для неосновательного обогащения вина не имеет какого-либо значения, но её наличие делает возможным установление деликта [12, с. 111].

Думается, дискуссия относительно разграничения деликтов и неосновательного обогащения в соответствии с виной вполне оправдана, но при этом вряд ли обосновано признавать вину в качестве основного или главного критерия разграничения. Установление вины необходимо для выяснения условия возмещения вреда, в то время как неосновательное обогащение может иметь невиновный характер. Примером невиновных действий в рамках неосновательного обогащения может послужить ошибочный перевод денежных средств на банковский счёт другого лица.

В рамках неосновательного обогащения происходит возвращение имущества, в то время как по правилам гл. 59 ГК РФ происходит возмещение вреда как меры гражданско-правовой ответственности. В силу изложенного исковые требования о неосновательном обогащении и возмещении вреда отличаются.

Правоприменитель обязан принимать во внимание фактические обстоятельства, необходимые для применения норм гл. 60 ГК РФ или применения норм гл. 59 ГК РФ. В том случае, если имущество находится у незаконного приобретателя, применяется виндикационный иск, поскольку признаки деликта отсутствуют, вред не причинён, неосновательного обогащения в действиях субъекта не имеется, в соответствии с чем логичным является истребование данной вещи из незаконного владения, а не предъявление требований о неосновательном обогащении или о возмещении вреда [13, с. 246–250].

Рассматривая вопрос о разграничении деликтного и кондикционного исков, следует отметить, что в основном спорные ситуации исключаются при причинении вреда. В данном случае абсолютно бессмысленно подавать кондикционный иск.

Сравнивая деликтный и кондикционный иски, проф. Ю. К. Толстой отмечал, что последний является наиболее удобным для потерпевшего, поскольку исключает необходимость доказывания вины в действиях неосновательно обогатившегося лица. При этом данный иск может быть объединён с деликтным иском в целях получения полной компенсации, если сумма убытков выше, чем сумма неосновательного обогащения. По мнению ученого, не имеет значения, каким образом было осуществлено неосновательное обогащение, а важен лишь сам факт его наличия, даже с учётом того, что оно могло быть совершено при небрежности [14, с. 140].

Х. Коциоль считал, что кондикционный иск гораздо удобнее деликтного, поскольку субъект не обязан доказывать вину в действиях лица, повлекшего за собой неосновательное обогащение [15, р. 39–40].

Проф. Д. Н. Кархалев в своём исследовании отмечает, что кондикционный иск применяется исключительно для восстановления права, в отличие от деликтного, целью которого является привлечение к ответственности за совершённые неправомерные действия [16, с. 23–24].

Е. В. Демьяненко и А. В. Шпак указывают на то, что для кондикционного иска не имеет значения, каким образом осуществлено неосновательное обогащение, и бремя доказывания самого факта неосновательного обогащения возложено на истца. Иными словами, истец должен доказать отсутствие каких-либо правовых оснований для обогащения ответчика [17, с. 29–30].

Н. В. Мураев отмечает, что в рамках кондикционного иска нет необходимости

доказывать вину ответчика, однако такая обязанность действует при доказывании права собственности истца на конкретную вещь [18, с. 109].

Примечательно, что в основе неосновательного обогащения находятся юридические факты, однако не все они являются основанием для предъявления кондикционного иска. Не имеет юридического значения и причина совершения неосновательного обогащения.

В современной судебной практике большинство случаев неосновательного обогащения связано с ошибочным переводом денежных средств.

В связи с изложенным определенный интерес вызывает апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 6 июня 2024 г.¹ Согласно материалам этого дела, действия А. были признаны неосновательным обогащением, несмотря на то, что истец Ф. периодически перечислял суммы на счёт ответчика и суд первой инстанции указал на то, что подобные действия вряд ли могут быть расценены в качестве ошибочных с учётом того, что истец обратился с иском через год после перечисления сумм, с чем не согласился суд апелляционной инстанции, указав при этом на то, что не имеет значения время обращения или периодичность получения денежных средств, а важно то, что у ответчика отсутствовали законные основания для получения или сбережения данных денежных средств, в соответствии с чем в его действиях имеется неосновательное обогащение.

Напротив, апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 6 июня 2024 г. по делу № 33-21710/2024 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 01.06.2024).

от 18 июня 2024 г.¹ жалоба истца была оставлена без удовлетворения по причине недоказанности ошибочного перечисления денежных средств. Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что не были представлены доказательства безосновательного и незаконного удержания денежных средств.

В указанных случаях вряд ли логичным является применение норм о деликте, однако зачастую споры возникают ввиду того, что действия неосновательно обогатившегося лица расцениваются как виновные, подпадающие под состав какого-либо преступления. Неправильная квалификация правоотношения может стать основой для неправильного применения правовых норм гл. 59 или 60 ГК РФ.

Сравнивая иски, необходимо обратить внимание на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г.² Судебная коллегия установила, что при наличии договорного, деликтного или иного иска всё имущество подлежит истребованию посредством такого иска, а нормы гл. 60 ГК РФ применяются субсидиарно.

Уместно заметить, что в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2022 г. признано

установленным, что в том случае, если доступен к применению иск, вытекающий из договорных отношений, то исключается применение кондикционного иска, несмотря на субсидиарность положений гл. 60 ГК РФ³.

Рассматривая вопрос о соотношении исков, Н. В. Мураев логично ставит вопрос о том, какой иск должен быть предъявлен в том случае, если субъект украл и продал вещь: деликтный или кондикционный. Данное условие может быть дополнено и иными случаями, когда, например, субъект не продал вещь, а подарил её, когда можно использовать виндикационный иск, но в то же время взыскать убытки с укравшего. Ученый считает, что в целом невозможно взыскать стоимость украденной вещи, поскольку она никогда не принадлежала лицу, совершившему кражу, и он обогатился не на стоимость вещи, а на стоимость владения ею. Определить стоимость владения вещью гораздо сложнее. В любом случае возникает вопрос о конкуренции деликтного и кондикционного иска [18, с. 110].

Споры в соотношении деликтного и кондикционного иска возникают и в связи с положениями Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»⁴,

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 июня 2024 г. по делу № 2-6762/2023 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 01.06.2024).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2022 № 12-КГ-22-3-К6 // ЮИС «Легалакт»: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollejii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19042022-n-12-kg22-3-k6/> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2022 № 46-КГ21-45-К6 // ЮИС «Легалакт»: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollejii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29032022-n-46-kg21-45-k6/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 // КонсультантПлюс: сайт. URL:

согласно которым требование из неосновательного обогащения может быть заявлено при причинении вреда.

В современной практике положения указанного письма применяются, но достаточно редко. В качестве примера можно привести Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2023 г. № 88-1192/2023. Сущность спора заключалась во взыскании социальных выплат с лица, незаконно их получивших, что являлось деликтом, однако суд, сославшись на информационное письмо, указал на то, что требования могут носить кондикционный характер¹.

Из Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. следует, что в том случае, если имущество может быть истребовано посредством деликтного иска, несмотря на неосновательное обогащение ответчика за счёт истца, применяется деликтный иск².

Выводы

По итогам исследования можно заключить, что институты, предусмотренные главами 59, 60 ГК РФ, конкурируют между собой ввиду схожести их норм и характера действий, которые могут послужить основой для их применения. По-

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25979/ (дата обращения: 01.06.2024).

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2023 № 88-1192/2023 по делу № 2-6387/2021 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=114820&dst=100001#7rBp0SUhg0KucBhJ> (дата обращения: 01.06.2024).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=657432#MFOp0SUo9PlTlr5d2> (дата обращения: 01.06.2024).

пытки их разграничения предпринимались различными юристами, однако единый перечень оснований или критериев для разграничения так и не был установлен ввиду различий в понимании деликта и неосновательного обогащения. Представляется, что основным критерием их разграничения следует считать последствия, которые связаны с действиями делинквента или неосновательно обогатившегося лица. Именно этот критерий позволяет определить характер иска: деликтный, виндикационный или кондикционный.

Разграничение деликта и неосновательного обогащения, а также связанных с ними исков, исходя из вины правонарушителя, вряд ли можно считать оправданным, т. к. установление вины необходимо для определения сущности возмещения вреда, в то время как неосновательное обогащение может иметь невиновный характер, к примеру, при ошибочном переводе денежных средств на банковский счёт. При неосновательном обогащении нет необходимости доказывать вину, что упрощает обращение с кондикционным иском.

Сложности в соотношении деликтного и кондикционного исков негативным образом сказываются на практике. Так, в одних случаях суды считают, что в действиях лица имеется неосновательное обогащение, в других – деликт, что также подпитывает существующую в теории конкуренцию исков.

Внесение каких-либо изменений в гражданское законодательство, акцентирующих внимание на разграничение данных институтов, вряд ли необходимо и только усложнит ситуацию. Оправданым представляется детальное разъяснение спорных вопросов в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Вагнер А. А. Проблема взаимосвязи обязательств из неосновательного обогащения и других видов обязательств // Социальное управление. 2024. Т. 6, № S1. С. 62–67.
2. Пусурманов Г. В. О составе гражданско-правового деликта // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 69–78.
3. Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 414 с.
4. Войтенко О. Н. Особенности правового содержания обязательств из неосновательного обогащения // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы Международной научно-практической конференции. Калининград: Калинингр. филиал С.-Петерб. ун-та МВД России, 2020. С. 23–25.
5. Кушхов Р. А. Проблема соотношения кондикционного и деликтного требования о защите гражданских прав // Право и политика. 2006. № 7. С. 15–20.
6. Шестакова Л. С. Основные условия и этапы возникновения кондикционных обязательств в российском гражданском законодательстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 2. С. 100–105.
7. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 239 с.
8. Телюкина М. В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) // Законодательство. 2002. № 3. С. 8–16.
9. Ем В. С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Законодательство. 1999. № 7. С. 22–23.
10. Ворожевич А. Нарушение прав на товарный знак: деликт или неосновательное обогащение // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 10. С. 9–16.
11. Рясенцев В.А. Обязательства, возникающие из неосновательного приобретения или неосновательного сбережения имущества // Советское гражданское право / отв. ред. В. А. Рясенцев. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1973. С. 159.
12. Скворцова Т. А., Акаемова Ю. П. Обязательства из неосновательного обогащения в системе гражданско-правовых обязательств // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 2-3(58). С. 110–113.
13. Саров С. С. Понятие и юридическая сущность неосновательного обогащения // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность : сборник научно-практических статей III Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых. Краснодар: науч.-исслед. Ин-т актуальных проблем современного права, 2018. С. 246–250.
14. Толстой Ю. К. Проблема соотношения требований о защите гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2 (225). С. 138–148.
15. Koziol H. Basic questions of tort law from a germanic perspective. Wien: Jan Szamek Verlag, 2012. Р. 39–40.
16. Кархалев Д. Н. Кондикционное охранительное правоотношение: проблемы теории и законодательного обеспечения // Российский судья. 2009. № 12. С. 21–24.
17. Демьяненко Е. В., Шпак А. В. Отдельные вопросы обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2(93). С. 28–31.
18. Мураев Н. В. Субсидиарность иска из неосновательного обогащения // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24, № 1. С. 90–129.

References

1. Wagner A.A. The problem of the relationship of obligations from unjustified enrichment and other types of obligations. *Sotsial'noe upravlenie = Social management*. 2024;6(S1):62–67. (In Russ.)
2. Pusurmanov G.V. On the composition of a civil tort. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanii = Journal of Legal and Economic Research*. 2024;(1):69–78. (In Russ.)
3. Novak D.V. Unjustified enrichment in civil law. Moscow: Statut; 2010. 414 p. (In Russ.)
4. Voitenko O.N. Features of the legal content of obligations from unjustified enrichment. *VIII Baltiiskii yuridicheskii forum "Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii": materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = VIII Baltic Legal Forum "Law and Order in the third Millennium": materials of the International Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: Kaliningr. filial S.-Peterb. un-ta MVD Rossii; 2020. P. 23–25. (In Russ.)
5. Kushkhov R.A. The problem of the correlation of the conditional and tort requirements for the protection of civil rights. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2006;(7):15–20. (In Russ.)
6. Shestakova L.S. The main conditions and stages of the emergence of conditional obligations in Russian civil legislation. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2020;(2):100–105. (In Russ.)
7. Fleishits E.A. Obligations arising from harm and unjustified enrichment. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.; 1951. 239 p. (In Russ.)
8. Telyukina M.V. Conditional obligations (theory and practice of unjustified enrichment). *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2002;(3):8–16. (In Russ.)
9. Em V.S. Obligations due to unjustified enrichment. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 1999;(7):22–23. (In Russ.)
10. Vorozhevich A. Trademark infringement: tort or unjustified enrichment. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promышленная собственность = Intellectual property. Industrial property*. 2018;(10):9–16. (In Russ.)
11. Ryasentsev V.A. Obligations arising from the unjustified acquisition or unjustified saving of property. In: Ryasentsev V.A. (ed.) Soviet civil law. Moscow: Izd-vo VYZI; 1973. P. 159. (In Russ.)
12. Skvortsova T.A., Akaemova Yu.P. Obligations from unjustified enrichment in the system of civil obligations. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremenном mire = Actual scientific research in the modern world*. 2020;(2-3):110–113. (In Russ.)
13. Sarov S.S. The concept and legal essence of unjustified enrichment. In: *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava: istoriya i sovremenność: sbornik nauchno-prakticheskikh statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (simpoziuma) molodykh uchenykh = Actual problems of civil and business law: history and modernity : collection of scientific and practical articles of the III International Scientific and Practical Conference (symposium) of young scientists*. Krasnodar: Nauch.-issled. in-t aktual'nykh problem sovremen-nogo prava; 2018. P. 246–250. (In Russ.)
14. Tolstoi Y.K. The problem of the correlation of requirements for the protection of civil rights. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Izvestia of higher educational institutions. Legal studies*. 1999;(2):138–148. (In Russ.)
15. Koziol H. Basic questions of tort law from a germanic perspective. Wien: Jan Szamek Verlag; 2012. P. 39–40. (In Russ.)

16. Karkhalev D.N. Conditional protective legal relationship: problems of theory and legislative support. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2009;(12):21–24. (In Russ.)
17. Dem'yanenko E.V., Shpak A.V. Certain issues of obligations due to unjustified enrichment. *Yurist"-Pravoved" = Lawyer-Jurist*. 2020;(2):28–31. (In Russ.)
18. Muraev N.V. The subsidiarity of a claim for unjustified enrichment. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2024;24(1):90–129. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Степанов Владимир Николаевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vladimir2468stepanov@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-5881-3158

Vladimir N. Stepanov, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vladimir2468stepanov@yandex.ru,
ORCID: 0009-0008-5881-3158

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-91-104>

Участие граждан в рассмотрении судом уголовных дел в отношении несовершеннолетних

Е. В. Марковичева¹✉, А. А. Когут¹

¹ Российский государственный университет правосудия
ул. Новочерёмушкинская, д. 69, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: markovicheva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Участие граждан в отправлении правосудия повышает открытость судопроизводства и уровень доверия граждан к судебной системе. Но привлечение непрофессиональных судей к рассмотрению уголовных дел всегда сопряжено с целым рядом проблем. Для предупреждения и решения таких проблем в уголовном процессе отдельных государств могут вводиться ограничения по подсудности уголовных дел судам с участием представителей народа. К таким специфичным уголовным делам относятся уголовные дела в отношении несовершеннолетних. Среди российских ученых и практиков не пре-кращается дискуссия относительно возможности реализации несовершеннолетним обвиняемым права на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Цель: раскрытие исторических и современных подходов к участию граждан в качестве непрофессиональных судей при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Задачи: раскрыть исторические и современные подходы к участию представителей народа в рассмотрении уголовных дел; выявить возможности и особенности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних судом с участием граждан; обосновать целесообразность формирования в российском уголовном процессе особой системы рассмотрения уголовных дел с участием представителей народа.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, аналогия), а также формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты. Сформулированы предложения, направленные на корректировку доктринальных и нормативных подходов к рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних с участием непрофессиональных судей.

Вывод. Существующая модель производства по уголовным делам с участием коллегии присяжных заседателей не учитывает специфику уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Однако расширение возможностей для участия граждан в рассмотрении именно этой категории уголовных дел является социально значимым. Требуется конструктивная дискуссия относительно разработки модели рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних с привлечением непрофессиональных судей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; суд; присяжные заседатели; народные заседатели; несовершеннолетний.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Марковичева Е. В., Когут А. А. Участие граждан в рассмотрении судом уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 91–104. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-91-104>

Поступила в редакцию 24.09.2024

Принята к публикации 03.10.2024

Опубликована 31.10.2024

© Марковичева Е. В., Когут А. А., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(5):91-104

Participation of citizens in the court consideration of criminal cases against minors

Elena V. Markovicheva¹✉, Anastasiya A. Kogut¹

¹ Russian State University of Justice

69 Novocheryomushkinskaya Str., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: markovicheva@yandex.ru

Abstract

Relevance. Citizen participation in the administration of justice increases the openness of legal proceedings and the level of citizen confidence in the judicial system. At the same time, the right of the accused to have their criminal case examined by a court with the participation of representatives of the people is ensured. However, the involvement of non-professional judges in considering criminal cases is always associated with several organizational and procedural problems. To prevent and solve such problems in the criminal process of individual states, restrictions may be introduced on the jurisdiction of criminal cases in courts with the participation of representatives of the people, and specific considerations of certain categories of cases may be provided for. Such specific criminal cases include criminal cases against minors. There is an ongoing debate among Russian scientists and practitioners regarding the possibility of a juvenile defendant exercising the right to have their criminal case heard by a court with the participation of a jury.

Purpose: disclosure of historical and modern approaches to the participation of citizens as lay judges in criminal cases involving minors.

Objective: to reveal historical and modern approaches to the participation of representatives of the people in the consideration of criminal cases; to identify the possibilities and features of consideration of criminal cases against minors by the court with the participation of citizens; justify the feasibility of forming in the Russian criminal process a special system for considering criminal cases with the participation of representatives of the people.

Methodology. In the process of working on the study, comparative-legal, formal-legal methods, and general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy) were used.

Results. There are proposals formulated to adjust doctrinal and normative approaches to the consideration of criminal cases against minors with the participation of lay judges.

Conclusion. The existing model of criminal proceedings with the participation of a jury does not consider the specifics of criminal cases against minors. However, expanding opportunities for citizens to participate in the consideration of this particular category of criminal cases is socially significant. A constructive discussion is required regarding the development of a model for considering criminal cases against minors with the involvement of lay judges.

Keywords: criminal proceedings; court; jurors; people's assessors; minor.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Markovicheva E.V., Kogut A.A. Participation of citizens in the court consideration of criminal cases against minor. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):91–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-91-104>

Received 24.09.2024

Accepted 03.10.2024

Published 31.10.2024

Введение

В последнее десятилетие в российском юридическом сообществе неоднократно поднимался вопрос о возможности рассмотрения судом с участием коллегии присяжных заседателей уголовных

дел в отношении несовершеннолетних. Исследователи обращались к данной проблематике при изучении особенностей института присяжных в российском уголовном процессе. В целом вопросы, связанные с плюсами и минусами данно-

го дифференцированного порядка судебного разбирательства, давно являются предметом продуктивной полемики как на научном, так и на правоприменительном уровнях на протяжении всего периода действия норм, регулирующих процессуальные и организационные аспекты такого производства.

Следует признать и изначальную сложность данного уголовно-процессуального института, наличие проблем в его правовом регулировании. Однако данная форма судебного разбирательства продемонстрировала свою жизнеспособность, поэтому даже скептики перешли от ее критики к обсуждению тенденций ее развития. Новая волна концептуальных предложений была связана с расширением в 2018 г. подсудности уголовных дел суду присяжных, что было призвано обеспечить более широкое участие граждан в отправлении правосудия и оптимизировать обеспечение конституционного права обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Но в ходе такой судебной реформы открытым остался ряд проблем, решение которых требует их теоретического осмысления и определения принципиальных подходов. В противном случае корректировка законодательства будет осуществляться в уже привычном точечном формате, который не всегда бывает удачным.

В числе дискуссионно-проблемных вопросов после 2018 г. для теоретиков и практиков остался вопрос о рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних судом с участием присяжных заседателей. Перманентно обсуждение этой проблемы велось и ранее, а научное сообщество смогло сформулировать ряд аргументов как в пользу соединения двух усложненных порядков в одном производстве [1, с.75], так и против этого [2, с. 53–60].

Полагаем, что отправной точкой в данной дискуссии должно стать изучение проблемы в контексте исследования воз-

можностей, достоинств и недостатков сложившихся в разных странах моделей участия представителей народа в отправлении правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и, соответственно, обращения как к истории вопроса, так и к опыту отдельных зарубежных государств.

Материалы и методы

В статье приведены некоторые результаты исследования исторических и современных моделей участия граждан в рассмотрении судами уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В основе статьи лежит анализ не только конституционных, уголовно-процессуальных и судоустройственных норм, но и позиций Конституционного суда Российской Федерации, выраженных в ряде его постановлений. Теоретической основой данного исследования стали публикации отечественных и зарубежных ученых, посвященные как общим вопросам участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам, так и отдельным вопросам участия народных и присяжных заседателей в рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Дизайн данного исследования базируется на системном применении общенаучных и частнонаучных методов исследования, позволивших сформулировать ряд достоверных и обоснованных выводов.

Общенаучные методы исследования обеспечили возможность системного анализа отдельных доктринальных, лegalных и правоприменительных подходов к участию граждан в судебном разбирательстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

С использованием формально-юридического метода, т. е. правил формальной логики, изучались роль и место непрофессиональных участников уголовного судопроизводства в достижении его основных целей. Историко-правовой ме-

тод позволил продемонстрировать эволюционное развитие различных форм участия народа в отечественном уголовном судопроизводстве. Сравнительно-правовой метод исследования обеспечил сопоставление нормативных подходов к участию непрофессиональных судей в рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Результаты и их обсуждение

В уголовном процессе отдельных государств эволюционно оформились разные доктринальные и нормативные подходы и к вопросам участия граждан в отправлении правосудия, и к рассмотрению с их участием отдельных категорий дел, в том числе в отношении несовершеннолетних. Признавая достаточную вариативность соответствующих национальных подходов в современном мире, согласимся с исследователями, которые предлагают в качестве отправных точек рассматривать две модели: суд шеффенов и суд присяжных заседателей [3, с. 75]. Национальные правовые системы и организация судебной деятельности в конкретном государстве обладают спецификой, которая отражается и в подходах к рассмотрению уголовных дел в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, или молодых людей, недавно ставших совершеннолетними. Поскольку уголовный процесс каждого государства не статичен и находится в динамике, соответственно трансформируются нормативные и судоустройственные подходы к участию граждан в уголовной юстиции в качестве судей. Национальным моделям присуща значительная вариативность в подходах к отбору представителей народа для отправления правосудия, в механизме составления списков народных или присяжных заседателей, в формировании собственно коллегии присяжных. Исследователи данной проблематики обоснованно указывают в своих работах на существование разных уголовно-процессуа-

льных моделей формирования коллегии [4, с. 89–95].

В российской истории можно выделить ряд попыток привлечения представителей народа к отправлению правосудия по уголовным делам. В частности, речь может идти о сословных судах общей и специальной юрисдикции, которые стали порождением реформ Екатерины II. В отправлении правосудия в таких судах уже принимали участие выборные представители народа в соответствии с узаконенным сословным делением. Но функционирование таких судов на территории России в то время сильно варьировалось от губернии к губернии. Современные исследователи констатируют несовершенство данных судов, их закрытость, отсутствие состязательности и равноправия, но при этом обращают внимание на то, что такая модель «была для своего времени достаточно прогрессивной, соответствовавшей сословному типу общества и форме правления в виде абсолютной монархии» [5, с. 1419]. Отметим, что совестные суды могут быть рассмотрены как некий прообраз специализированного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [6, с. 239]. В разбирательстве уголовных дел о преступлениях, совершенных малолетними, принимали участие назначаемый судья и два выборных заседателя, представляющие свое сословие. В определенной мере их решения могли быть более гуманными и учитывающими малолетство как смягчающее вину обстоятельство, приводящими к применению педагогических мер коррекции поведения несовершеннолетнего. Однако Сенат, являющийся вышестоящей инстанцией по отношению к Совестному суду, не всегда разделял более гуманный подход такого «специального» суда к несовершеннолетним преступникам, полагая, что несовершеннолетний заслуживает более сурового наказания.

Российское юридическое сообщество приветствовало результат судебной

реформы второй половины XIX в., выразившийся в отказе от организации разбирательства уголовных дел по сословному принципу и переходу к всесословному направлению правосудия. Появившиеся «суды присяжных» некоторое время могли среди прочих рассматривать уголовные дела и в отношении несовершеннолетних.

В советский период отечественной истории произошла трансформация суда с участием присяжных заседателей в новую модель смешанного суда с участием представителей народа, именуемых народными заседателями и составляющих часть советского народного суда. По справедливому мнению А. В. Гавриловой, «сущность народного участия в правосудии выражалась в направлении судебных полномочий коллегиальным составом, включавшим профессионального судью и народных заседателей, избираемых населением посредством местных органов власти» [7, с. 107]. Отметим, что историки указывают на целый ряд проблем, которые в первые годы советского периода были связаны с привлечением граждан к отправлению правосудия по уголовным делам. Источниками этих проблем были низкий уровень правовой культуры населения, незаинтересованность граждан в участии в правосудии, транспортно-логистические проблемы, препятствующие прибытию крестьян в суды. Все это приводило к тому, что в 20-е годы прошлого века «низкая активность заседателей или их няявка на заседания являлись нормой» [8, с. 115].

Тем не менее современные исследователи указывают и на ряд достоинств такой формы участия граждан в уголовном судопроизводстве, подчеркивая, что «единая коллегия судьи и народных заседателей – это соединение юридических знаний и жизненного опыта, народной мудрости», а «отбор и фактическое участие в судопроизводстве народных заседателей не требовали сколько-нибудь

значимых материальных и процедурных затрат» [9, с. 47].

Однако данный институт просуществовал до конца XX в., поэтому на протяжении почти вековой истории претерпевал ряд изменений: варьировались подсудность, количество народных заседателей по тем или иным делам. На протяжении этого периода менялись и подходы к рассмотрению народными судами уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В 20-е годы XX века значительная часть дел разрешалась в административном внесудебном порядке, обеспечиваемом деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних, ориентированных в то время преимущественно на реабилитацию и перевоспитание несовершеннолетних, поэтому народные суды рассматривали такие дела скорее как исключение из общего правила. Постепенно дела о преступлениях несовершеннолетних из компетенции такой комиссии перешли в сферу уголовной юрисдикции. И уже в 1963 г. Верховный Суд СССР в Постановлении Пленума № 6 указал на два принципиально важных момента: 1) необходимость обеспечения судебной специализации по таким категориям дел за счет их рассмотрения одним и тем же наиболее опытным судьей; 2) целесообразность привлечения в такие процессы народных заседателей «из числа педагогов и иных лиц, имеющих опыт в воспитании молодежи»¹.

Как отмечала Н. В. Радутная, «по своему правовому положению народные заседатели приравнены к народному судье и наделены правом применять законы и принимать решения по существу дела» [10, с. 150]. В 90-е годы XX века институт народных заседателей прекратил свое существование, а российский уголовный

¹ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4.

процесс от смешанного суда с народным участием двинулся в сторону института присяжных заседателей. Устранение из отечественного уголовного процесса народных заседателей, которые исторически получили достаточно широкое распространение в рамках континентальной правовой традиции во многих странах, получило в юридическом сообществе как позитивные, так и негативные оценки. Так, В. М. Бозров [11, с. 46] и В. Н. Курченко [12, с. 18–19] полагали, что сокращение присутствия в уголовном процессе представителей общества, не являющихся профессиональными судьями, должно способствовать повышению качества российского уголовного процесса. Другие авторы хотя и признавали кризис данного института, когда в 90-е годы XX века «для всех была очевидна деформация института народных заседателей», но полагали, что его необходимо вернуть в уголовное судопроизводство в обновленном виде [13, с. 51]. Оживленность данной научной полемики спала после изменения правового регулирования, обновления уголовно-процессуального законодательства, зафиксировавшего единственную форму участия представителей гражданского общества в рассмотрении уголовных дел – участие в судебном разбирательстве в качестве присяжного заседателя.

В последнее десятилетие научные споры по рассматриваемому вопросу то затихали, то возобновлялись снова. Не последнюю роль в поддержании научной дискуссии сыграл Конституционный Суд Российской Федерации, сформулировавший ряд важных позиций по допустимости или недопустимости подсудности уголовных дел в отношении несовершеннолетних суду присяжных.

Хотя за более чем двадцатилетнюю историю своего существования Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) претерпел ряд принципиальных изменений, вопрос о персональной подсудности уголовных

дел в отношении несовершеннолетних не актуализировался. Действуя в рамках такой логики, законодатель пренебреж данной проблемой и при расширении подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей.

Такой нормативный подход на протяжении всего периода действия института присяжных в современном уголовном процессе России привел к невозможности разрешения судебной практикой ряда сложных правоприменительных ситуаций, которые стали триггером для того, чтобы этот вопрос попал в поле внимания Конституционного Суда Российской Федерации. Отметим, что правовая позиция этой высшей судебной инстанции по данному вопросу на протяжении пяти лет корректировалась и уточнялась, поскольку менялись уголовно-процессуальные нормы.

В 2014 г. в Постановлении от 20 мая 2014 г. № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации зафиксировал, что уголовные дела в отношении несовершеннолетних не могут рассматриваться коллегиально с участием непрофессиональных судей, т. е. присяжных заседателей¹. Данное Постановление вызвало достаточно оживленную реакцию в научном сообществе и позволило вернуться к обсуждению вопроса участия присяжных в рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних, но под определенным углом: под углом обеспечения конституционных прав последнего [14, с. 26].

Напомним, что такая конституционно-правовая позиция высшей судебной инстанции оформилась в тот период, ко-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова: постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163269/ (дата обращения: 24.07.2024).

гда уголовно-процессуальный закон существенно ограничивал подсудность уголовных дел с участием коллегии присяжных: она не выходила за рамки областных, краевых и приравненных к ним судов. Примечательной является мотивировочная часть указанного выше Постановления: один из аргументов против допустимости такого порядка применительно к несовершеннолетним обвиняемым был связан с закреплением в главе 50 УПК РФ усложненной уголовно-процессуальной формы, требующей особых правил производства процессуальных действий и привлечения дополнительных участников. И Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел в существующем порядке судебного разбирательства с участием присяжных определенные риски для реализации особенностей такой усложненной уголовно-процессуальной формы. Действительно, исторически отечественный уголовный процесс строил такую модель расследования и рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, которая требовала установления целого ряда дополнительных обстоятельств, непосредственно связанных с самим подростком и его близким окружением. В такое производство вовлекается ряд специальных субъектов, производство процессуальных действий имеет свои особенности. Даже беглое ознакомление с нормами, определяющими сложный порядок судебного разбирательства судом с коллегией присяжных, заставляет задуматься относительно согласованности таких норм с другими специальными уголовно-процессуальными нормами, закрепленными в гл. 50 УПК РФ.

Выскажем предположение, что позиция Конституционного Суда Российской Федерации сыграла не последнюю роль в том, что при распространении института присяжных заседателей на уровень районных судов вопрос о соответствующем праве несовершеннолетних выпал из поля зрения законодателя.

Вследствие этого уголовные дела в отношении несовершеннолетних опять оказались вне подсудности суда присяжных, а Верховный Суд Российской Федерации на уровне постановления Пленума соответственно был лишен возможности сформулировать позицию, обеспечивающую единообразное оптимальное право-применение.

Очередным значимым моментом в решении данного вопроса стало принятие 22 мая 2019 г. Конституционным Судом Российской Федерации Постановления № 20-П¹, уже допускавшего возможность того, что несовершеннолетний обвиняемый предстанет перед коллегией присяжных. Отметим, что исследователи оценили такую позицию Конституционного Суда как «революционное решение, которое фактически позволило рассматривать судом с участием присяжных заседателей и уголовные дела в отношении несовершеннолетних при соблюдении нескольких условий» [15, с. 113].

Здесь следует сразу сказать, что принятие этого Постановления не означает, что за несовершеннолетним после 2019 г. априори признается право на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Можно говорить лишь о констатации в указанном судебном решении процессуальной возможности рассмотрения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в порядке, предусмотренном гл. 42 УПК РФ, причем в сложной правовой конструкции «под условием». Речь идет не о реализации права несовершеннолетнего как результата его волеизъявления, а о

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325126/ (дата обращения: 24.07.2024).

процессуальной возможности рассмотрения уголовного дела о преступлении с его участием при одновременном соблюдении трех условий: 1) преступление совершено в соучастии и соответствующее ходатайство заявлено совершеннолетним соучастником; 2) невозможно выделить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство; 3) в уголовном деле отсутствуют обвинения в совершении преступлений, выведенных из предметной подсудности суда присяжных. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации направил свои усилия скорее на отставивание соответствующего конституционного права «взрослых» соучастников. По этой причине несколько изменилась и мотивировка: в отличие от вышеупомянутого решения 2014 г. в Постановлении № 20-П от 22 мая 2019 г. уже указывается на возможность совмещения в одном производстве правил, предусмотренных как главой 42 УПК РФ, так и главой 50 УПК РФ.

Хотя такое решение Конституционного Суда и было оценено юристами как революционное, оно принципиально не изменило практику рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних, и суды первой инстанции подходят к решению этого вопроса осторожно. При наличии соответствующего ходатайства взрослого соучастника чаще всего уголовное дело в отношении несовершеннолетнего выделяется в отдельное производство.

В таких правовых реалиях встает вопрос о разработке принципиальных подходов к судебному разбирательству с участием представителей народа при наличии несовершеннолетнего на скамье подсудимых.

Отметим, что за несовершеннолетним обвиняемым можно и скорее следует признать право на рассмотрение уголовного дела судом с участием граждан. Такой подход сам по себе не противоречит принципам уголовного судопроизводства

в отношении подростков как особых, «уязвимых» субъектов, которым гарантирован ряд преференций, связанных с уголовной ответственностью, наказанием и уголовным преследованием. Кроме того, привлечение граждан к рассмотрению таких уголовных дел может быть продуктивным с точки зрения качественного изменения отношения гражданского общества к проблеме преступности несовершеннолетних. Нередко граждане воспринимают данное негативное явление абстрагированно, полагая, что оно не затрагивает и не затронет именно их жизнь. Вследствие этого проблемы несовершеннолетних, преступивших закон, рассматриваются как чужие проблемы, которые должны решать родители таких детей и специализированные государственные органы. Корректировка такого общественного отношения могла бы стать определенным фактором в профилактике преступности среди подростков.

Отметим, что подсудность уголовных дел суду с участием граждан допускается в целом ряде государств, причем не только в рамках традиции общего права, но и в рамках континентальной правовой традиции. Как отмечает Д. О. Чистилина, распространение судопроизводства с участием непрофессиональных судей на различные страны привело к формированию и различных его форм [16, с. 73]. Более того, процесс этот постоянно продолжается, и все чаще появляются некие гибридные формы такого судебного разбирательства, адаптированные под национальные правовые системы. И в рамках таких моделей присутствуют разные варианты рассмотрения непрофессиональными судьями уголовных дел в отношении несовершеннолетних [17, с. 19–22]. В частности, может быть более детально изучен и осмыслен опыт соседних государств. Например, в Республике Беларусь предусмотрено коллегиальное, с участием двух народных заседателей, рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних [18, с. 1012].

При этом предполагается, что профессиональный судья, участвующий в рассмотрении таких уголовных дел, обычно прошел повышение квалификации, в том числе и получил дополнительные знания в области педагогики и психологии.

Еще один из территориально близких примеров – это опыт Республики Казахстан, допустившей рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних с участием присяжных. Но здесь мы опять возвращаемся к вопросу о качественных параметрах такого судебного разбирательства. Исследователи указывают, что смешанная модель суда присяжных, реализованная в Казахстане, имеет как ряд преимуществ, так и ряд болевых точек, которые вызывают достаточно острую полемику [19, с. 165–168].

В российском уголовном судопроизводстве по общему правилу в подавляющем большинстве случаев уголовные дела в отношении несовершеннолетних рассматриваются единолично. Поэтому для ответа на вопрос о возможностях привлечения представителей гражданского общества к производству по этой категории дел необходимо дать ответ и на другой вопрос: необходимо ли расширить возможности разбирательства дел в отношении несовершеннолетних коллегиальным составом суда? Очевидно, что ответ на этот вопрос требует изучения отечественного исторического опыта и опыта других государств, в первую очередь в рамках континентальной правовой традиции. И здесь можно заметить, что в целом ряде государств получили преимущественное распространение именно формы коллегиального судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Отметим, что это зачастую не суд присяжных в его классическом виде, а разные формы участия граждан в рассмотрении таких дел. Более того, ряд государств, отказавшись от института присяжных, сохранил коллегиальный состав суда для несовершеннолетних. Одним из примеров является

уголовный процесс в отношении несовершеннолетних в Швейцарии [20, с. 123]. Однако применительно к участию непрофессиональных судей в судебном разбирательстве по такой специфичной категории уголовных дел возникает вопрос относительно предъявления к ним дополнительных требований. Например, в Австрии, Германии, ряде других государств могут устанавливаться требования к наличию у заседателей какой-то педагогической подготовки или опыта работы с молодежью. Могут предъявляться и дополнительные требования к количеству заседателей одного пола с несовершеннолетним. Но и тут необходимо понимать, что важно не только закрепить соответствующие нормы, но и обеспечить их жизнеспособность. И вот с последним в уголовном процессе нередко бывают сложности в силу непроцессуальных причин. Поэтому даже в тех государствах, где к народным или присяжным заседателям предъявляют такие дополнительные, во многом оправданные требования, не всегда удается собрать соответствующий состав суда, а суд проверочной инстанции нередко не рассматривает такое нарушение, как существенное. Поэтому нормативная модель участия граждан в отправлении правосудия должна отвечать критерию реализуемости в конкретных социально-экономических условиях. В круг проблемных вопросов могут войти вопросы, связанные с отбором кандидатов в присяжные заседатели, с формированием коллегии, с отводами присяжных. Особую актуальность применительно к несовершеннолетним это может иметь в ряде субъектов, где уже сейчас судам сложно сформировать коллегию в силу национальных, культурных особенностей, близкородственных и свойственных связей и т. д.

Важным является и учет возрастных особенностей несовершеннолетнего при рассмотрении его уголовного дела коллегиально с участием граждан. И тут возникает много вопросов. Например, о

необходимости разъяснения несовершеннолетнему специфики этой сложной процедуры, о границах гласности и конфиденциальности, о возможностях удаления несовершеннолетнего и др. Современная российская нормативная модель усложненного судебного разбирательства с привлечением присяжных не предполагает особых процедурных правил для несовершеннолетних. При этом доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних носит настолько личностно-ориентированный характер, что выполнение требований ч. 8 ст. 335 УПК РФ может стать достаточно сложной задачей.

Не следует забывать и о том, что в настоящее время возможности рассмотрения судом с участием присяжных ограничены тем, что совершеннолетнему соучастнику может предъявляться обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 или 151 УК РФ. В этом случае несовершеннолетний соучастник еще и приобретает процессуальный статус потерпевшего, а наличие такой квалификации при невыделении материалов уголовного дела будет препятствовать реализации права на суд присяжных. Но сам по себе вопрос о необходимости привлечения представителей общества к разбирательству по уголовному делу в отношении лица, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления, отсутствует в актуальной научной повестке и не стимулирует поиск каких-либо альтернативных форм народного участия в судебном разбирательстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Хотя и с научной, и с социально-нравственной точек зрения здесь видится определенная проблема, требующая осмысления. Отношение отдельно взятых присяжных к детям вообще и к детям-правонарушителям в частности может существенно варьироваться. Эта вариативность способна затруднить и обсуждение дела, и вынесение вердикта коллегией.

Таким образом, проблема рассмотрения судом с участием граждан уголовного дела в отношении несовершеннолетних для российского уголовного процесса может быть актуализирована и требует поиска таких процессуальных механизмов, которые позволят обеспечить решение специфических задач в таком гибридном производстве.

Выводы

В рамках разных правовых систем к XXI в. оформились вариативные модели участия граждан в рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Не всегда такой процесс подразумевает ту самую «классическую модель» с автономной коллегией присяжных заседателей, сохраняющей значительную самостоятельность в решении вопросов, традиционно относимых (хотя нередко и с натяжкой) исключительно к «вопросам факта». Достаточное распространение получили смешанные модели, когда непрофессиональные и профессиональные судьи коллегиально принимают решения по такой категории уголовных дел.

Уголовно-процессуальная форма, определяющая специфику усложненного производства по уголовным делам, должна не только устанавливать порядок осуществления процессуальных действий и принятия соответствующих процессуальных решений, но и соответствовать той цели, во имя которой была проведена такая дифференциация. В современном российском уголовном процессе оформлены два автономных усложненных порядка: один из них регулируется нормами гл. 42 УПК РФ, другой – нормами гл. 50 УПК РФ. Производство по уголовным делам с участием коллегии присяжных заседателей в качестве основной цели имеет обеспечение соответствующего конституционного права обвиняемого, а в качестве дополнительной – участие граждан в осуществлении правосудия,

позволяющее системе уголовного судопроизводства сохранить социально значимые связи с институтами гражданского общества. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в его современном виде преследует иные цели, связанные с реализацией международно-правовых гуманистических подходов к несовершеннолетним, учетом их возрастных особенностей и воспитательными альтернативами уголовному преследованию. Можно продолжать и дальше обсуждать доступность суда присяжных для несовершеннолетних, но до тех пор, пока не будут найдены необходимые точки соприкосновения этих двух усложненных производств, дискуссия будет малопродуктивной, а правоприменительная практика будет обоснованно стараться избегать такой гибридизации двух дифференцированных порядков.

Однако необходимо признать, что участие граждан в рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних может позитивно сказаться на эффективности такого производства, поскольку позволит гражданскому обществу лучше осознать и преступность несовершеннолетних как системную проблему, и пути ее предупреждения и

наиболее эффективного социального реагирования. Однако это требует и готовности судебной системы, и готовности самого общества к участию в таком конструктивном правоприменительном тандеме. Безусловно, встанет вопрос и о базовых принципах такого судебного разбирательства, о совпадении или несовпадении с уже имеющейся уголовно-процессуальной формой, о параметрах взаимодействия профессиональных и непрофессиональных судей на уровне судов первой и второй инстанций. При этом вариант экстраполяции уже готовой модели, показавшей свою эффективность в рамках отдельной национальной судебной системы, исключается по вполне понятным причинам.

С такой позиции представляется необходимым перейти от вопроса о доступности суда присяжных несовершеннолетним обвиняемым к обсуждению возможной модели участия граждан в рассмотрении таких уголовных дел. При таком подходе есть шанс на легальное оформление такого порядка производства с участием присяжных заседателей в отношении несовершеннолетних, который будет учитывать особенности этих двух производств.

Список литературы

1. Носкова Е. В., Кочетков Д. В. О праве несовершеннолетних на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 72–75.
2. Николюк В. В., Владыкина Т. А. Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ // Общество и право. 2019. № 1. С. 53–60.
3. Насонов С. А. Модели формирования коллегии присяжных заседателей в российском и зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве: сравнительно-правовое исследование // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 88–96.
4. Гаврилова А. В. Народное участие в правосудии в современных славянских государствах // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 1. С. 74–79.

5. Немытина М. В., Ефремова Н. Н., Михеева Ц. Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду // Былые годы. 2017. Т. 46, № 4. С. 1416–1432.
6. Российское законодательство XI–XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних / С. Н. Шишков, Е. В. Макушин, Е. Г. Дозорцева, В. Д. Бадмаева, Е. В. Нуцкова // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 231–244.
7. Гаврилова А. В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 106–119.
8. Крыжан А. В. «Народный суд с заседателями из толщи рабочей массы»: революционное новаторство или бутафория? // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 2. С. 108–117.
9. Кальницкий В. В. Участие граждан в отправлении правосудия: поиск оптимального варианта // Законодательство и практика. 2020. № 2. С. 46–52.
10. Радутная Н. В. Избранное. М.: РАП, 2010. 349 с.
11. Бозров В. «Удар милосердия» по институту народных заседателей // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 46.
12. Курченко В. Отказ от института народных заседателей оправдан // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 18–19.
13. Махов В. Н., Карабанова Т. Н. Восстановить институт народных заседателей // Законность. 2010. № 8. С. 50–53.
14. Дудко Н. А. О реализации права несовершеннолетних обвиняемых на суд присяжных // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2. С. 25–27.
15. Гриненко А. В., Чистилина Д. О. Проблемные аспекты определения подсудности суда с участием присяжных заседателей в условиях реформирования судебной системы // Симбирский научный вестник. 2020. № 1–2. С. 110–116.
16. Чистилина Д. О. Особенности реализации полномочий председательствующим в судах с участием народного элемента в России и зарубежных странах // Вестник. Государство и право. 2020. № 27. С. 72–77.
17. Марковичева Е. В. Право несовершеннолетних на суд присяжных в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 6. С. 19–22.
18. Зайцева Л. Л. Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь. Минск: Академия МВД, 2014. С. 1009–1034.
19. Сравнительно-правовое исследование судов с участием представителей народа в уголовном процессе России и Республики Казахстан / Р. М. Жамиева, Т. К. Рябинина, Д. О. Чистилина, А. С. Воротникова // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 161–170.
20. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 2. М.: НИКПЦ Восход–А, 2018. 1008 с.

References

1. Noskova E.V., Kochetkov D.V. On the right of minors to consider criminal cases by a jury. *Ugolovnaya yusticiya = Criminal justice*. 2017;(10):72–75. (In Russ.)
2. Nikolyuk V.V., Vladykina T.A. Prohibition on trial by jury of criminal cases of crimes committed by persons under the age of eighteen: systemic legal analysis. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2019;(1):53–60. (In Russ.)
3. Nasonov S.A. Models of formation of a jury in Russian and foreign criminal procedural legislation: comparative legal research. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Rule of law: theory and practice*. 2024;(1):88–96. (In Russ.)
4. Gavrilova A.V. People's participation in justice in modern Slavic states. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*. 2023;(1):74–79. (In Russ.)
5. Nemytina M.V., Efremova N.N., Mikheeva T.T. Evolution of the judicial system of the Russian Empire: from class to all-class court. *Bylye gody = Bye years*. 2017;(4):1416–1432. (In Russ.)
6. Shishkov S.N., Makushkin E.V., Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Nutskova E.V. Russian legislation of the 11th–18th centuries on the criminal liability of minors. *Psichologiya i pravo = Psychology and Law*. 2020;(4):231–244. (In Russ.)
7. Gavrilova A.V. The phenomenon of popular participation in the Soviet model of justice and its continuity in the post-Soviet space. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(9):106–119. (In Russ.)
8. Kryzhan A.V. “People's court with assessors drawn from the working masses”: revolutionary innovation or a sham? *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs = Historical and legal problems: a new perspective*. 2023;(2):108–117. (In Russ.)
9. Kalnitsky V.V. Participation of citizens in the administration of justice: search for the optimal option. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and practice*. 2020;(2):46–52. (In Russ.)
10. Radutnaya N.V. Selected works. Moscow: RAP; 2010. 349 p. (In Russ.)
11. Bozrov V. “Strike of Mercy” against the Institute of People's Assessors. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*. 2003;(9):46. (In Russ.)
12. Kurchenko V. Refusal from the institution of people's assessors is justified. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*. 2004;(1):18–19. (In Russ.)
13. Makhov V.N., Karabanova T.N. Restore the institute of people's assessors. *Zakonnost' = Legality*. 2010;(8):50–53. (In Russ.)
14. Dudko N.A. On the implementation of the right of minors accused to a jury trial. *Pravovaya mysl' v obrazovanii, naуke i praktike = Legal thought in education, science and practice*. 2017;(2):25–27. (In Russ.)
15. Grinenko A.V., Chistilina D.O. Problematic aspects of determining the jurisdiction of a court with the participation of jurors in the context of reforming the Judicial system. *Simbirskij nauchnyj vestnik = Simbirsk Scientific Bulletin*. 2020;(1–2):110–116. (In Russ.)
16. Chistilina D.O. Features of the implementation of powers by the presiding judge in courts with the participation of the national element in Russia and foreign countries. *Vestnik Gosudarstvo i pravo = Bulletin. State and law*. 2020;(27):72–77. (In Russ.)

17. Markovicheva E.V. The right of minors to a jury trial in Russian and foreign criminal proceedings. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International criminal law and international justice.* 2019;(6):19–22. (In Russ.)
18. Zaitseva L.L. Proceedings in criminal cases of crimes committed by persons under the age of eighteen. In: Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs. 2014; P. 1009–1034. (In Russ.)
19. Zhamieva R.M., Ryabinina T.K., Chistilina D.O., Vorotnikova A.S. Comparative legal study of courts with the participation of representatives of the people in the criminal proceedings of Russia and the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University.* 2023;(491):161–170. (In Russ.)
20. Trefilov A.A. Criminal proceedings in foreign countries. Vol. 2. Moscow: NIKPTs Voshod-A; 2018. 1008 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: markovicheva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6557-4927

Когут Анастасия Александровна, специалист кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kogutka_17@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-0313-5182

Elena V. Markovicheva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation,
e-mail: markovicheva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6557-4927

Anastasiya A. Kogut, Administrator of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kogutka_17@mail.ru,
ORCID: 0009-0009-0313-5182

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.98

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-105-114>**Сеть Интернет как объект изучения криминалистической науки****К. С. Белова¹✉**

¹Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
пр. Комарова, д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉e-mail: k_s159@mail.ru

Резюме

Актуальность. Сеть Интернет выступает в качестве объекта, аккумулирующего большой массив результатов действий пользователей в виде электронно-цифровых следов, а также значительный объем иной информации, которая может быть использована в расследовании преступлений. Учитывая непрекращающийся рост посягательств, в которых глобальная сеть стала средством их совершения, необходимо предложить следственным органам рекомендации по использованию сети Интернет как источника необходимых сведений и как средства решения задач уголовного судопроизводства.

Цель исследования – определить, с каких сторон и в какой степени сеть Интернет проявляет себя в тех закономерностях, которые выступают предметом криминалистической науки, для предложения системного подхода по применению информационных ресурсов сети в решении задач процесса расследования.

Задачи: дать характеристику сети Интернет как источнику электронно-цифровых следов и иной криминалистически значимой информации; показать, что приемы, средства и методы работы с доказательствами, реализуемые посредством сети Интернет, являются криминалистическими; выделить особенности сети Интернет как проявления механизма преступной деятельности и источника криминалистической характеристики.

Методология. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, также применялась совокупность общенациональных и частнонаучных исследовательских методов (системно-структурный, формально-логический, прогностический и др.).

Результаты. Разработаны отдельные теоретические положения методики использования сети Интернет в расследовании преступлений.

Вывод. Сеть Интернет, отражающая виртуальную жизнедеятельность, может быть представлена как одна из сторон объекта криминастики, выступая функциональной стороной как преступной, так и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а проявляющиеся в сети закономерности механизма различного рода преступлений, возникновения и нахождения информации о преступлении и его участниках, возможности поиска и получения криминалистически значимой информации, закрепления, исследования и использования ее в качестве доказательств, а также использование сети как средства судебного исследования и предотвращения преступлений делают сеть Интернет элементом предмета криминалистической науки.

Ключевые слова: интернет-ресурсы; расследование преступлений; электронно-цифровые следы; киберпространство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Белова К. С. Сеть Интернет как объект изучения криминалистической науки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 105–114.
<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-105-114>

Поступила в редакцию 10.09.2024

Принята к публикации 02.10.2024

Опубликована 31.10.2024

The Internet as an object of study of criminalistics science

Kseniya S. Belova¹✉

¹Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7 Komarova Str., Omsk 644092, Russian Federation

✉e-mail: k_s159@mail.ru

Abstract

Relevance. The Internet acts as an object accumulating a large array of results of user actions in the form of electronic and digital traces, as well as a significant amount of other information that can be used in the investigation of crimes. Given the ongoing growth of attacks in which the global network has become a means of committing them, it is necessary to offer investigative authorities recommendations on using the Internet as a source of necessary information and as a means of solving the tasks of criminal proceedings.

The purpose of the research is to determine from which sides and to what extent the Internet manifests itself in those patterns that are the subject of criminalistics science, in order to propose a systematic approach to the use of information resources of the network in solving the tasks of the investigation process.

Objectives: to characterize the Internet as a source of electronic digital traces and other criminally significant information; to show that techniques, tools and methods of working with evidence implemented through the Internet are criminalistics; to highlight the features of the Internet as a manifestation of the mechanism of criminal activity and the source of the criminalistic characteristics.

Methodology. The methodological basis of the research was the dialectical method of cognition, and a set of general scientific and private scientific research methods (system-structural, formal-logical, predictive, etc.) were also used.

Results. Separate theoretical provisions of the methodology of using the Internet in the investigation of crimes have been developed.

Conclusion. The Internet, reflecting virtual life, can be represented as one of the sides of the object of criminalistics, acting as a functional side of both criminal and crime detection and investigation activities, and the patterns of the mechanism of various types of crimes that manifest themselves on the network, the emergence and finding of information about the crime and its participants, the possibility of search and obtaining criminally significant information, securing, researching and using it as evidence, as well as the use of the Internet as a means of judicial research and crime prevention, the Internet is an element of the subject of criminalistics science.

Keywords: Internet resources; crime investigation; electronic digital traces; cyberspace.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Belova K.S. The Internet as an object of study of criminalistics science. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):105–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-105-114>

Received 10.09.2024

Accepted 02.10.2024

Published 31.10.2024

Введение

В современных условиях информационно-телекоммуникационная сеть Интернет представляет собой одну из наиболее востребованных технологий, посредством которой обрабатывается значительный массив информации, позволяющей её использовать для разных целей и в различных направлениях. Для

одних граждан сеть Интернет является профессиональной областью деятельности, для других – средством общения и развлечения, для третьих – «инструментом» совершения преступления. Учитывая это, сеть Интернет с имеющимися там ресурсами представляет собой новую виртуальную информационную среду, в которой содержатся сведения о людях,

предметах, фактах и событиях, поиск и изучение которых может способствовать решению задач уголовного судопроизводства.

В последние годы регистрируется большое количество преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет. Причем речь идет не только о преступлениях в сфере компьютерной информации, предусмотренных главой 28 УК РФ, но и о множестве других действий, где сеть Интернет активно задействована в механизме преступления. Изучение следственной практики и результатов современных исследований в области криминалистики позволяет сделать вывод о существовании широкого подхода к пониманию значения сети Интернет в поисково-познавательной деятельности следователя.

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении посредством диалектических категорий противоречий в познании сети Интернет в соотношении с объектом и предметом криминалистической науки; системно-структурным – при выделении органического множества характеризующих глобальную сеть элементов, находящихся в закономерных отношениях как между собой, так и с элементами, составляющими предмет науки криминалистики; формально-логическими – при построении общей линии изложения материала и теоретической аргументации формулируемых суждений; прогностическим – при определении перспектив развития криминалистической науки при востребовании нового знания из сферы существования глобальной сети.

Результаты и их обсуждение

Нас же интересует научная и практическая проблема использования сети Интернет в расследовании преступлений, чтобы как ученым, так и практикам предложить системный подход по применению таких информационных ресурсов в решении конкретных задач процесса расследования.

Если исходить из этой посылки, то сеть Интернет нас должна интересовать как некое средство решения задач, возникающих в ходе расследования преступлений. Само слово «использование» (через которое мы определяем предназначение сети применительно к процессу расследования) предполагает действие, или скорее даже функцию, реализация которой позволяет достичь цели уголовного судопроизводства. Достижение указанных целей системы расследования будет происходить вследствие изменения элементов данной системы за счет сети Интернет.

С позиции теории систем «функция» определяется как способ проявления активности системы, устойчивые активные взаимоотношения вещей, при которых изменения одних объектов приводят к изменениям других [1]. Рассматривая процесс расследования как динамичную систему, ее функция «использования» необходимых средств будет представлена как свойство, в динамике приводящее к достижению цели, изменению в процессе функционирования состояния системы [1]. Эту функцию система расследования реализует посредством применения комплекса приемов, средств и методов судебного исследования доказательств. Тем самым сеть Интернет может выступать этими приемами, средствами и методами работы с доказательствами, проявление сущности которых и их исследование

Р. С. Белкин включал в основную часть предмета криминалистики [2, с. 61]. Доказать, что приемы, средства и методы работы с доказательствами, реализуемые посредством сети Интернет, являются криминалистическими средствами и методами – и есть одна из задач нашего исследования. В последующих публикациях мы постараемся показать, какие существуют возможности проведения следственных и иных процессуальных действий с использованием сети Интернет.

В связи с тем, что закономерности, составляющие предмет криминалистики, лежат в сфере судебного исследования, т. е. деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства, Р. С. Белкин в предмет науки включал закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств [2, с. 62]. Эта точка зрения и по сей день в криминалистической науке является доминирующей, определяющей основу definicijii ее предмета для большинства научных школ [3]. В своих фундаментальных научных трудах уважаемый профессор специально оговаривает момент, что термин «доказательство» им используется не в строгом процессуальном значении, поскольку не вся возникающая в процессе совершения преступления информация может приобрести значение доказательства, а при действиях по отысканию и собиранию информация еще не имеет статуса доказательств [2, с. 63]. Поэтому и мы в целях исключения критики будем вести речь о возникновении информации о преступлении, собирании, исследовании, оценке и использовании криминалистически значимой информации и доказательств в сети Интернет, тем более что Интернет в большинстве случаев определяют как глобальную

информационную систему, содержащую колоссальные объемы данных¹.

В научных криминалистических исследованиях, тем или иным образом связанных с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, совершаемых в информационном пространстве, основной категорией для изучения выступает электронно-цифровой след. Мы не будем включаться в дискуссию о правильности выбора определения, характеризующего след, оставленный в сети Интернет от преступного действия (цифровой [4], информационный², электронно-цифровой [5], компьютерно-технический³, виртуальный [6, с. 104], виртуально-информационный [7], информационно-технологический [8] и пр. [9]), т. к. нас интересуют иные аспекты расследования преступлений, поэтому будем оперировать условной категорией «электронно-цифровые следы». Для решения задач проводимого исследования мы будем подразделять эти следы на две группы:

- следы деятельности (от конкретных действий);
- следы личности (отображения действий конкретной личности или информации о самой личности).

Вопрос фиксации доказательств в сети Интернет достаточно подробно исследован А. Н. Колычевой. Уникальность

¹ Основы информационно-библиографической культуры // НИЯУ МИФИ. URL: http://library.mephi.ru/icb2/glav5_new.html (дата обращения: 12.07.2024) и пр.

² Шаповалова Г. М. Возможность использования информационных следов в криминалистике (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 21 с.

³ Лыткин Н. Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 201 с.

и значимость ее научной работы выражалась в первую очередь в подробной классификации и описании электронно-цифровых следов в сети Интернет¹. Однако несмотря на то, что ученый оговаривает отличие процесса электронно-цифрового следообразования от его традиционного представления в криминалистической науке как процесса отражения от взаимного действия следообразующего и следовоспринимающего объектов друг на друга, сеть Интернет ею фактически рассматривается как следовоспринимающий объект, в котором отображаются электронные следы.

Отсюда с точки зрения предмета нашей работы процессы, реализуемые преступником и иными имеющими отношение к преступлению лицами в сети Интернет, выступают в том числе и следообразующими действиями, т. е. способом совершения преступления. Таким образом, сеть Интернет становится объектом изучения криминастики как система действий по подготовке к совершению и сокрытию преступления.

Такое наше смелое утверждение, безусловно, может быть подвергнуто критике с позиций того, что сама сеть Интернет уже есть существующий в реальном времени объект, производимые в котором преступником изменения образуют способ преступления, т. е. действия, выполняемые преступником в сети, выступают способом преступления, а не сама сеть. Но вернемся к указанному выше определению Интернета как глобальной информационной системы, содержащей огромные объемы данных, в которой любой информационный процесс, действие,

основываясь на принципах, правилах и протоколах функционирования этой системы, приводят к изменению самой системы в части многих ее элементов, дополняя, меняя или удаляя определенные данные. Тем самым сама система – сеть Интернет становится носителем способа преступления, уже выступающим ее элементом.

Так, например, действия наркобытчиков по размещению в сети объявления о продаже наркотических средств вносят изменения уже в саму сеть, где размещенное объявление с системой ссылок-переходов на другие страницы для проведения оплаты, получения координат закладок и их отыскания становится уже активной частью сети с многократным обращением к ней различных пользователей.

Однако, с другой стороны, с позиции частной криминалистической теории способа преступления обратное утверждение позволяет рассматривать сеть Интернет как внешнюю по отношению к способу систему. Обратимся к другим определениям сети Интернет.

Интернет – глобальная информационная система, которая логически взаимосвязана пространством уникальных адресов².

Также Интернет определяют как основанное на самых передовых технологиях глобальное информационное пространство³. Еще одно определение говорит об Интернете как о всемирной сети компьютеров, связанных друг с другом с

¹ Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. 199 с.

² См.: Батищев П. С. Основы Интернет. URL: <https://psbatishev.narod.ru/internet/12.htm> (дата обращения: 12.07.2024).

³ См.: Основы информационно-библиографической культуры // НИЯУ МИФИ. URL: http://library.mephi.ru/icb2/glav5_new.html (дата обращения: 12.07.2024).

помощью специальных электронных *адресов*¹.

24 октября 1995 г. Федеральный сетевой совет одобрил резолюцию, определяющую «Интернет», как «глобальную информационную систему, которая:

- логически взаимосвязана *пространством* глобальных уникальных *адресов*, основанных на Интернет-протоколе (IP) или на последующих расширениях или преемниках IP;
- способна поддерживать коммуникации с использованием семейства протоколов TCP/IP;
- обеспечивает, использует или делает доступными на общественной или частной основе высококачественные услуги, надстроенные над описанной здесь коммуникационной и иной связанной с ней инфраструктурой» [10, с. 12].

Понятие «Интернета» приводится в Модельном законе об основах регулирования Интернета, принятом 11 мая 2011 г. на 36-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Согласно вышеупомянутому Модельному закону, «Интернет» – это глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, связывающая информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального *адресного пространства*, основанная на использовании комплексов интернет-протоколов и протокола передачи данных и предоставляющая возможность реализации различных форм коммуникации, в

том числе размещения информации для неограниченного круга лиц»².

Также в научной литературе встречается отождествление Интернета с *киберпространством*. В частности, на это обращает внимание Д. Е. Добринская: «...очень часто исследователи отождествляют киберпространство и пространство интернета» [11, с. 57]. Сама же она определяет киберпространство значительно шире, как «пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать чрезвычайно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения информации, обмена и управления ею, а также осуществления коммуникаций в условиях множества различных сетей» [11, с. 58].

Также и профессор В. А. Мещеряков включает в категорию *киберпространства* не только сеть Интернет, но и все электронно-цифровые устройства, используемые людьми, а определяет *киберпространство* еще шире – как «динамическую среду присутствия человека, состоящую из:

- 1) информационно-технической инфраструктуры компьютерных систем и их сетей;
- 2) системы информационно-цифровых объектов, созданных и функционирующих в этой инфраструктуре;
- 3) системы акторов (пользователей и созданных ими компьютерных программ), использующих информационно-цифровые объекты в инфраструктуре компьютерных сетей для решения целевых задач;
- 4) установленных правил (протоколов) сетевого взаимодействия всех указанных выше элементов» [12, с. 53].

¹ См.: Сергеевичева Н. В. Основы самостоятельной и исследовательской работы (КМТ) // Ангарский промышленно-экономический техникум. URL: <https://a-pet.ru/mod/page/view.php?id=43253> (дата обращения: 12.07.2024).

² См.: Информационный бюллетень № 51 // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2011. 16 мая. С. 191–198.

Обращая внимание на выделенные курсивом слова, есть основания говорить, что все перечисленные определения толкуют рассматриваемую сеть через категории, характеризующие место («пространство», «адрес»). В то же время это место жестко не привязано и не зависит от конкретного пространственно-временного расположения. Место взаимодействия в сети не требует, чтобы конкретно в нем в определенный момент находились субъекты взаимодействия для того, чтобы их встреча в сети состоялась. Безусловно, такое взаимодействие требует со стороны конкретных лиц физического участия, которое может быть как одновременным, так и происходит в разное время, но доступно оно может быть им практически в любом географическом пространстве. Как указывает Д. Е. Добринская, виртуальность здесь не выступает противоположностью действительности, виртуальное место не является местом в привычном смысле, когда место или пространство для взаимодействия ограничено пространственно-временными рамками [11, с. 64].

И несмотря на то, что эти пространственные характеристики виртуальны, они по отношению к действиям лиц, использующих сеть Интернет, выступают категорией места как внешнего фактора, влияющего на выбор того или иного действия и средства. Тот же пример использования сети Интернет для сбыта или производства наркотических средств, в котором возможность бесконтактной передачи наркотиков, прекурсоров, денег, без посещения сбытчиком конкретного географического места и без непосредственного физического контакта с покупателем, определяет выбор этого способа совершения преступления.

Но этот внешний фактор реализуется в конкретных временных условиях, что в

совокупности образует категорию обстановки, детерминирующую не только выбор способа действия, но и те пространственно-временные условия, в которых этот способ реализуется, а соответственно, оставляет следы своей реализации. Поскольку нас интересуют не все реализуемые в сети действия, а только те, которые лежат в сфере интересов уголовно-правового поля, то с позиции науки криминалистики эти действия и процессы образуют противоправную деятельность, ее функциональную сторону – ту систему процессов взаимодействия участников преступления между собой и материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки, называемую механизмом преступления [13, с. 15].

С точки зрения Р. С. Белкина, «элементами системы механизма преступления выступают: 1) субъект преступления; 2) отношения субъекта преступления: к своим действиям, их последствиям, к соучастникам; 3) предмет посягательства; 4) способ преступления как система детерминированных действий; 5) преступный результат; 6) место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления; 7) обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления; 8) поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными и пассивными) события; 9) связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события, между действиями и обстановкой, субъектом преступления и предметом посягательства и т. п.» [2, с. 88].

Понятию механизма преступления [14, с. 164–167] посвящено достаточно

научных исследований¹ [15, с. 430-434], поэтому мы не будем приводить соответствующую научную полемику. Здесь мы лишь хотим показать, что нами поддерживается научная позиция о том, что категория «механизм преступления» относится к конкретному преступному посягательству, с которым сталкиваются субъекты его расследования. «Информация о механизме преступления и сопутствующих ему обстоятельствах возникает с момента формирования этого механизма и пополняется в течение всего времени его функционирования» [2, с. 88]. Познанию же механизма преступления способствует другая криминалистическая категория – «криминалистическая характеристика преступления», содержащая в себе обобщенные данные о практических тех же элементах, которые входят в механизм преступления, собранные на основе анализа уже совершенных и расследованных аналогичных посягательств. Сеть Интернет вполне может выступать источником сведений о криминалистической характеристике определенной категории преступлений, особенно совершаемых с использованием этой сети или электронно-цифровых технологий.

Так, например, если в поисковой системе задать поиск вариантов способа написания вредоносных программ, то уже сама корпорация Microsoft предложит перечень их типов², а лаборатория Касперского подробно распишет особенности каждого способа и признаки (в нашем понимании – электронные следы)

¹ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. 337 с.

² См.: Что такое вредоносная программа // Microsoft: сайт. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/security/business/security-101/what-is-malware> (дата обращения: 13.07.2024).

их применения³. При запросе сведений о лицах, разрабатывающих вредоносные программы, энциклопедия Касперского выдает подробную их характеристику³. Также очень подробно описаны в сети лица, выступающие жертвами киберпреступлений [16] и т. д.

Выводы

Изложенное позволяет нам сделать вывод, что сеть Интернет в силу своего содержания и устройства, отражающая виртуальную жизнедеятельность, может быть представлена как одна из сторон объекта криминалистики, выступая функциональной стороной как преступной, так и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а проявляющиеся в сети закономерности механизма различного рода преступлений, возникновения и нахождения информации о преступлении и его участниках, возможности поиска и получения криминалистически значимой информации, закрепления, исследования и использования ее в качестве доказательств, а также использование сети как средства судебного исследования и предотвращения преступлений делают сеть Интернет элементом предмета криминалистической науки.

³ См.: Способы проникновения вредоносных программ в систему // Encyclopedia by Kaspersky: сайт. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/how-malware-penetrates-systems/> (дата обращения 13.07.2024).

Список литературы

1. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев: МАУП, 2003. 368 с.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001. 837 с.
3. Меретуков Г. М. Еще раз об объекте и предмете криминалистики // Политехнический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 96. С. 633–652.
4. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.
5. Сукманов А. О. Сущность, понятие и виды электронно-цифровых следов, используемых в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 104–107.
6. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: ВГУ, 2002. 408 с.
7. Мочагин П. В., Каминский М. К. Виртуально-информационный процесс отражения следообразований как новое направление в криминалистике // Вестник криминалистики. 2013. № 3(47). С. 51–57.
8. Долгинов С. Д. Информационно-технологические следы в криминалистике // Материалы Шестого Пермского конгресса ученых-юристов. М.: Статут, 2016. С. 383–389.
9. Шеметов А. К. О понятии виртуальных следов в криминалистике // Российский следователь. 2014. № 20. С. 52–54.
10. Голицына И. Н. Мировые информационные ресурсы. Казань: Казан. ун-т, 2014. 40 с.
11. Добринская Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 52–57.
12. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике: монография. М.: Проспект, 2022. 176 с.
13. Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. М.: Акад. МВД России, 1997. 227 с.
14. Кустов А. М. Криминалистическая концепция механизма преступления // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2016. № 2. С. 164–167.
15. Румянцева И. В. Роль криминалистической диагностики механизма преступления в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2013. С. 430–434.
16. Власова Н. В., Буслаева Е. Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 194–206.

References

1. Surmin Yu.P. Theory of systems and system analysis. Kiev: MAUP, 2003. 368 p.
2. Belkin R.S. Course of criminalistics. 3rd ed., exp. Moscow: UNITY-DANA, Zakon i pravo; 2001. 837 p. (In Russ.)

3. Meretukov G.M. Once again about the object and subject of criminalistics. *Politematicheskiy setevoy elektronniy nauchnyi jurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University.* 2014;(96):633–652 (In Russ.)
4. Rossinskaya E.R., Saakov T.A. Problems of collecting digital traces of crimes from social networks and messengers. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: yesterday, today, tomorrow.* 2020;(3):106–123. (In Russ.)
5. Sukmanov A.O. The essence, concept and types of electronic digital traces used in the disclosure and investigation of crimes. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2014;(2):104–107 (In Russ.)
6. Meshcheryakov V.A. Crimes in the field of computer information: fundamentals of theory and practice of investigation. Voronezh: VGU, 2002. 408 p. (In Russ.)
7. Mochagin P.V., Kaminsky M.K. Virtual information process of reflection of trace formations as a new direction in criminalistics. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of criminalistics.* 2013;(3):51–57 (In Russ.).
8. Dolginov S.D. Information and technological traces in criminalistics. In: *Materiali shestogo Permskogo kongressa uchenih-yuristov = Materials of the Sixth Perm Congress of Legal Scientists.* Moscow: Statut; 2016. P. 383–389 (In Russ.).
9. Shemetov A.K. On the concept of virtual traces in criminalistics. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian investigator.* 2014;(20):52–54. (In Russ.)
10. Golitsyna I.N. World information resources. Kazan: Kazan. un-ty, 2014. 40 p. (In Russ.)
11. Dobrinskaya D.E. Cyberspace: the territory of modern life. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and political Science.* 2018;24(1):52–57. (In Russ.)
12. Meshcheryakov V.A. Theoretical foundations of the mechanism of trace formation in digital criminalistics. Moscow: Prospekt; 2022. 176 p. (In Russ.).
13. Kustov A.M. Theoretical foundations of the criminalistic doctrine of the mechanism of crime. Moscow: Akad. MVD Rossii; 1997. 227 p. (In Russ.)
14. Kustov A.M. Criminalistic concept of the crime mechanism. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA = Herald of the Moscow University of finance and law MFVA.* 2016;(2):164–167. (In Russ.)
15. Rumyantseva I.V. The role of forensic diagnostics of the crime mechanism in establishing the circumstances to be proved. In: *Prestupnost' v Zapadnoi Sibiri: aktual'nye problemy profilaktiki i rassledovaniya prestuplenii: sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Crime in Western Siberia: actual problems of crime prevention and investigation: collection of scientific articles.* Tyumen': Tyumen. gos. un-t, 2013. P. 430–434. (In Russ.).
16. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Psychological characteristics of persons prone to cyber-abusive behavior. *Psichologiya i pravo = Psychology and law.* 2022;12(2):194–206. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Белова Ксения Сергеевна, преподаватель кафедры криминалистики, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: k_s159@mail.ru
ORCID: 0009-0001-5516-6281

Ksenia S. Belova, Lecturer at the Department of Criminalistics, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
e-mail: k_s159@mail.ru
ORCID: 0009-0001-5516-6281

Оригинальная статья / Original article

УДК [343(2/.7+.33)]:004.9

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-115-129>**Цифровые решения для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения****О. В. Маричева¹✉**

¹Амурский государственный университет
Игнатьевское ш., д. 21, г. Благовещенск 675004, Российская Федерация

✉e-mail: olia.maricheva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Противоправные действия в условиях военного положения несут повышенную общественную опасность, дестабилизируя национальную безопасность, обостряя нехватку ресурсов и оказывая крайне негативное влияние на общество. Это требует от системы уголовной юстиции максимально оперативного и эффективного реагирования, в том числе в части назначения справедливых и соизмеримых наказаний. В свете современной внешнеполитической ситуации актуальность данного исследования не вызывает сомнений.

Цель работы заключается в выявлении положительных и отрицательных аспектов применения цифровых решений оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения на основе комплексного анализа.

Задачи: выявить специфические факторы, влияющие на процесс назначения наказаний в условиях военного положения; исследовать передовой международный опыт применения цифровых технологий для повышения эффективности судебного определения мер уголовного воздействия; оценить перспективы применения инновационных инструментов в назначении уголовных наказаний с учетом особенностей военного положения.

Методология. Работа построена на основе диалектического общенационального подхода, который обеспечил целостность исследования и обоснование причинно-следственных связей. Использовались общенациональные методы – анализ и синтез, обобщение, специально-юридический метод – сравнительно-правовой.

Результаты. В условиях военного положения применение цифровых технологий может повысить объективность, скорость и прозрачность назначения наказаний. Однако существуют риски ошибок и сбоев в работе систем, необходимость в дорогостоящих инвестициях, проблемы с информационной безопасностью и недоверие граждан к «бездушным» машинным решениям.

Вывод. В ходе исследования выявлены как потенциальные выгоды, так и риски применения цифровых решений для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения. Для повышения эффективности и надежности цифровых решений необходимо тщательно оценивать риски, связанные с кибербезопасностью, защитой персональных данных и устойчивостью к сбоям в чрезвычайных условиях. При этом важно постоянно совершенствовать и адаптировать технологии, обеспечивая их гибкость к динамично меняющимся реалиям военного времени.

Ключевые слова: назначение наказаний; военное положение; военные действия; цифровизация судо-производства.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Маричева О. В. Цифровые решения для оптимизации назначения уголовных наказаний в условиях военного положения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 115–129. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-115-129>

Поступила в редакцию 17.08.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Digital solutions for optimizing the sentencing of criminal penalties in times of war

Olga V. Maricheva¹✉

¹Amur State University

21 Ignatievskoe highway, Blagoveshchensk 675004, Russian Federation

✉ e-mail: olia.maricheva@yandex.ru

Abstract

Relevance. Unlawful acts under martial law carry an increased public danger, destabilizing national security, exacerbating resource scarcity and having an extremely negative impact on society. This requires the criminal justice system to respond as quickly and effectively as possible, including in terms of imposing fair and proportionate penalties. In light of the current foreign policy situation, the relevance of this study is undeniable.

Purpose. The purpose of the work is to identify the positive and negative aspects of the application of digital solutions to optimize the assignment of criminal penalties under martial law on the basis of a comprehensive analysis.

Objectives: to identify specific factors and challenges affecting the process of sentencing in the context of military conflict, to study the best international experience in the use of digital technologies to improve the effectiveness of judicial determination of criminal sanctions, to analyze the prospects for the use of innovative tools in the imposition of criminal sanctions, taking into account the peculiarities of martial law, to identify the key advantages and limitations of the use of digital technologies in the judicial system to improve the objectivity, speed, and efficiency of the judicial process.

Methodology. The work is built on the basis of dialectical general scientific approach, which provided the integrity of the study and substantiation of cause-and-effect relationships. We used general scientific methods - analysis and synthesis, generalization, special legal method - comparative-legal method.

Results. Under martial law, the use of digital technologies can increase the objectivity, speed and transparency of sentencing. However, there are risks of errors and system failures, the need for costly investments, problems with information security and citizens' distrust of «soulless» machine solutions.

Conclusion. The study identifies both the potential benefits and risks of digital solutions for optimizing criminal sentencing under martial law. In order to improve the effectiveness and reliability of digital solutions, risks related to cybersecurity, personal data protection and resilience to disruptions under emergency conditions need to be carefully assessed. At the same time, it is important to continuously improve and adapt technologies, ensuring their flexibility to dynamically changing wartime realities.

Keywords: sentencing; martial law; hostilities; digitalization of judicial proceedings.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Maricheva O.V. Digital solutions for optimizing the sentencing of criminal penalties in times of war. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):115–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-115-129>

Received 17.08.2024

Accepted 20.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Общественная опасность преступлений существенно возрастает при их совершении в условиях военного положения, т. к. такие преступления дестабилизируют национальную безопасность, усугубляют дефицит ресурсов, а также оказывают крайне негативное влияние на

морально-психологическое состояние общества. В этот период от системы уголовной юстиции требуется максимально оперативное и эффективное реагирование, в том числе в части назначения справедливых и соразмерных наказаний. Разрушение инфраструктуры, ограничение мобильности, перегрузка учреждений исполнения наказаний и другие факторы

снижают эффективность обычных мер уголовного правосудия. Поэтому особую актуальность в условиях военного положения приобретает оптимизация процессов назначения уголовных наказаний, а также выбор среди них наиболее эффективных с учетом приоритетов государственной политики. Ключевую роль в повышении скорости, точности и обоснованности судебных решений, а также их целесообразности способны сыграть цифровые технологии, которые в настоящее время переживают период бурного развития. Вместе с тем использование цифровых технологий при определении и исполнении уголовного наказания, по мнению ученых, еще недостаточно развито, что усугубляется консервативностью современной законодательной деятельности, а также профессиональной деформацией правоприменителей, привыкших решать проблему уважения к закону исключительно ужесточением санкций [1, с. 42]. В настоящей статье предлагается рассмотреть перспективы более широкого внедрения цифровых инструментов в систему уголовного правосудия в условиях угрозы национальной безопасности. Своевременное и активное использование цифровых технологий в сфере уголовного правосудия может способствовать повышению его эффективности и противодействию вызовам военного времени.

Методология

Исследование построено на использовании диалектического общенаучного подхода, который обеспечил его целостность и системность, а также позволил выявить и обосновать причинно-следственные связи между внедрением цифровых технологий в судебную систему и повышением эффективности, объективности и справедливости уголовного правосудия в условиях военного положения за счет автоматизации рутинных процессов при назначении наказаний, что сни-

жает влияние человеческого фактора и обеспечивает единобразие судебной практики.

Для выявления специфических факторов и вызовов, влияющих на процесс назначения наказаний в условиях военного конфликта, применялись методы анализа и синтеза нормативно-правовых актов и научной литературы.

Изучение передового международного опыта применения цифровых технологий для повышения эффективности судебного определения мер уголовного воздействия осуществлялось с использованием сравнительно-правового метода, который позволил провести сопоставительный анализ зарубежных моделей и практик внедрения инновационных инструментов в систему уголовного правосудия.

При анализе перспектив применения инновационных инструментов в назначении уголовных наказаний с учетом особенностей военного положения использовался метод обобщения, что дало возможность выявить общие закономерности и тенденции, которые могут быть характерны для применения инновационных подходов к назначению наказаний в условиях военного конфликта.

Комплексное применение указанных методологических подходов и инструментов обеспечило всестороннее изучение вопроса, формулирование аргументированных выводов и разработку научно обоснованных рекомендаций.

Результаты и их обсуждение

Выявление специфических факторов, влияющих на назначение наказаний в условиях военного конфликта

Военные действия, как правило, сопровождаются изменением структуры и характера преступности, которые выражаются в росте посягательств на государственный строй, общественную безопасность, военное имущество и т. д. Исследование, проведенное Т. В. Молчановой

и Е. И. Тараниной, показало, что начиная с февраля 2022 г. наибольший прирост наблюдается по преступлениям, характер которых «связан исключительно с проведением специальной военной операции» и риск совершения которых обусловлен вооруженным конфликтом, например, террористический акт, ложное сообщение о нем, шпионаж [2, с. 143]. В целях противодействия такой ситуации в период с начала специальной военной операции криминализирован ряд деяний, в частности распространение дискредитирующей информации о российских Вооруженных силах и их использовании, призывы к наложению иностранными субъектами санкций на российских граждан и организации, призывы к подрыву безопасности государства и т. д. Уголовный закон пополнился новыми составами преступлений, характерными для военного времени (мародерство, добровольная сдача в плен и т. д.).

В период военных действий необходимо обеспечить информационную безопасность и консолидацию общества. Здесь стоит вспомнить работу Бобби Чесни и Даниэль Ситрон «Дипфейки: надвигающаяся угроза неприосновенности частной жизни, демократии и национальной безопасности» [3], где анализируются серьезные риски, связанные с развитием технологий «глубокой подделки». Авторы отмечают, что возможность создавать поддельные аудио- и видеозаписи с участием реальных людей значительно расширилась, при этом методы машинного обучения повышают сложность таких технологий, делая их все более реалистичными и устойчивыми к обнаружению.

Чесни и Ситрон предупреждают, что в условиях «распада истины» в информационном пространстве, когда люди уже страдают от распространения ложной информации, появление дипфейков многократно усугубит эту ситуацию. Частные лица и организации столкнутся с новыми формами эксплуатации, запугива-

ния и саботажа с помощью таких технологий, а риски для демократии становятся весьма серьезными.

В этом контексте введение вскоре после начала специальной военной операции в российский уголовный закон ответственности за действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ, можно рассматривать как превентивную меру,званную противодействовать использованию дипфейков в информационной войне. Повысить эффективность выявления и пресечения подобных противоправных действий, обеспечив при этом объективность и прозрачность в вынесении приговоров, может применение цифровых технологий, таких как системы автоматического выявления и идентификации дипфейков; платформы верификации медиаконтента; инструменты семантического и лингвистического анализа для выявления признаков манипулятивного или деструктивного контента в текстовых сообщениях, комментариях, публикациях; системы мониторинга и анализа социальных медиа. Комплексное использование этих цифровых технологий в правоохранительной деятельности позволит повысить эффективность выявления и доказывания преступлений, связанных с дискредитацией Вооруженных сил, обеспечив объективность и прозрачность судебных решений.

Тесно связан с ростом преступности еще один немаловажный фактор, влияющий на процесс назначения наказаний в период военного конфликта, – необходимость оперативного реагирования. Увеличение количества дел повышает рабочую нагрузку на судей, при этом промедление с назначением наказаний может иметь серьезные негативные последствия, например, дальнейший рост криминальной активности, подрыв доверия к правоохранительной системе и т. д. В контексте рассматриваемой темы интересным представляется предложение А. В. Чайкиной по использованию в це-

лях распределения дел с учетом нагрузки судей блокчейн-технологий [4].

В условиях военного положения возможно значительное усложнение доказательственной базы по уголовным делам, обусловленное нарушением инфраструктуры, логистическими проблемами, угрозой безопасности участников процесса. Здесь на помощь могут прийти технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), в развитии которых в ближайшие годы прогнозируется серьезный технологический прорыв [5]. И. И. Черных указывает, что VR/AR-технологии способны открыть новые возможности для формирования доказательственной базы, что особенно важно в условиях военного положения. Во-первых, данные технологии могут выйти за рамки просто средств доказывания и стать инструментом для воссоздания прошедших событий, что позволит суду получить более полное и достоверное представление об обстоятельствах дела. Во-вторых, использование VR/AR может существенно сократить затраты и ускорить процесс сбора доказательств, заменив необходимость физического осмотра объектов на месте событий. В-третьих, технологии VR/AR могут быть применены для имитации и моделирования различных сценариев, в том числе прогнозирования последствий поведения или стихийных явлений. Это особенно актуально при принятии судебных решений об обеспечительных мерах или немедленном исполнении судебных актов в условиях военного конфликта. Таким образом, VR/AR-технологии способны вывести деятельность суда по установлению обстоятельств дела на качественно новый уровень, что немаловажно в условиях военного положения, когда стандартные процедуры могут быть затруднены.

Не стоит отказываться и от более очевидных цифровых средств доказывания, в частности, от видеофиксации с применением технологии профайлинга (анализа поведенческих паттернов).

Применение таких цифровых инструментов доказывания активно обсуждается учеными и специалистами в этой области [6, с. 176]. Они могут повысить объективность и доказательность при рассмотрении дел, несмотря на некоторые вызываемые ими опасения, такие как риски ошибок и нарушения конфиденциальности.

М. В. Самсонова отмечает, что в условиях виртуализации правовой реальности традиционные подходы к оценке доказательств требуют переосмыслиния. Доказательства, сформированные и верифицированные посредством сертифицированных информационных систем, в том числе на базе технологии блокчейн, могут рассматриваться как достоверные, не требующие дополнительной проверки или привлечения специальных технических знаний судьи. Более того, возможно введение формализованных шкал оценки электронных доказательств, основанных на математических расчетах, что позволит сторонам предварительно оценить свои позиции, а судье – ориентироваться в совокупности представленных доказательств [7].

Данный подход к автоматизации получения сведений об обстоятельствах дела из независимых информационных систем представляется особенно актуальным и эффективным в условиях военного положения, когда традиционные возможности сбора и верификации доказательств могут быть ограничены. Внедрение принципиально новых процессуальных правил судебного доказывания на основе информационных технологий позволит судам эффективно управлять киберпространством и осуществлять правосудие в условиях виртуальной реальности, в том числе в период военного конфликта.

Наконец, нельзя не отметить и такой значимый в условиях военного положения фактор, как дефицит материальных, финансовых и кадровых ресурсов, характерный для периодов военных конфликт-

тов. Данное обстоятельство стоит рассматривать через призму назначения наказаний, поскольку в условиях ограниченности ресурсов особую важность приобретает, с одной стороны, необходимость использования уголовно-правовых мер для восполнения этого дефицита и, с другой – сохранения эффективности противодействия преступности.

Таким образом, выявление и глубокое научное осмысление указанных специфических факторов и вызовов представляется ключевым для разработки эффективных цифровых решений, способных оптимизировать процесс назначения уголовных наказаний в условиях военного положения.

Международный опыт применения цифровых технологий для повышения эффективности судебного определения мер уголовного воздействия

Для решения текущих проблем и во избежание возможных сложностей, связанных со всеобщей цифровизацией, многими государствами разрабатываются стратегические документы: «Индустратия 4.0» в Германии, «Интернет+» в Китае, «Индустриальный интернет-консорциум» в США, «Общество 5.0» в Японии и т. д., где предусмотрено создание условий, необходимых для успешного внедрения и применения инновационных технологий [8, с. 78]. Мировой тенденцией стало активное внедрение информационных технологий в судебную систему [9, с. 33]. Ключевыми направлениями этого процесса является повышение доступности и прозрачности правосудия, а также автоматизация взаимодействия между участниками судебных процедур. Применение современных ИТ-решений позволяет оптимизировать судебные процессы, ускорить рассмотрение дел и в целом повысить качество и эффективность работы судебной системы.

Так, широкое распространение за рубежом получает удаленное проведение судебных заседаний. М. В. Самсонова и И. И. Черных отмечают, что развитие

информационных технологий, не ограниченных государственными границами, оказывает значительное влияние на трансформацию судебных систем по всему миру в XXI в. Несмотря на различия в источниках права, процессуальных традициях, векторы развития судопроизводства в разных странах становятся во многом схожими [10]. Ключевые тенденции, характерные для большинства правопорядков, включают: повышенное внимание к поддержанию доверия общества к правосудию, стремление к оптимизации судебных процессов за счет внедрения информационных технологий, организацию дистанционного взаимодействия сторон с судом, ускорение судопроизводства, упрощение доступа к судебной защите.

Особенно ярко необходимость применения цифровых технологий в судебной сфере проявилась в условиях пандемии 2020–2021 гг. Многие высшие судебные органы рекомендовали судам продолжать работу с использованием дистанционных технологий взаимодействия. При этом применялись как внутренние информационные платформы судов, так и частные системы.

Таким образом, наблюдается общемировая тенденция к технологической трансформации судебных систем, вызванная развитием информационных технологий и усиленная чрезвычайными обстоятельствами, с целью повышения эффективности и доступности правосудия.

Во многих зарубежных странах (США, Италии, Испании, Франции, Германии и др.) в последние годы растет уровень формализации правил назначения уголовного наказания [11, с. 15]. В зарубежной практике немало примеров успешного использования автоматизированных систем поддержки принятия судебных решений. Так, П. В. Бахметьев в своем исследовании приводит пример использования системы VALCRI в Великобритании, при помощи которой проводится анализ фото с места преступления,

допросов, выявляются «неочевидные связи и факты» и выстраиваются версии [12, с. 679]. Анализ судебных документов с помощью искусственного интеллекта (ИИ) проводится в Сингапуре, Китае, Франции [13, с. 144]. Более того, эта система самостоятельно определяет и регулирует маршрут движения документов внутри судебной инстанции. В Сингапуре, который является одним из лидеров в сфере цифровизации, внедрена система электронного делопроизводства Electronic Filing System, автоматизированно осуществляющая проверку гражданских процессуальных документов на соответствие законодательным требованиям без участия человека [14, с. 138]. В Китае используют «робосудью» для автоматизированного разрешения споров: заявитель излагает обстоятельства дела и желаемый результат, а «робосудья» выдает обязательное для исполнения решение [15, с. 119].

США также используют ИИ для принятия досудебных решений: ИИ генерирует определения о мерах пресечения до судебного разбирательства, включая содержание под стражей или освобождение под залог. В некоторых случаях системы ИИ даже выносят решения о сроках тюремного заключения для правонарушителей [9, с. 34]. ИИ помогает судьям в США спрогнозировать риск рецидива [13, с. 148].

Опыт Республики Армения показывает использование автоматизированной системы вынесения судебных приказов на основе типовых форм заявлений, а также проведение тестирования семантической паутины для рассмотрения гражданских дел. В Бельгии с 2005 г. действует система Phenix, дающая возможность участникам судебного процесса удаленно предоставлять документы и изучать материалы дел. Цифровые решения внедряются в правосудие Эстонии, где, в частности, проводятся эксперименты по созданию робота-судьи [13, с. 144]. Аналогичный эксперимент успешно прове-

ден в Аргентине, где все судебные решения, смоделированные программой, совпадали с решениями судей [13, с. 144]. Такие системы, основанные на использовании больших данных и алгоритмов машинного обучения, позволяют комплексно оценивать совокупность факторов, влияющих на меру наказания, и формировать обоснованные рекомендации для судей.

Приведенный международный опыт указывает на перспективность цифровизации судебных процедур – автоматизированного расчета и определения видов и размеров уголовных наказаний. Использование специализированных алгоритмов, учитывающих широкий спектр факторов, включая особенности военного времени, может обеспечить повышение последовательности и обоснованности выносимых судебных решений.

Внедрение систем электронного судопроизводства, видеоконференций и онлайн-коммуникаций между участниками процесса позволяет значительно сократить сроки рассмотрения уголовных дел. Это, в свою очередь, способствует более оперативному назначению наказаний, что крайне важно в условиях военного положения.

Обращение к зарубежному опыту в сфере электронного правосудия не направлено на слепое копирование передовых практик других стран. Скорее, это позволяет лучше осознать и объективно оценить собственные достижения и недостатки в данной области [16, с. 125]. Такой подход дает возможность проанализировать, насколько внедрение электронного правосудия соответствует конституционным принципам организации и осуществления правосудия, а также конституционным правам граждан, таким как доступ к суду и судебной защите, доступ к информации и неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, изучение зарубежного опыта применения инновационных инструментов в системе уголовного пра-

восудия служит ценным инструментом для совершенствования национальной системы электронного правосудия с учетом специфики военного времени.

Перспективы применения инновационных инструментов в назначении уголовных наказаний с учетом особенностей военного положения

Применение цифровых технологий в сфере защиты права требует создания соответствующей цифровой инфраструктуры. Это касается как самой системы правовой защиты, так и тех, кто нуждается в ней [17]. Только при наличии необходимой цифровой базы возможно эффективное использование современных технологических решений для реализации и охраны правовых интересов граждан.

М. В. Самсонова указывает на значительный потенциал модернизации судебной деятельности с помощью информационных технологий [7]. Ключевыми векторами данной трансформации выступают: переход на качественно новый уровень принятия судебных решений за счет внедрения инновационных методов сбора, обработки, передачи и распространения информации; совершенствование управления потребностями и ресурсами судебной системы с использованием ИТ-решений; повышение доступности и подконтрольности деятельности судебных органов для граждан и общества. Таким образом, информационные технологии обладают существенным потенциалом для кардинальной трансформации направления правосудия, выводя его на качественно новый уровень функционирования, что позволит повысить обоснованность, оперативность и прозрачность судебных процессов, а также сделать правосудие более доступным для населения.

Е. Г. Стрельцова и А. В. Чайкина выделяют два ключевых направления применения информационных технологий в сфере правосудия. Технологии, которые выступают в качестве вспомогательных инструментов для суда и других

участников процесса, первоначально разрабатывались и использовались в других областях, а затем адаптировались для нужд судопроизводства. Технологии, которые могут частично или полностью заменить суд, и традиционные судебные процедуры направлены на трансформацию самой системы правосудия. Важно отметить, что применение информационных технологий первого направления, ориентированных на повышение эффективности и доступности судебных процессов, относительно запаздывает по сравнению с их широким использованием в других сферах общественной жизни. Это свидетельствует о некоторой консервативности судебной системы в вопросах внедрения новых технологических решений, в то время как потребность в их адаптации к нуждам правосудия возрастает [18]. Таким образом, необходимо более активно и комплексно внедрять информационные технологии в судебную систему, как вспомогательных инструментов, так и инновационных решений, способных частично или полностью заменить традиционные судебные процедуры.

Существует точка зрения, согласно которой следует стремиться к полной цифровизации судебного процесса на всех его стадиях [9, с. 35]. По мнению ученых, в современных условиях сложились необходимые предпосылки для внедрения цифровых инструментов определения меры наказания [19, с. 35]. В последние годы в научной среде значительный интерес вызывает созданная профессором Х. Д. Аликперовым новаторская разработка для назначения наказания «Электронные весы правосудия», имеющая качественные отличия от «формальных правил назначения наказания, существующих в теории уголовного права и законодательстве зарубежных стран» [11, с. 15]. В обоснование целесообразности ее использования судьями автор приводит множество убедительных аргументов, среди которых наиболее

важными представляются: исключение субъективизма, коррупции и судебных ошибок, экономическая выгода (за счет снижения числа наказаний в виде лишения свободы), своевременная актуализация системы с учетом изменений законодательства, адаптация под законодательство любого государства. Система позволяет учитывать все особенности индивидуализации наказания [20, с. 61], к которым принято относить и отягчающие обстоятельства, в частности, совершение преступления в экстраординарных условиях, например, во время военного положения. Кроме того, опытная эксплуатация предлагаемой электронной системы назначения наказаний на материалах более ста вступивших в силу обвинительных приговоров подтвердила ее способность определять справедливую меру наказания с точностью 96–98% [11, с. 14]. Такие характеристики говорят в пользу применения «Электронных весов правосудия» в условиях военного положения, когда возникает необходимость ускоренного и более оперативного рассмотрения судебных дел, обеспечить которое способна автоматизация данного процесса.

Вместе с тем научное сообщество, признавая своевременность появления данной системы и смелость ее автора, весьма сдержанно высказывается о возможности ее практического применения. Так, наблюдается озабоченность относительно возможной утраты судьями навыков глубокого анализа и ослабления их памяти в результате делегирования аналитической работы электронной системе [19, с. 36]. Подобные опасения связаны с возможным понижением авторитета судьи и снижением качества отправления правосудия при чрезмерной зависимости от технологических решений [21, с. 14].

Серьезную обеспокоенность вызывают риски, связанные с возможностью хакерских атак на систему, а также опасность ее неверного программирования [19, с. 37], в том числе преднамеренного

[21, с. 14], что может привести к вынесению несправедливых приговоров. Преломляя данный фактор на условия военного положения, полагаем, что специфика военного времени может накладывать определенные ограничения и ставить дополнительные требования к эффективности и надежности такой системы. Повышенная уязвимость информационных систем, возможные сбои в работе и кибератаки в военное время усложняют задачу обеспечения полной объективности и беспристрастности приговоров, выносимых на основе данной технологии.

Автор «Электронных весов правосудия» к достоинствам своего «детища» относит экономию уголовной репрессии, либерализацию и гуманизацию наказания [20, с. 62]. Н. А. Крайнова, напротив, полагает, что человечность и гуманность не свойственны информационным системам [19, с. 36]. Этой же позиции придерживается Н. В. Кравчук, отмечая, что решения, выносимые машиной, могут быть беспристрастными, но при этом будут лишены той человечности, которая присуща решениям, принимаемым человеком. Таким образом, подобные решения автоматизированной системы вряд ли окажутся лучше, чем те, что выносят судьи [15, с. 121]. В свою очередь, заметим, что исторический опыт показывает ужесточение наказаний во время военного положения. Действующий уголовный закон также относит военное положение к отягчающим наказание обстоятельствам. Таким образом, «таблицы индексации» рассматриваемой системы должны предусматривать данные особенности применения более строгих мер наказания в условиях военного положения.

Важный фактор, говорящий в пользу применения электронной системы назначения наказаний в условиях военного положения, – экономия средств. Сэкономить можно на зарплате судьи [15, с. 120], на содержании осужденных в местах лишения свободы [11, с. 15].

В период военного конфликта или чрезвычайной ситуации государство вынуждено перераспределять значительные финансовые ресурсы в пользу силовых ведомств, армии и чрезвычайных мер. В этих условиях оптимизация расходов на содержание гражданских государственных структур, включая судебную систему, становится крайне важной задачей.

В этой связи внедрение комплексной системы цифрового судопроизводства в период военного положения способно обеспечить ощутимую экономию средств.

Значительные финансовые средства позволяют отказаться от бумажного документооборота, автоматизировать рутинные процессы и более рационально использовать ресурсы судов. Сэкономленные ресурсы могут быть перенаправлены на нужды обороны, поддержку пострадавшего населения, ликвидацию последствий боевых действий и другие неотложные нужды. Таким образом, цифровизация судопроизводства в военное время становится не только фактором повышения эффективности правосудия, но и важным инструментом высвобождения финансовых резервов для решения первоочередных задач национальной безопасности.

Таким образом, в условиях ограниченных возможностей государственного бюджета экономия на содержании гражданских ведомств за счет их цифровой трансформации приобретает особую актуальность и значение для обеспечения обороноспособности страны.

Идея автоматизированного назначения наказаний порождает как скептические, так и оптимистичные оценки ученых. Так, Н. А. Крайнова высказывает «умеренный оптимизм» в отношении постепенной полной замены человека электронной системой [19, с. 35]. Ю. В. Голик утверждает, что появление «Электронных весов правосудия» является естественным результатом всеобъемлющей цифровизации, в результате которой «к старой жизни возврата не будет» [22,

с. 23]. По его мнению, работа судей с помощью такой системы будет значительно облегчена, хотя для ее интеграции в судебный процесс необходимы определенные законодательные изменения [22, с. 24]. Л. В. Борисова предполагает, что будущее электронного правосудия заключается в создании единой, нормативно регламентированной системы, которая позволит осуществлять полноценное судопроизводство в электронном формате на всех его этапах. По ее мнению, такая система должна предусматривать использование интеллектуальных технологий, в том числе систем искусственного интеллекта [9, с. 35]. А. А. Саргсян выражает несогласие с непосредственным внедрением искусственного интеллекта в процесс назначения уголовных наказаний. По ее мнению, это может размыть ключевые правовые категории, такие как правосознание, внутреннее судебское убеждение, а также индивидуальный подход к рассмотрению каждого дела с учетом всех обстоятельств содеянного. Данный автор полагает, что стремление избежать широких рамок судебского усмотрения не должно приводить к замене человеческого решения на применение искусственного интеллекта. Вместо этого предлагается совершенствовать действующее законодательство в соответствии с основными направлениями уголовной политики государства, укрепляя принципы законности, справедливости и гуманизма. Кроме того, указывается на необходимость ограничения судебского усмотрения в некоторых вопросах, например, при освобождении от уголовной ответственности, что сейчас во многом зависит от судебского усмотрения, что негативно сказывается на поведении лица после преступления [23, с. 151].

М. В. Самсонова считает, что для эффективного внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность необходимо тесное сотрудничество юристов и технических специалистов для определения категорий дел, ко-

торые могут быть разрешены с помощью информационных технологий без участия человека-судьи, а также соблюдение ряда условий, при которых возможен переход к автономному принятию судебных решений. К таким условиям можно отнести отсутствие оценочных норм в правоотношениях, возможность алгоритмизации поведения сторон, основанность доказательств на сертифицированных информационных системах [7]. Наиболее реалистичный вариант внедрения автоматизированного принятия решений указанный автор видит в рамках приказного производства, поскольку данная процедура проста, не требует участия сторон и основана только на письменных доказательствах, которые могут быть оценены информационными технологиями.

Таким образом, ключевыми условиями эффективной цифровизации судебной деятельности являются тесная междисциплинарная кооперация и поэтапное внедрение технологических решений, начиная с наиболее «алгоритмизированных» категорий дел.

В целом среди ученых наблюдается единодушие по вопросу замены судьи электронной системой, которая расценивается ими исключительно как вспомогательное устройство, а окончательное решение остается за человеком. Полная передача полномочий цифровым устройствам допускается только по первой инстанции [24, с. 166], при этом высказываются опасения их массового пересмотра в апелляционной инстанции [15, с. 121].

В этой связи важно отметить, что Х. Д. Аликперов представляет свою разработку как инструмент помощи судье, а не замену судьи-человека [20, с. 63]. При этом неясно, как будет реализовываться заявленная им цель исключения из процесса назначения наказания субъективных и коррупционных факторов, если вердикт «весов» будет носить рекомендательный, а не обязательный характер. Возникает вопрос, насколько эффективной окажется система, лишенная реаль-

ных полномочий по определению наказания. Кроме того, сохраняются сомнения относительно способности электронной системы в полной мере учитывать индивидуальные особенности каждого конкретного случая и осуществлять гибкий, взвешенный подход к назначению справедливого наказания.

В условиях военного положения, когда возникает необходимость более оперативного и жесткого реагирования системы правосудия, эти ограничения «электронных весов правосудия» могут стать особенно заметными. Вопрос о том, насколько эффективно данная система сможет учитывать специфику военного времени и применять адекватные меры наказания, остается открытым.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что разработка и внедрение цифровых решений, оптимизирующих процесс назначения уголовных наказаний в условиях военного конфликта, представляет собой важное и актуальное направление. Это обусловлено существенными изменениями, которые претерпевает система уголовного правосудия в период военных действий, и связанными с этим вызовами, требующими адекватных ответов.

Проведенный автором анализ специфических факторов, влияющих на назначение наказаний в условиях военного положения, позволил выявить ключевые проблемные аспекты: изменение структуры и характера преступности, усложнение доказательственной базы, необходимость оперативного реагирования, трансформация ценностных приоритетов, а также дефицит ресурсов. Комплексное понимание данных особенностей выступает важным фундаментом для разработки эффективных цифровых решений.

Изучение передового международного опыта применения информационных технологий в сфере уголовного правосудия также продемонстрировало ряд

успешных практик, которые могут быть адаптированы к условиям военного конфликта. В частности, были выявлены эффективные примеры использования автоматизированных систем поддержки принятия решений, цифровизации судебных процедур, а также внедрения алгоритмов расчета и назначения наказаний.

Автоматизированные системы поддержки принятия решений могут обеспечить более последовательное и обоснованное назначение наказаний на основе учета широкого перечня факторов. Цифровизация судебных процедур, в свою очередь, позволит ускорить их проведение и минимизировать влияние человеческого фактора. Разработка алгоритмов расчета наказаний также может содействовать большей последовательности и справедливости приговоров.

Вместе с тем применение цифровых решений сопряжено и с определенными

рискаами, включая возможность технических ошибок и сбоев, необходимость в существенных инвестициях, проблемы обеспечения информационной безопасности, а также недоверие граждан к «бездушным» машинным решениям. Поэтому необходимо тщательно оценивать эти аспекты и постоянно совершенствовать технологии для обеспечения их надежности и гибкости использования в условиях военного конфликта.

В целом результаты проведенного исследования могут быть полезны для законодателей, судебных и правоохранительных органов при разработке и внедрении цифровых решений в систему уголовного правосудия в условиях военного положения. Дальнейшее развитие данного направления представляется крайне актуальным и перспективным.

Список литературы

1. Серебренникова А. В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 1. С. 40–45. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2021.29\(1-4\)](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2021.29(1-4))
2. Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Преступность в условиях специальной военной операции // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 139–147. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-3-139-147>
3. Chesney B., Citron D. Deep fakes: A looming challenge for privacy, democracy, and national security // California Law Review. 2019. Vol. 107. P. 1753. <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J>
4. Чайкина А. В. Использование информационных технологий при проверке судебных постановлений в вышестоящих инстанциях // Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 281–296.
5. Черных И. И. Влияние информационных технологий на доказывание в гражданском судопроизводстве // Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 161–214.
6. Грибунов О. П. Применение технологии «видеорозыск» в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений террористического характера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3(86). С. 173–177. EDN SAAGPF
7. Самсонова М. В. Электронный суд: от идеи к реализации // Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 231–280.
8. Русскевич Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации // Государство и право. 2020. № 7. С. 77–84. <https://doi.org/10.31857/S102694520010658-4>

9. Борисова Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2(08). С. 32–35. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2020.08.2.032-035>
10. Самсонова М. В., Черных И. И. Удаленное участие в заседаниях суда по гражданским делам: первые итоги и перспективы // Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 129–160.
11. Аликперов Х. Д. Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4(51). С. 13–22.
12. Бахметьев П. В. О преступлениях, совершаемых с использованием нейронных сетей: отечественный и зарубежный опыт // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В. П. Коняхина : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2024. С. 678–683.
13. Казакова Т. А. Использование технологий искусственного интеллекта в области правосудия // Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг / под ред. Е. В. Фомина. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2023. С. 143–151. <https://doi.org/10.31483/r-107662>
14. Бурцева Е. В. Цифровые технологии в юриспруденции // Экономика и право: проблемы, стратегия, мониторинг / под ред. Е. В. Фомина. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2023. С. 131–142. <https://doi.org/10.31483/r-107662>
15. Кравчук Н. В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 115–122. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.12>
16. Гриценко Е. В., Ялунер Ю. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 97–129. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-3-97-129>
17. Стрельцова Е. Г., Чайкина А. В. Основные направления применения цифровых технологий // Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 1–26.
18. Стрельцова Е. Г., Чайкина А. В. Концептуальные основы использования цифровых технологий в сфере правосудия и АРС // Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 215–230.
19. Крайнова Н. А. «Электронные весы правосудия»: цифровизация процессов или оцифровка задач? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1(52). С. 35–38.
20. Аликперов Х. Д. Электронная технология определения оптимальной меры наказания («Электронные весы правосудия») // Российский судья. 2020. № 4. С. 59–64. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-4-59-64>
21. Шестаков Д. А. «Электронные весы правосудия» в свете общей преступностиведческой теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1(52). С. 13–15.
22. Голик Ю. В. Поиски меры // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1(52). С. 23–25.
23. Саргсян А. А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2(58). С. 146–152. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.003>
24. Заплатина Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4(56). С. 160–168. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.160-168>

References

1. Serebrennikova A.V. Digitalization of the execution of punishment: state and prospects. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment.* 2021;29(1):40-45. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2021.29\(1-4\)](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2021.29(1-4))
2. Molchanova T.V., Taranina E.I. Crime in the context of a special military operation. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological Journal.* 2023;3:139–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-3-139-147>
3. Chesney B., Citron D. Deep fakes: A looming challenge for privacy, democracy, and national security. *California Law Review.* 2019;107:1753. <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J>
4. Chaikina A.V. The use of information technologies in the verification of court decisions in higher instances. In: Strel'tsova E. G. (ed.) *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects.* Moscow: Infotropik Media; 2022. P. 281–296. (In Russ.)
5. Chernykh I.I. The influence of information technologies on evidence in civil proceedings. In: E. G. Strel'tsova (ed.) *Digital technologies in civil and administrative litigation: practice, analytics, prospects.* Moscow: Infotropik Media; 2022. P. 161–214. (In Russ.)
6. Gribunov O.P. Application of “video search” technology in the detection, investigation and prevention of terrorist crimes. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2018;3(86):173–177. (In Russ.) EDN SAAGPF
7. Samsonova M.V. Electronic court: from idea to implementation. In: Strel'tsova E. G. (ed.) *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects.* Moscow: Infotropik Media; 2022. P. 231–280. (In Russ.)
8. Russkevich E.A. Criminal punishment and digital technologies: a bifurcation point. *Gosudarstvo i pravo = State and Law.* 2020;(7):77–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S102694520010658-4>
9. Borisova L.V. On the main directions of the formation and development of e-justice in modern Russia. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy.* 2020;(2):32–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2020.08.2.032-035>
10. Samsonova M.V., Chernykh I.I. Remote participation in court hearings on civil cases: first results and prospects. In: Strel'tsova E. G. (ed.) *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects.* Moscow: Infotropik Media; 2022. P. 129–160. (In Russ.)
11. Alikperov Kh.D. Electronic system for determining the optimal punishment measure (problem statement). *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow.* 2018;4(51):13–22. (In Russ.)
12. Bakhmet'ev P.V. On crimes committed using neural networks: domestic and foreign experience. In: *Institutsiional'nye osnovy ugolovnogo prava RF: k 70-letnemu yubileyu professora V.P. Konyakhina: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: to the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference.* Krasnodar: Kuban. gos. un-t; 2024. P. 678–683. (In Russ.)
13. Kazakova T.A. The use of artificial intelligence technologies in the field of justice. In: Fomin E. V. (ed.) *Economy and Law: Problems, Strategy, Monitoring.* Cheboksary: Izd. dom “Sreda”; 2023. P. 143–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/r-107662>
14. Burtseva E.V. Digital Technologies in Jurisprudence. In: Fomin E.V. (ed.) *Economy and Law: Problems, Strategy, Monitoring.* Cheboksary: Izd. dom “Sreda”; 2023. P. 131–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/r-107662>
15. Kravchuk N.V. Artificial intelligence as a judge: prospects and concerns. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*

= *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law.* 2021;(1):115–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.12>

16. Gritsenko E.V., Yalumer Y.A. The right to judicial protection and access to the court in the context of informatization and digitalization: the significance of the experience of common law countries for Russia. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review.* 2020;3(136):97–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-3-97-129>

17. Strel'tsova E.G., Chaikina A.V. Main directions of application of digital technologies. In: Strel'tsova E. G. (ed.) *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects.* Moscow: Infotropik Media; 2022. P. 1–26. (In Russ.)

18. Strel'tsova E.G., Chaikina A.V. Conceptual foundations of the use of digital technologies in the field of justice and ADR. In: Strel'tsova E. G. (ed.) *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects.* Moscow: Infotropik Media; 2022. P. 215–230. (In Russ.)

19. Krajnova N. A. "Electronic scales of justice": digitalization of processes or digitization of tasks? *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow.* 2019;(1):35–38. (In Russ.)

20. Alikperov Kh.D. Electronic technology for determining the optimal measure of punishment ("Electronic scales of justice"). *Rossiiskii sud'ia = The Russian Judge.* 2020;(4):59–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-4-59-64>

21. Shestakov D.A. "Electronic scales of justice" in the light of the general criminality of the theoretical theory. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow.* 2019;(1):13–15. (In Russ.)

22. Golik Y.V. The search for a measure. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow.* 2019;(1):23–25. (In Russ.)

23. Sargsyan A.A. Prospects for the digitalization of the appointment and execution of criminal punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science.* 2022;16(2):146–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.003>

24. Zaplatina T.S. Artificial intelligence in the issue of making judicial decisions, or AI-judge. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUa) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2019;(4):160–168. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.160-168>

Информация об авторе / Information about the Author

Маричева Ольга Викторовна, аспирант юридического факультета, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация,
e-mail: olia.maricheva@yandex.ru,
ORCID: 0009-0001-9651-5345,
ResearcherID rid85535,
SPIN-код: 9546-8200,
AuthorID: 1184160

Olga V. Maricheva, Post-Graduate Student of the Faculty of Law, Amur State University, Blagoveschensk, Russian Federation,
e-mail: olia.maricheva@yandex.ru,
ORCID: 0009-0001-9651-5345,
ResearcherID rid85535,
SPIN-код: 9546-8200,
AuthorID: 1184160

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-130-142>**О совершенствовании регулирования процессуального порядка и пределов изменения обвинения судом****А. С. Карпов¹**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: auditkarpoff@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена анализу проблем правоприменения в сфере изменения обвинения судом первой инстанции. В данной работе рассмотрены следующие вопросы: возможность изменения обвинения при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; предоставление суду полномочий по инициации изменения обвинения; установление обязанности государственного обвинителя по изменению обвинения; изменение обвинение судом при переквалификации на преступления частного обвинения; пределы изменения обвинения судом; изменение обвинения при совершении преступления в соучастии; устранение судом технической ошибки в обвинении. Изучены предложения, выработанные уголовно-процессуальной наукой в данной сфере. Даны оценка возможности имплементации положений, предусмотренных законодательством ряда зарубежных стран (Литвы, Норвегии, Канады, Бразилии), регулирующих порядок и пределы изменения обвинения судом

Целью исследования является анализ проблем, возникающих при изменении обвинения судом первой инстанции, и формулирование их решений.

Задачи исследования: изучение возможных способов совершенствования регулирования изменения обвинения судом; анализ законодательства зарубежных стран (Литвы, Норвегии, Канады, Бразилии, Мальты, Азербайджана) и судебной практики ЕСПЧ в данной сфере; разработка решений проблемных вопросов изменения обвинения судом.

Методология. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и исторический методы юридической науки, а также анализ и синтез.

Результаты исследования заключаются в выработке теоретических предложений и практических рекомендаций по совершенствованию изменения обвинения судом.

Выход. В результате исследования сформулированы следующие основные выводы: необходимо установить полномочие суда по изменению обвинения при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 75, 76, 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации; предоставление суду права на постановку на обсуждение вопроса об изменении обвинения нарушает принципы беспристрастности суда и состязательности уголовного процесса; пределы изменения обвинения судом нуждаются в уточнении.

Ключевые слова: изменение обвинения; суд; процессуальный порядок, пределы; обвинение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Карпов А. С. О совершенствовании регулирования процессуального порядка и пределов изменения обвинения судом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 130–142. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-130-142>

Поступила в редакцию 29.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

About improving regulation of the procedural order and the limits of changing the charges by the court

Alexey S. Karpov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: auditkarpoff@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the analysis of the problems of law enforcement in the field of changing the charge by the court of first instance. The article examines a number of issues: the possibility of changing the charge if a criminal case is terminated on non-rehabilitating grounds; granting the court a power to initiate a change in the charge; establishing the obligation of the public prosecutor to change the charge; changing the charge by the court if crime is reclassifying as a private prosecution crime; the limits of changing the charge by the court; changing the charge if a crime is committed in complicity; eliminating a technical error in the charge by the court. The proposals by the criminal procedure scientists are studied. Assessment of the possibility of implementing the provisions provided for by the legislation of a number of foreign countries (Lithuania, Norway, Canada, Brazil) governing the procedure and limits for changing the charge by the court.

The purpose of the study is to analyze the problems that arise when the first instance court change the charges and formulate solutions.

Research objectives: study of possible ways to improve the regulation of changing charges by the court; analysis of the legislation of foreign countries (Lithuania, Norway, Canada, Brazil, Malta, Azerbaijan) and the judicial practice of the ECHR in this area; developing solutions to problematic issues of changing charges by the court.

Methodology. The methodological basis of the study was formed by comparative legal and historical methods of legal science, as well as analysis and synthesis.

The results of the study consist in the development of theoretical proposals and practical recommendations for improving the procedural order and the limits of changing charges by the court in domestic legal proceedings.

Conclusions. As a result of the study, the following main conclusions were formulated: it is necessary to establish a power of the court to change the charge if a criminal case are terminated, grounding by articles 75, 76, 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; granting to the court a right to raise the issue of changing the charge are violating the principles of impartiality of the court and the adversarial nature of the criminal process; the limits of the change of charge by the court need to be clarified.

Keywords: change of charge; court; procedural order, limits; accusation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Karpov A.S. About improving regulation of the procedural order and the limits of changing the charges by the court. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):130–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-130-142>

Received 29.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Отечественным законодательством на протяжении всего существования института изменения обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции традиционно предусматривалась возможность изменения обвинения судом в приговоре. Правовая регламен-

тация изменения обвинения при этом неизменно порождала неопределенность относительно его пределов. Современное регулирование в этой части является результатом постепенной эволюции, производимой с учетом анализа судебной практики и научных положений. С одной стороны, действующее законодательство,

в отличие от Устава уголовного судопроизводства 1864 года, Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922 года и 1923 годов, предусматривает предел в виде существенности изменения обвинения. С другой стороны, развитие остановилось на уровне УПК РСФСР 1960 года и разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (п. 9)¹. Полагаем, что действующее регулирование изменения порядка и пределов изменения обвинения судом нуждается в совершенствовании. Так, исследователями выявлен правовой пробел при переквалификации судом преступлений, предусмотренных разными пунктами одной части по делам о квалифицированных убийствах [1, с. 33–35], отмечается неоднозначная судебная практика относительно возможности переквалификации уголовных дел с мошенничества на присвоение (растрату) и наоборот [2, с. 22–31], обсуждаются противоречия между разъяснениями Верховного Суда РФ о допустимости изменения квалификации в суде с получения взятки на мошенничество [3, с. 82–83], анализируются факты переквалификации в суде с неоконченного преступления на оконченное [4, с. 61–76]. По результатам проведенных исследований учеными формулируются предложения по совершенствованию пределов судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ) [5, с. 54], а также обращается внимание на необходимость обеспечения баланса между состязательностью и решающей ролью суда [6, с. 136]. Полностью поддерживаем точку зрения, что неурегулированность пределов судебного разбирательства оставляет простор для судебного усмотрения [7, с. 128], а нарушение права на

защиту связано как с материальными, так и процессуальными основаниями [8, с. 77], при этом материальные и процессуальные аспекты взаимосвязаны между собой [9, с. 54].

Методология

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и исторический методы юридической науки, а также анализ и синтез. С учетом сравнительно-правового анализа законодательства ряда государств (Литвы, Норвегии, Канады, Бразилии, Мальты, Азербайджана) дана оценка возможности имплементации зарубежных подходов к регулированию пределов и процессуального порядка изменения обвинения судом. С применением исторического метода, анализа и синтеза разработаны пути совершенствования процессуального порядка и пределов изменения обвинения судом.

Результаты и их обсуждение

Процессуальный порядок изменения обвинения судом согласно действующему законодательству заключается в изменении обвинения только в приговоре (п. 3 ст. 307 УПК РФ). По основаниям, предусмотренным ст. 75 УК РФ (деятельное раскаяние), 76 УК РФ (примирение с потерпевшим), 76.2 УК РФ (в связи с назначением судебного штрафа), прекращение уголовного дела при несогласии подсудимого (обвиняемого) с объемом обвинения или квалификаций невозможно. В таком случае обвинение может быть изменено только в приговоре с назначением наказания. При этом ошибочная квалификация по более тяжкому составу, исходя из категории преступлений, лишает подсудимого (обвиняемого) возможности освобождения от уголовной ответственности (например, в случае ошибочной квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ вместо п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Вместе с тем, поскольку конкретные обстоятельства дела подлежат учету при

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апр. 1996 г. № 1: [ред. от 16.04.2013] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10453/ (дата обращение: 30.07.2024).

оценке допустимости прекращения уголовного дела, несправедливо учитывать не подтвердившуюся часть обвинения или общественную опасность с учетом завышенной квалификации. В этой связи полагаем необходимым предусмотреть возможность изменения обвинения судом при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76, 76.2 УК РФ.

Другим вариантом решения проблемы неурегулированности изменения обвинения при прекращении уголовного дела могло бы стать установление в законе обязанности государственного обвинителя изменять обвинение¹, что поддерживается рядом исследователей [10, с. 95–98]. Мы не согласны с данной позицией и разделяем точку зрения о том, что государственный обвинитель не может быть вторым судьей [11, с. 325]. Считаем, что установление такой обязанности государственного обвинителя в принципе не реализуемо на практике. Невозможно разработать правовой механизм, который мог бы обязать государственного обвинителя изменить обвинение вопреки его позиции. Предоставление же такого права суду нарушит принципы беспристрастности и объективности.

Представляет интерес анализ научных разработок по совершенствованию процессуального порядка изменения обвинения судом. И. С. Федотов отмечает, что реализация инициативы суда возможна путем вынесения судом на обсуждение сторон вопроса об изменении обвинения и предоставлении сторонам времени для подготовки [12, с. 297].

Такой подход к регламентации полномочий суда по изменению обвинения находит свое отражение и в законодательстве ряда зарубежных стран. Согласно ст. 256 УПК Литовской Республики, суд в случаях, когда есть основания для

¹ Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С.9.

изменения фактических обстоятельств или квалификации, указанных в обвинительном заключении, незамедлительно уведомляет об этом участников судебного процесса. После удовлетворения ходатайства о перерыве для подготовки к защите суд назначает конкретный срок отложения². Согласно п. 38 Акта об уголовном процессе Норвегии, при наличии оснований для вынесения приговора, отличного от обвинительного заключения, должен предоставить сторонам возможность прокомментировать этот вопрос³.

Указанный подход соответствует позиции ЕСПЧ, согласно которой важным вопросом, подлежащим выяснению, является вопрос о том, обсуждались ли в ходе разбирательства элементы переквалифицированного преступления (дело «Пенев против Болгарии», 2010, § 41).

Считаем, что предоставление суду полномочия по вынесению на обсуждение сторон вопроса об изменении обвинения нарушит принцип беспристрастности суда, поскольку в данном случае суд до приговора формулирует обвинение, в том числе и квалифицирует деяние. Кроме того, это нарушит состязательность уголовного процесса: поскольку суд формулирует изменения к обвинению, предлагаемые к обсуждению, на него фактически будет возложена функция уголовного преследования.

Представляет интерес порядок изменения обвинения по УУС 1864 года. Изменение обвинения осуществлялось путем постановки окружным судом вопросов по окончании прений и разрешения

² Litetuvos Respublikos baudziamojo proceso kodedzas: [red. 25.06.2024] // Infolex: site. URL: https://www.infolex.lt/portal/start_ta.asp?act=doc&fr=pop&doc=10708&title=LR%20bau d%FEiamojo%20proceso%20kodeksas (дата обращение: 30.07.2024).

³ Lov om rettergangsmåten i straffesaker (Straffeprosessloven) // lovdata: site. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1981-05-22-25/KAPITTEL_1-5#§30 (дата обращение: 30.07.2024).

их в приговоре, а по делам с участием присяжных заседателей – в вердикте присяжных заседателей (ст. 750, 760, 801). Вопросы формулировались судом с учетом мнений сторон и основывались не только на обвинительном акте, но и судебном следствии, прениях сторон, развивающих, дополняющих или изменяющих выводы обвинительного акта (ст. 751, 762)¹. Постановка вопросов позволяла уведомить сторону защиты о возможном изменении обвинения, однако представить дополнительные доказательства и возражать против возможного обвинения защита была не вправе. Таким образом, у суда отсутствовали полномочия по исправлению допущенной при постановке вопросов ошибки, а анализ результатов судебного следствия суд для правильной постановки вопросов должен был производить не в особой комнате при вынесении приговора, а по окончании заключительных прений.

Дискуссионным вопросом является определение процессуального порядка изменения обвинения судом при переквалификации на уголовно-правовые нормы, предусматривающие частное обвинение. С. В. Романов предлагает в такой ситуации «возобновлять судебное следствие, обсуждать вопрос об изменении обвинения в судебном заседании, уточнять позицию потерпевшего, выносить постановление (определение) об изменении обвинения и лишь после этого удаляться в совещательную комнату для постановления приговора» [13, с. 75–82]. На наш взгляд, указанная проблема могла быть решена путем выяснения в ходе допроса потерпевшего его желания на привлечение подсудимого к уголовной ответственности. В таком случае у суда отсутствует необходимость по возобновлению судебного следствия и выяснению позиций сторон.

¹ Устав уголовного судопроизводства // Конституция РФ: [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 30.07.2024).

Таким образом, по результатам анализа научных предложений по совершенствованию процессуального порядка изменения обвинения установлено отсутствие оснований для предоставления суду возможности самостоятельно выносить на обсуждение вопрос о возможном изменении обвинения. Полагаем, что права подсудимого могут быть обеспечены при изменении обвинения судом в приговоре путем установления четко определенных пределов.

Законодательством (ч. 2 ст. 252 УПК РФ) с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»² (далее – Постановление) установлен запрет изменения обвинения на существенно-отличающееся и более тяжкое. На наш взгляд, регламентация указанных пределов является неполной и противоречивой, вследствие чего нуждается в совершенствовании.

Анализ регулирования запрета существенного изменения обвинения позволяет сформулировать следующие критические замечания.

Во-первых, действующее регулирование нарушает правило «о запрете круга»³, предъявляемое к строению и форме определения: «нарушение права на защиту» определяется через существенность (ч. 2 ст. 252 УПК РФ, абз. 2 п. 20 Постановления), а «существенность изменения обвинения», в свою очередь, определяется через «нарушение права на защиту» (абз. 6 п. 20 Постановления). Поскольку «нарушение права на защиту» является оценочным понятием, зависящим от судебского усмотрения, точно и однознач-

² О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 55 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ (дата обращение: 30.07.2024).

³ Логика / под ред. проф. В. И. Кириллова. Изд. 6-е, пераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 50–51.

но определить объем понятия «существенность изменения обвинения» не представляется возможным.

Во-вторых, Постановление (п. 20) нарушает правило о ясности определения. Определение существенности изменения обвинения содержит внутренние противоречия: с одной стороны, действия (бездействие) подсудимого должны вменяться ему в вину (второй абзац), а с другой стороны, существенным является не любое изменение фабулы обвинения, а только нарушающее право на защиту (шестой абзац). Такая оговорка противоречит определению Конституционного Суда РФ¹, согласно которому объем нового обвинения может составлять лишь часть прежнего.

Мы полагаем, что предел, запрещающий существенное изменение обвинения, означает вменение подсудимому (обвиняемому) в первоначальном обвинении предусмотренных диспозицией новой уголовно-правовой нормы признаков: действия, общественно-опасных последствий, способа, орудия, средства, обстановки, места и времени, потерпевшего, предмета, субъекта, мотива и цели. Исключением является изменение обвинения на привилегированные составы, например, путем изменения вины с умысла на неосторожность, установления состояния аффекта или определенной обстановки, специального субъекта.

Допустимость изменения квалификации определяется исходя из оценки полноты описания в предыдущем обвинении признаков нового преступления:

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плотникова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 сент. 2013 г. № 1487-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=A_RB&n=361319#fpMV0SU0Gp4BVnVU1 (дата обращение: 30.07.2024).

например, изменение обвинении с мошенничества на присвоение возможно, если из изложенных в первоначальном обвинении фактических обстоятельств следует, что имущество было вверено виновному (таким образом, суд не выходит за рамки фабулы обвинения).

В Постановлении (п. 20) в качестве одного из возможных примеров существенно отличающегося обвинения приведено изменение объекта посягательства. С данной позицией мы не согласны, считаем, что объект не может определять существенность изменения обвинения, поскольку изменение объекта не означает совершение иных преступных действий, не вменявшихся подсудимому. Дополнительный объект может стать основным, например, при изменении обвинения с ч. 2 ст. 318 УК РФ на ч. 2 ст. 112 УК РФ, с п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ или ч. 2 ст. 293 УК РФ на ст. 118 или 109 УК РФ (в зависимости от последствий), с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ. Возможна и замена объекта, когда преступные действия, вменяемые по новому обвинению, охватываются первоначальным (например, изменение обвинения с ч. 2 ст. 292 на ч. 1 ст. 303 УК РФ, с ч. 1 ст. 185.5 УК РФ на ч. 1 ст. 327 УК РФ, с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 3 ст. 327 УК РФ). Замена потерпевшего, на наш взгляд, возможна только в единственном случае: при неизменности объективной стороны обвинения и направленности умысла (например, когда устанавливается иной собственник похищенного имущества). Возможно изменение субъекта с общего на специальный (если признаки специального субъекта изложены в первоначальном обвинении) и со специального на общий, если новая уголовно-правовая норма не предусматривает более тяжкого наказания.

С. М. Теслов, анализируя проблему изменения обвинения в суде с получения взятки на мошенничества, видит ее решение в изменении обвинения государственным обвинителем с согласия на это

подсудимого [14, с. 87]. Мы с данной точкой зрения не согласны, считаем в этом случае возможно изменение обвинения судом, но не при согласии на это подсудимого, а если такова будет позиция стороны защиты, высказанная в судебных прениях по уголовному делу. Если новое обвинение не составляет часть старого, на наш взгляд, изменение обвинения возможно в единственном случае: при наличии соответствующей позиции у стороны защиты при тождественности обвинений. Нарушений прав подсудимого, на наш взгляд, в такой ситуации не допускается: подсудимый (обвиняемый) уведомлен о возможном изменении обвинения и желает этого, вследствие чего у суда отсутствует необходимость выяснять его согласие. Тождественность обвинений, на наш взгляд, предполагает, что один или несколько признаков состава преступления могут быть заменены, при этом новое вмененное деяние не является принципиально другим, также недопустимо расширение места и времени.

В ряде зарубежных стран допускается изменение обвинения судом путем устраниния дефектов или конкретизации их описания в обвинении. В соответствии со ст. 601 УК Канады, суд на любой стадии разбирательства должен изменить обвинительное заключение, в том числе ввиду неполноты изложения фактических обстоятельств в обвинении, при этом положения, которые должны быть указаны в предлагаемом изменении, подтверждаются доказательствами. В качестве условий (пределов) такого изменения выступает справедливость и невозможность дополнения обвинения рядом преступлений¹. Согласно п. 38 Акта об уголовном процессе Норвегии, суд не может выходить за рамки обстоятельств обвинения, но не связан более подробным описанием

времени, места и других фактов². На наш взгляд, такой подход неприменим в отечественном уголовном процессе, поскольку при дополнении обвинения в приговоре подсудимый лишен права знать, в чем он обвиняется и возражать против предъявленного обвинения.

А. О. Машовец, полагая возможным изменение в суде обвинения на существенно отличающееся, отмечает, что «в процедурном плане соблюдение права на защиту обеспечивается предоставлением сторонам времени, достаточного для подготовки к судебному разбирательству с учетом новой квалификации» [15, с. 239–240]. Вместе с тем при изменении обвинения в приговоре невозможно создать условия для подготовки подсудимого к новому обвинению, именно поэтому предел существенности изменения является таким важным и необходимым. В стадии предварительного расследования обвиняемый обладает более широкими правами по защите от изменения обвинения, чем на судебных стадиях: он вправе заявлять ходатайства о проведении следственных действий, в том числе и тех, которые судом не могут быть проведены (например, обыск, выемка), вправе обжаловать прокурору и руководителю следственного органа само постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Перейдем к анализу регулирования предела в виде запрета изменения обвинения на более тяжкое. Постановлением (п. 20) определено два случая: санкция новой уголовно-правовой нормы предусматривает более строгое наказание и увеличение объема обвинения. Полагаем, что определение, которое содержится в данном постановлении, нарушает правило о ясности ввиду отсутствия установленных критериев сравнения санкций

¹ Criminal Code. R.S.C. 1985 // Government of Canada: Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/index.html> (дата обращение: 30.07.2024).

² Lov om rettergangsmåten i straffesaker (Straffeprosessloven) // lovdata: site. URL: URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1981-05-22-25/KAPITTEL_1-5#§30 (дата обращение: 30.07.2024).

уголовно-правовых норм. Согласны с С. Д. Макаровым, что положение подсудимого будет ухудшаться при применении уголовно-правовой нормы, имеющей более высокие нижний и верхний пределы того же наказания или не предусматривающей более мягкого альтернативного наказания [16, с. 163]. Представляет интерес позиция Д. В. Сумского о том, что изменение квалификации возможно только при применении более мягкого закона [17, с. 130–131].

Относительно определения более строгого наказания при переквалификации И. И. Сюбаев абсолютно верно обращает внимание на несоответствие уголовно-правовых санкций, не позволяющих переквалифицировать ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 228 УК РФ или ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, поскольку наказание, которое могло бы быть назначено по новым уголовно-правовым нормам, является более тяжким, исходя из нижнего предела наказания [18, с. 95–99]. Данная проблема, на наш взгляд, может быть решена путем снижения нижнего предела санкции ч. 5 ст. 228.1 УК РФ в виде лишения свободы с 15 до 12 лет.

В Бразилии, например, пределы изменения обвинения судом регулируются исключительно существенностью изменения обвинения, предел в виде тяжести обвинения отсутствует. Так, согласно ст. 383 УПК Бразилии, судья, не изменяя фактических обстоятельств, содержащихся в обвинении, может дать им иную юридическую оценку, даже если в результате ему придется применить более тяжкое наказание¹.

¹ Decreto-lei № 3.689, de 3 de outubro de 1941 // Presidência da República. Casa Civil. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del3689.htm (дата обращение: 30.07.2024).

Вопросы изменения обвинения при соучастии, на наш взгляд, затрагивают как существенность, так и тяжесть обвинения.

Исследователями отмечается активность судов при изменении обвинения в соучастии [19, с. 36]. В науке принята следующая градация соучастников по убыванию общественной опасности: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник [20, с. 122–127]. На наш взгляд, при решении вопроса об изменении обвинения в соучастии должно применяться общее правило о вменении преступных действий в первоначальном обвинении. Например, невозможно переквалифицировать действия лица с исполнителя на организатора, если действия по организации или руководству исполнением преступления подсудимому (обвиняемому) в фабуле обвинения не вменялись.

Представляет интерес вопрос возможности устранения судом в приговоре технической ошибки в обвинении. Согласно ст. 598 УК Мальты, с разрешения суда допускается исправление любой ошибки в имени или других данных, относящихся к обвиняемому лицу. В соответствии со ст. 599 УК Мальты, ошибка, которая, судя по доказательствам, представленным в ходе судебного разбирательства, была допущена в обвинительном заключении в отношении обстоятельств времени, места и лица, когда, где и против кого было совершено преступление, или в отношении указания или описания предметов, на основании которых было совершено преступление, может быть определена судом к исправлению на любой стадии разбирательства. В таком случае не принимается во внимание отягчающее обстоятельство преступления, которое может возникнуть в результате такого исправления. Ошибка в ссылке на статью уголовного кодекса или любого другого закона, предписывающе-

го наказание, применение которого требуется в обвинительном заключении, может быть исправлена на любом этапе вплоть до вынесения судебного решения. На любой дефект или ошибку, упомянутые в настоящей статье, может указать Генеральный прокурор, обвиняемый, его адвокат или суд¹. Вместе с тем изученное законодательство Азербайджанской Республики не предоставляет возможности государственному обвинителю или суду устраниить техническую ошибку в обвинении. Так, например, согласно ст. 318 УПК Азербайджанской Республики, «в результате судебного разбирательства суд вправе квалифицировать деяние обвиняемого как менее тяжкое преступление, а также изъять отдельные пункты из выдвинутого против него обвинения». Государственный обвинитель вправе предложить позицию о смягчении обвинения (п. 6.9-1 ст. 84 УПК Азербайджанской Республики)².

Действующее отечественное законодательство допускает устранение технической ошибки в обвинении, однако конкретных критериев отнесения дефекта в обвинении к технической ошибке не регламентирует.

Выводы

1. Поскольку конкретные обстоятельства дела подлежат учету при оценке допустимости прекращения уголовного дела, несправедливо учитывать не подтвердившуюся часть обвинения или об-

¹ Criminal Code // Legizlazzjoni Malta: site. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/9/eng/pdf> (дата обращение: 30.07.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ : с изм. и доп. по состоянию на 29.03.2024 г.] // Юрист: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280&pos=370;-33#pos=370;-33(дата обращение: 30.07.2024).

щественную опасность с учетом завышенной квалификации. Необходимо предусмотреть возможность изменения обвинения судом при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76, 76.2 УК РФ, в том числе и при необоснованной квалификации преступления как тяжкого или особо тяжкого.

2. Установление в законе обязанности государственного обвинителя изменять обвинение в принципе нереализуемо на практике. Невозможно разработать правовой механизм, который мог бы обязать государственного обвинителя изменить обвинение вопреки его позиции. Предоставление же такого права суду нарушит принципы беспристрастности и объективности.

3. Предоставление суду полномочия по постановке на обсуждение вопроса об изменении обвинения нарушит принцип беспристрастности суда, поскольку в данном случае суд до приговора формулирует обвинение, в том числе и квалифицирует деяние. Кроме того, это нарушит состязательность уголовного процесса: поскольку суд, формулируя изменения к обвинению, предлагаемые к обсуждению, фактически будет осуществлять функцию уголовного преследования. Права подсудимого в отечественном судопроизводстве могут быть обеспечены путем регламентации четко определенных пределов изменения обвинения в итоговом решении.

4. Проблема определения процессуального порядка изменения обвинения судом при переквалификации на уголовно-правовые нормы, предусматривающие частное обвинение, могла быть решена путем выяснения в ходе допроса потерпевшего его желания на привлечение подсудимого к уголовной ответственности. В таком случае у суда отсутствует необходимость по возобновлению судебн-

ного следствия и выяснению позиций сторон.

5. Основным правилом при оценке возможности изменения квалификации судом должно быть вменение подсудимому (обвиняемому) в первоначальном обвинении предусмотренных диспозиций новой уголовно-правовой нормы признаков: деяния, общественно опасных последствий, способа, орудия, средства, обстановки, места, времени, потерпевшего, предмета, субъекта, мотива и цели. Исключением является изменение обвинения на привилегированные составы, например, путем изменения вины с умысла на неосторожность, установления состояния аффекта или определенной обстановки, специального субъекта. Допустимость изменения квалификации определяется исходя из оценки полноты описания в предыдущем обвинении признаков нового преступления. Объект не может определять существенность изменения обвинения, поскольку изменение объекта не означает совершение иных преступных действий, не вменявшихся подсудимому. Замена потерпевшего возможна только в единственном случае: при неизменности объективной стороны обвинения и направленности умысла (например, когда устанавливается иной собственник похищенного имущества). Возможно изменение субъекта с общего

на специальный (если признаки специального субъекта изложены в первоначальном обвинении) и со специального на общий, если новая уголовно-правовая норма не предусматривает более тяжкого наказания.

Не нарушает права подсудимого изменение обвинения судом при наличии соответствующей позиции у стороны защиты, высказанной в судебных прениях, если старое и новое обвинения тождественны. Подсудимый (обвиняемый) уведомлен о возможном изменении обвинения и желает этого, вследствие чего у суда отсутствует необходимость выяснять его согласие. Тождественность обвинений предполагает, что несмотря на то, что один или несколько признаков состава преступления могут быть заменены, новое вмененное деяние не является принципиально другим, также недопустимо расширение места и времени.

6. При решении вопроса об изменении обвинения в соучастии должно применяться общее правило о вменении преступных действий в первоначальном обвинении.

7. Полагаем необходимым регламентацию в действующем правовом регулировании понятия и критериев отнесения дефекта в обвинении к технической ошибке.

Список литературы

1. Соловьева Т. В., Золотухина А. В. Проблемы переквалификации действий подсудимого при совершении убийства при отягчающих обстоятельствах в случае установления иного мотива преступления // Законность. 2019. № 3. С. 33–35.
2. Есаков Г. А. Возвращение уголовного дела прокурору и материальное уголовное право // Уголовное право. 2023. № 1. С. 22–31. https://doi.org/10.52390/20715870_2023_1_22
3. Жуков Г. К. Пределы изменения обвинения в судебном разбирательстве: проблемы правоприменения // Криминалистика. 2021. № 3 (36). С. 77–84.

4. Харитонов С. С., Воробьев А. Г. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов // Право в Вооруженных силах. 2022. № 3. С. 61–76.
5. Яковлева С. А., Шулепова А. В. Вопросы законодательного регулирования пределов судебного разбирательства // Марийский юридический вестник. 2016. № 2(17). С. 52–54.
6. Вениаминов А. Г. Пределы судебного разбирательства по уголовным делам // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 131–136.
7. Сопнева Е. В. К вопросу о критериях понимания пределов судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2(16). С. 123–130.
8. Бурылева Е. В., Чигрин Д. А. Пределы изменения обвинения и квалификации преступления в судебном разбирательстве // Право и государство: теория и практика. 2012. № 12(96). С. 74–78.
9. Будылин Н. В. Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции // Общество и право. 2022. № 1(79). С. 52–58.
10. Ротнова И. Б. Некоторые проблемы института изменения обвинения в уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 95–98.
11. Бравилова Е. А. О праве прокурора распоряжаться обвинением в суде // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 318–327.
12. Федотов И. С. Инициатива суда, или судейская инициатива, в судебном производстве по уголовному делу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 289–298.
13. Романов С. В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре»: научный комментарий // Закон. 2017. № 2. С. 75–82.
14. Теслов С. М. Пределы судебного разбирательства. Вопросы изменения обвинения в суде // Современное общество и право. 2011. № 3(4). С. 85–88.
15. Машовец А. О. Изменение обвинения в суде: процессуальный критерий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. С. 233–240.
16. Макаров С. Д. Изменение квалификации преступлений и обвинения в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2017. 215 с.
17. Сумский Д. В. Переквалификация преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 181 с.
18. Сюбаев И. И. Определение наиболее тяжкого из совершенных преступлений // Уголовное право. 2017. № 1. С. 95–99.
19. Пудовочкин Ю. Е. О некоторых аспектах переквалификации соучастия в суде // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 35–39.
20. Благов Е. О квалификации преступления в суде первой инстанции // Уголовное право. 2009. № 4. С. 122–127.

References

1. Solovieva T.V., Zolotukhina A.V. The problems of re-classification of actions of a defendant charged with commission of an aggravated murder in case another motive of crime is detected. *Zakonnost' = Legality*. 2019;(3):33–35. (In Russ.)
2. Esakov G.A. Remand of the case to the prosecutor and substantive criminal law. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2023;(1):22–31. (In Russ.). https://doi.org/10.52390/20715870_2023_1_22.
3. Zhukov G.K. The limits of changing the charges in proceedings: enforcement issues. *Kriminalist' = Criminalist*. 2021;(3):77–84. (In Russ.)
4. Kharitonov S.S., Vorobyov A.G. Practical aspects of qualification of crimes according to the materials of the practice of military courts. *Pravo v Vooruzhennykh silakh = Law in the Armed Forces*. 2022;(3):61–76. (In Russ.)
5. Yakovleva S.A., Shulepova A.V. Matters of legislative regulation's limits of trial. *Marijskij yuridicheskij vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2016;(2):52–54. (In Russ.)
6. Veniaminov A.G. Limits of criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2018;(2):131–136. (In Russ.)
7. Sopneva E.V. To the question understanding criteria of judicial proceedings limits. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedural and forensic readings*. 2017;(2):123–130. (In Russ.)
8. Buryleva E.V., Chigrin D.A. Limits change the charges and offences in the proceedings. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2012;(12):74–78. (In Russ.)
9. Budylin N.V. Effect of the prohibition on turning for the worse in criminal proceedings in the court of the first instance. *Obshhestvo i pravo = Society and Law*. 2022;(1):52–58. (In Russ.)
10. Rotnova I.B. Some problems of institute of change of charge in criminal trial of Russia. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2017;(9):95–98. (In Russ.)
11. Bravilova E.A. On the right of the prosecutor to dispose of the charge in court. In: *Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskii opyt i sovremennost': sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu s dnya rozhdeniya professora Nikolaya Sergeevicha Alekseeva = Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity: collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev*. St. Petersburg: Yuridicheskii Centr; 2015. P. 318–327. (In Russ.)
12. Fedotov I.S. The initiative of the court, or judicial initiative, in the judicial proceedings in a criminal case. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2013;(1):289–298. (In Russ.)
13. Romanov S.V. The Plenary Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation "On the Sentence": an academic comment. *Zakon = Law*. 2017;(2):75–82. (In Russ.)
14. Teslov S.M. Limits of legal proceeding. Questions of prosecution change in the court. *Sovremennoe obshhestvo i pravo = Modern society and law*. 2011;(3):85–88. (In Russ.)
15. Mashovets A.O. Change of charge in court: procedural criterion. In: *Aktual'nye problemy sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti i*

natsional'noi bezopasnosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure activities and national security: materials of the international scientific and practical conference. Part 1. Krasnodar: Kuban. gos. un-t; 2021. P. 233–240. (In Russ.)

16. Makarov S.D. Changing the qualification of crimes and charges in criminal proceedings: scientific and practical manual. Moscow: YUNITI, Zakon i pravo; 2017. 215 p. (In Russ.)
17. Sumskii D.V. Reclassification of crimes. Moscow: Yurlitinform; 2016. 181 p. (In Russ.)
18. Syubaev I.I. Detection of the most serious crime out of other committed crimes. *Ugolovnoe pravo = Criminal law.* 2017;(1):95–99. (In Russ.)
19. Pudovochkin Yu.E. On some aspects of the requalification of complicity in court. *Obshchestvo i pravo = Society and Law.* 2017;(3):35–39. (In Russ.)
20. Blagov E. Qualification of a crimes in a trial. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law.* 2009;(4):122–127. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Карпов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: auditkarpoff@yandex.ru

Alexey S. Karpov, Post-Graduate Student of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: auditkarpoff@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.9

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-143-151>**Общественная опасность самоуправства****С. С. Чапчиков¹✉**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tgpKSTU@Yandex.ru

Резюме

Актуальность. Решение проблем и достижение собственных целей нередко осуществляется лицами с нарушением установленного порядка, а также откровенно преступными способами. Участники различных общественных отношений совершают самовольные действия с целью восстановления как своих нарушенных прав, так и полагая, что они нарушены, в том числе связанные с воздействием на имущество, принадлежащее потерпевшему, а также иные действия, превышая пределы самозащиты прав. Надлежащая правовая квалификация такого рода действий требует определения общественной опасности самоуправства. В правовом государстве приемлемы лишь законные и соразмерные способы решения имущественных споров, в противном случае действия лиц по защите своих субъективных прав приобретают общественно опасные формы и определяют рост уголовно наказуемого самоуправства.

Целью исследования является установление характеристик общественной опасности самоуправства, признанного уголовным законодательством преступлением.

Задачи: проанализировать доктринальные подходы к определению общественной опасности самоуправства и установить ее фактические характеристики.

Методология. При написании работы использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, общенаучные (логические) приемы и инструментарий системного подхода.

Результаты. Обосновано, что общественная опасность самоуправства определяется его вредоносностью (причинением вреда или угрозой его причинения) публичной и частной сферам общественных отношений.

Вывод. Самовольные действия при самоуправстве не только нарушают установленный законом порядок совершения определенных действий, посягая тем самым на порядок управления, но и могут вызвать негативные изменения в иных объектах уголовно-правовой охраны, не менее значимых в иерархии социальных ценностей, таких как жизнь и здоровье, собственность, экономика, интересы правосудия и пр.

Ключевые слова: общественная опасность; преступление; самоуправство; самовольные действия; защита субъективных прав; правосудие.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чапчиков С. С. Общественная опасность самоуправства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 143–151. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-143-151>

Поступила в редакцию 06.09.2024

Принята к публикации 02.10.2024

Опубликована 31.10.2024

Social danger of self-rule behaviour

Sergey S. Chapchikov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: tgpKSTU@Yandex.ru

Abstract

Relevance. Solving problems and achieving their own goals is often carried out by people in violation of the established order, as well as openly criminal ways. Participants of various social relations commit unauthorised actions in order to restore both their violated rights and believing that they are violated, including those related to the impact on the property belonging to the victim, as well as other actions, exceeding the limits of self-protection of rights. The proper legal qualification of such actions requires the determination of the public danger of self-rule. In a state governed by the rule of law, only lawful and proportionate ways of resolving property disputes are acceptable, otherwise the actions of persons to protect their subjective rights acquire socially dangerous forms and determine the growth of criminally punishable self-rule.

The purpose of the study is to establish the characteristics of public danger of self-rule, recognised by criminal legislation as a crime.

Objectives: to analyse doctrinal approaches to the definition of public danger of self-rule and to establish its actual characteristics.

Methodology. When writing the work the methods of analysis and synthesis, induction and deduction, general scientific (logical) methods and tools of system approach were used.

Results. It is proved that the public danger of arbitrariness is determined by its harmfulness (causing harm or threat of harm) to public and private spheres of public relations.

Conclusions. Unauthorised actions at self-rule not only violate the order of committing certain actions established by law, thus encroaching on the order of management, but also can cause negative changes in other objects of criminal-legal protection, not less significant in the hierarchy of social values, such as life and health, property, economy, interests of justice and so on.

Keywords: public danger; crime; self-rule; unauthorised actions; protection of subjective rights; justice.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chapchikov S.S. Social danger of self-rule behaviour. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):143–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-143-151>

Received 06.09.2024

Accepted 02.10.2024

Published 31.10.2024

Введение

Конституция Российской Федерации является гарантом того, что человек, его права и свободы являются высшей социальной ценностью (ст. 2), что каждый имеет право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). При этом осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17). Указанное определяет возможность осуществления

гражданами своих прав и свобод исключительно в рамках действующего законодательства и в установленном порядке. Современные же политические, социальные и экономические реалии обуславливают появление большого количества равноправных субъектов, которые стремятся решать проблемы защиты своих прав в неюрисдикционном порядке, нередко прибегая к противозаконным действиям.

Участники таких отношений совершают самовольные действия с целью восстановления как своих нарушенных прав, так и полагая, что они нарушены, в том числе связанные с воздействием на имущество, принадлежащее потерпевшему (его завладение или удержание) [1], а также иные действия, превышающая пределы самозащиты прав (ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) [2].

В качестве факторов, способствующих совершению таких противозаконных действий, выделяются: несовершенство механизма защиты прав субъектов наряду с недоверием граждан к судебной системе [3]; уверенность в невозможности добиться справедливости способами, предусмотренными законом [4]; ослабление государственного аппарата [5]; распространение правового нигилизма, который нередко проявляется в форме установки на произвольное толкование закона, его соблюдения по собственному усмотрению и пренебрежительного отношения к правам иных лиц [6] и пр.

В результате снижается авторитет и эффективность управленческой деятельности, способность государства системно воздействовать на общественные отношения, регулировать их, обеспечивая права и законные интересы субъектов данных отношений. В правовом государстве приемлемы лишь законные и соразмерные способы решения имущественных споров, в противном случае действия лиц по защите своих субъективных прав приобретают общественно опасные формы и определяют рост уголовно наказуемого самоуправства.

Методология

Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции позволили установить факторы, определяющие характер и степень общественной опасности самоуправства, с помощью общеначальных (логических) приемов и инструментария системного подхода определены общественные от-

ношения в публичной и частной сферах, которым причиняется или может быть причинен вред самоуправством.

Результаты и их обсуждение

Традиционно в юридической доктрине признается, что общественная опасность представляет собой фундаментальный социальный (материальный) признак преступления и может выражаться в двух формах – фактическом воздействии на общественные отношения в виде негативных изменений или последствий (причинении вреда) или в создании угрозы причинения таких негативных последствий [7], т. е. решающее значение для определения общественной опасности преступлений играет их направленность на причинение или создание угрозы причинения вреда общественным отношениям. В то же время некоторые ученые полагают, что содержание общественной опасности как результата социальной оценки деяния как преступления составляют и субъективные факторы [8]. Подчеркивается, что признак общественной опасности используется законодателем для характеристики деяния лица, а не преступления в целом [9]. Показателями общественной опасности являются: 1) характер – определяемый объектом, на который посягает преступление (общественные отношения), а также объективными признаками деяния; 2) степень – определяемая интенсивностью конкретного посягательства и размером причиненного вреда.

Практика свидетельствует, что чаще всего совершение самоуправных действий нарушает права отдельного человека [10]. Полагаем, что общественная опасность самоуправства обусловлена не только нарушением прав конкретного человека или организации, но и причинением реального вреда или созданием угрозы его причинения обществу в целом.

В уголовном законодательстве установлена ответственность за «самовольное, вопреки установленному законом

или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред», т. е. самоуправство (ч. 1 ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). В то же время общественная опасность этого действия не всегда адекватно оценивается.

Самоуправство отнесено законодателем к преступлениям против порядка управления (гл. 32 УК РФ). В целом общественная опасность преступлений против порядка управления заключается в том, что они «посягают на социальную полезную, организующую и реализующую деятельность всех органов государственной власти; противодействуют нормальной законодательно регламентированной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, подрывают основы управления, дестабилизируют работу органов правопорядка» и т. д. [11]

Общественная опасность самоуправства заключается в том, что осуществление прав (именно цель осуществления своего действительного или предполагаемого права на имущество позволяет отличать случаи изъятия и (или) обращения лицом в свою пользу или пользу других лиц чужого имущества от хищения¹) происходит самовольно, вопреки указанному выше порядку. При этом в научных исследованиях традиционно выделяют две сферы общественных отношений, которые самоуправство ставит под угрозу причинения вреда – публичная и частная.

Так, по мнению Н. С. Таганцева, публичный элемент самоуправства может заключаться «в самовольном захвате, присвоении судебной или административной власти, выражаящемся в совер-

шении таких действий, которые могут быть исполнены органом государственного управления» [12, с. 309]. С другой стороны, присутствует и частный элемент – «нарушение прав и интересов лица, когда виновный не захватывает власть, он лишь не обращается к ней» [12, с. 309].

Как утверждает Е. В. Витман, анализируемые преступления совершаются в сфере публичного (внеслужебного) управления. При этом автор отмечает, что «именно частным лицом, подвластным субъектом, нарушаются те или иные правила организации общественной жизни, изданные властивующим субъектом и адресованные этому самому подвластному субъекту, а нарушение этих правил влечет за собой нарушение в той или иной форме нормальной деятельности органов публичной власти» [13].

Ряд ученых предлагают признавать непосредственным объектом самоуправства установленный порядок осуществления прав и обязанностей [14], совершения юридически значимых действий [15], а также интересы организаций или лиц, которым причиняется вред [16]. Еслиходить из концепции, в соответствии с которой объектом преступления является закрепленный порядок отношений между субъектами, то с методологической точки зрения возможно говорить, что в результате самоуправства осуществляется негативное воздействие на законодательно установленный порядок осуществления субъективных прав как меры возможного поведения по совершению действий управомоченным субъектом, в том числе защиты субъективного права в случае его нарушения, в результате чего причиняется существенный вред интересам потерпевшего.

Некоторые авторы обращаются к анализу зарубежного опыта уголовноправовой охраны порядка управления от совершения самоуправных действий [17] и приходят к выводу о возможности применения положительного опыта к совре-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.

менной российской норме о самоуправстве [18]. В частности, анализ кодексов бывших союзных республик позволил прийти к выводу, что самоуправство как преступление против порядка управления рассматривается большинством стран [19], за исключением некоторых, например, Молдовы, где самоуправство является преступлением против публичной власти и безопасности государства. Анализируя законодательство стран дальнего зарубежья, ученые приходят к выводу, что самоуправные действия отнесены в группу посягательств в связи с нарушением установленного порядка осуществления отношений (имущества) собственности (Италия, Швеция, Норвегия, Дания) [5]. В Швейцарии и Германии это преступление против свободы, в Болгарии – против порядка и общественного спокойствия, в Японии оно отнесено к преступлениям, которые заключаются в угрозах [18]. В некоторых зарубежных странах не предусмотрено ответственности за самоуправство на уровне общей нормы, однако законы содержат значительное количество составов преступлений, в которых криминализированы отдельные аспекты самовольного осуществления лицом своего права (Австрия, Бельгия, Германия, Франция). Таким образом, позиция отечественного законодателя соответствует положениям Модельного Уголовного кодекса СНГ, относящего самоуправство к преступлениям против порядка управления.

Учитывая существующие дискуссии относительно уголовно-правовой оценки деяний, связанных с самовольным незаконным осуществлением лицом своего права, обоснованной, на наш взгляд, является позиция И. П. Титенкова, который в своем исследовании приходит к выводу, что «общественная опасность самоуправства состоит не только в причинении существенного вреда установленному порядку совершения определенных действий и другим общественным отношениям, охраняемым уголовным зако-

ном, но и в том, что такой вред может носить неопределенный характер и обладает способностью качественного изменения социума» [20].

Таким образом, характер общественной опасности исследуемого преступления определяется группой общественных отношений, на которые осуществляется уголовно противоправное посягательство – отношения в сфере управления, определяющие порядок законной деятельности органов публичной власти. Самовольность действий виновного лица проявляется в игнорировании регламентированного законом порядка разрешения имущественного спора. Иными словами, такое лицо самостоятельно совершает определенные действия по осуществлению своего субъективного права вместо того, чтобы обратиться в компетентный и уполномоченный орган власти для урегулирования оспариваемых действий, что приводит или может приводить к ослаблению их авторитета.

Нарушая установленный законодательством порядок осуществления и защиты субъективных прав, лицо подрывает основы гражданско-правового регулирования общественных отношений, нивелирует превентивную функцию гражданского права [21].

Самоуправные действия посягают и на иные сферы общественных отношений, которые в соответствии с действующим уголовным законодательством определяются как факультативные объекты данного преступления. Так, например, серьезную опасность для общества самоуправство представляет по своему экономическому содержанию и социальным последствиям.

Степень причиненных самоуправством последствий указывается в диспозиции соответствующей статьи УК РФ, в частности посредством использования оценочного термина «существенный вред» (ч. 1 ст. 330). В случае уничтожения имущества потерпевшего оно выбывает из гражданского оборота, если имущество повреждается – потерпевший ли-

шается возможности использовать его по своему усмотрению, а восстановление такого имущества требует существенных материальных затрат. Иными словами, общественная опасность самоуправства заключается и в том, что оно причиняет существенный вред имущественным интересам отдельных граждан и юридических лиц, нарушает конституционные права и гарантии экономической деятельности и собственности.

Существенный вред как оценочное понятие представляет собой довольно сложную категорию для правоприменителя. Это может быть, например, телефон, стоимость которого составляет 13400 руб.¹, стройматериалы на сумму 40520 руб.², электроскутер стоимостью 69000 руб³. Однако имеют место и более «скромные» суммы. Так, водитель такси был признан виновным за самоуправство, т. к. потерпевший отказался заплатить обещанные «чаевые» в размере 300 руб. Вынося обвинительный приговор, суд обосновал существенный вред, причиненный потерпевшему тем, что виновный ударил в лицо потерпевшего и забрал наушники в счет уплаты 300 руб, но сразу вернул. Стоимость наушников судом не оценивалась⁴. Таким образом, сущ-

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 22-343/2024 от 14.02.2024 по делу № 1-1500/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.10.2024).

² Приговор Ростовского областного суда № 22-472/2024 от 30.01.2024 по делу № 1-217/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.10.2024).

³ Приговор Геленджикского городского суда № 1-159/2024 1-670/2023 от 26.01.2024 по делу № 1-159/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.10.2024).

⁴ Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска № 1-595/2023 1-93/2024 от 22.01.2024 по делу № 1-595/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 16.10.2024).

ственный вред не может оцениваться исключительно через стоимость незаконно изъятого имущества.

Определяя общественную опасность самоуправства, ее характер и степень, необходимо также учитывать, что законодателем установлен таковой квалифицирующий признак данного деяния, как совершение его с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ). Следовательно, реализация данного способа совершения преступления определяет причинение вреда или угрозы его причинения жизни и здоровью человека.

Следует учитывать, что характер общественной опасности самоуправства определяет и общественная опасность личности преступника [22], игнорирующего установленный порядок законной деятельности органов публичной власти и порядок осуществления субъективных прав и избравшего данный преступный способ достижения своих целей. Особенно это касается применения виновным насилия или угрозы его применения при осуществлении самоуправных действий.

Таким образом, самовольные действия при самоуправстве не только нарушают установленный законом порядок совершения определенных действий, посягая тем самым на порядок управления, но и могут вызвать негативные изменения в иных объектах уголовно-правовой охраны, не менее значимых в иерархии социальных ценностей (собственность, экономика, интересы правосудия и пр.).

Выводы

Приведенные положения, раскрывающие общественную опасность самоуправства, дают основания сделать следующие выводы. Общественная опасность самоуправства обусловлена не только нарушением прав конкретного человека или организации, но и причинением реального вреда или созданием угрозы его причинения обществу в целом, т. е. вредоносностью для публичной и частной сфер общественных отношений. В

результате самоуправства осуществляется негативное воздействие на законодательно установленный порядок осуществления субъективных прав как меры возможного поведения по совершению действий управомоченным субъектом, в том числе защиты субъективного права в случае его нарушения, следствием чего является причинение существенного вреда интересам потерпевшего. Самоуправство несет угрозу не только отношениям в сфере управления, определяющим порядок законной деятельности органов публичной власти. Осуществляя неюрисдикционную защиту своих прав, лицо

нарушает право потерпевшего на судебную защиту, выступающего гарантией всех других прав и свобод, как единственного способа их восстановления, причиняет вред интересам правосудия. Серьезную опасность для общества самоуправство представляет и по своему экономическому содержанию и социальным последствиям, поскольку нарушает конституционные права и гарантии экономической деятельности и собственности. Реализация насилиственного способа самоуправства несет угрозу причинения вреда или его причинение жизни и здоровью человека.

Список литературы

1. Кибальник А. Г. Сложности в понимании преступлений против порядка управления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 475–482.
2. Макаров И. И. Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 3. С. 468–479.
3. Сардак Д. Б., Брагин К. С. Социальная обусловленность криминализации самоуправства // Закон и право. 2022. № 3. С. 195–197.
4. Артюшкина С. В. Уголовная ответственность за самоуправство: постановка проблемы // Право и современность: сборник научно-практических статей / под ред. Л. И. Бочковой, С. В. Савинова. Вып. 4, ч. 1. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2009. С. 74–78.
5. Ванеев С. У. Самоуправство в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Политика, право и экономика: сборник научных трудов ИМПЭ им. А. С. Грибоедова. М.: ИМПЭ, 2004.
6. Сурков И. К. Самоуправство: проблемы уголовно-правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2003. Вып. 32. С. 125–123.
7. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
8. Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск: СЮИ, 1977. 80 с.
9. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: монография. М.: Юриспруденция, 2015. 560 с.
10. Сардак Д. Б., Брагин К. С. Социальная обусловленность криминализации самоуправства // Закон и право. 2022. № 3. С. 195–197.
11. Кузнецов А. П. Преступления против порядка управления: юридическая характеристика, проблемы классификации // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 106–110.
12. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб.: Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1894. 608 с.
13. Витман Е. В. К вопросу о видовом объекте преступлений против порядка управления // Вопросы юриспруденции. 2005. № 2. С. 190–195.
14. Капканов В. И. Проблемы законодательной регламентации ответственности за самоуправство // Юридическая мысль. 2005. № 6 (31). С. 74–82.

15. Артюшкина С. В. Самоуправство: родовой и видовой объект // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 58–59.
16. Сурков И. К., Мотин О. А. Самоуправство: уголовно-правовой анализ // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2005. № 4. С. 28–44.
17. Мотин О. А., Сурков И. К. Ответственность за самоуправство по уголовному законодательству зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Вестник юридического факультета: сборник научных трудов. Вып. 3. Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2004. С. 20–28.
18. Артюшкина С. В. Самоуправные действия: уголовная ответственность по зарубежному законодательству // Проблемы безопасности личности в современной России: сборник статей. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2010. С. 47–52.
19. Волколупова В. В. Компаративистские аспекты регламентации ответственности за самоуправство в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран // Глобальные вызовы и научные инициативы: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. СПб.: Печатный цех, 2024. С. 83–90.
20. Титенков И. П. Самоуправство: проблемы квалификации: монография. Красноярск: Сибир. юрид. ин-т МВД России, 2009. 102 с.
21. Игнатов А. Н., Семенова Е. Г. Гражданско-правовые меры в системе мер противодействия преступности // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 91–95.
22. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 319–326.

References

1. Kibal'nik A.G. Difficulties in understanding crimes against the order of government. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law.* 2015;9(3):475–482. (In Russ.)
2. Makarov I.I. Topical issues of differentiation of self-defense of civil rights and arbitrariness. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. The Humanities Series.* 2022;16(3):468–479. (In Russ.)
3. Sardak D.B., Bragin K.S. The social conditionality of criminalization of arbitrariness. *Zakon i pravo = Justice and law.* 2022;(3):195–197. (In Russ.)
4. Artyushkina S.V. Criminal liability for arbitrariness: problem statement. In: Bochko-va L.I., Savinova S.V. *Pravo i sovremenność: sbornik nauchno-prakticheskikh statej = Law and modernity: collection of scientific and practical works articles.* Saratov: Saratov. yurid. in-t MVD Rossii; 2009. P. 74–78. (In Russ.)
5. Vaneev S.U. Arbitrariness in the criminal legislation of Russia and foreign countries. In: *Politika, pravo i ekonomika: Sbornik nauchnyh trudov IMPE im. A.S. Griboedova = Politics, law and Economics: collection of scientific papers of the A.S. Griboyedov.* Moscow: IMPE, 2004. (In Russ.)
6. Surkov I.K. Arbitrariness: problems of criminal law regulation. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University.* 2003;32:125–123. (In Russ.)
7. Kuznecova N.F. Crime and criminality. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; 1969. 232 p. (In Russ.)
8. Kovalev M.I. The concept and signs of a crime and their significance for qualification. Sverdlovsk: SYI, 1977. 80 p. (In Russ.)

9. Markuncov S.A. The theory of criminal law prohibition. Moscow: Yurisprudenciya; 2015. 560 p. (In Russ.)
10. Sardak D.B., Bragin K.S. The social conditionality of criminalization of arbitrariness. *Zakon i pravo = Justice and law*. 2022;(3):195–197. (In Russ.)
11. Kuznecov A.P. Crimes against the management order: legal characteristics, classification problems. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2017;(2):106–110. (In Russ.)
12. Tagantsev N. S. Lectures on Russian criminal law. St. Petersburg: Tip. S.-Peterb. tyur'my; 1894. 608 p. (In Russ.)
13. Vitman E.V. On the issue of the specific object of crimes against the order of management. *Voprosy yurisprudencii = Legal issues*. 2005;(2):190–195. (In Russ.)
14. Kapkanov V.I. Problems of legislative regulation of responsibility for arbitrariness. *Yuridicheskaya mysl' = Legal thought*. 2005;(6):74–82. (In Russ.)
15. Artyushkina S.V. Arbitrariness: generic and specific object. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(2):58–59. (In Russ.)
16. Surkov I.K., Motin O.A. Arbitrariness: criminal law analysis. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy*. 2005;(4):28–44. (In Russ.)
17. Motin O.A., Surkov I.K. Responsibility for arbitrariness under the criminal legislation of foreign countries: comparative legal analysis. In: *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta: Sbornik nauchnyh trudov = Bulletin of the Faculty of Law: collection of scientific papers*. Is. 3. Samara: Izd-vo Samar. gumanit. akad.; 2004; P. 20–28. (In Russ.)
18. Artyushkina S.V. Self-imposed actions: criminal liability under foreign legislation. In: *Problemy bezopasnosti lichnosti v sovremennoj Rossii: sbornik statej = Problems of personal security in modern Russia: collection of articles*. Saratov: Saratov. yurid. in-t MVD Rossii; 2010. P. 47–52. (In Russ.)
19. Volkolupova V.V. Comparative aspects of the regulation of liability for arbitrariness in the criminal legislation of some foreign countries. In: *Global'nye vyzovy i nauchnye iniciativy: sbornic nauchnykh trudov po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii = Global challenges and scientific initiatives: collection scientific work based on the materials of the II International scientific and practical conference*. St. Petersburg: Pechatnyi stekh; 2024. P. 83–90. (In Russ.)
20. Titennov I.P. Arbitrariness: problems of qualification. Krasnoyarsk: Sib. yurid. in-t MVD Rossii; 2009. 102 p. (In Russ.)
21. Ignatov A.N., Semenova E.G. Civil law measures in the system of anti-crime measures. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2018;(1):91–95. (In Russ.)
22. Ignatov A.N. The concept and general characteristics of the criminal's personality. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki = Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2019;5(1):319–326. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Чапчиков Сергей Сергеевич, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tgpKSTU@Yandex.ru

Sergey S. Chapchikov, Post-Graduate Student of Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tgpKSTU@Yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.711

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-152-162>**Малозначительность кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода****А. М. Плешаков¹, А. С. Туманов^{2✉}**

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
ул. Нарвская, д.15а, стр. 1, г. Москва 125130, Российская Федерация

²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
ул. Академика Волгина, д. 12, г. Москва 117997, Российская Федерация

✉e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com

Резюме

Актуальность. В статье рассматриваются вопросы малозначительности деяния, предусмотренного пунктом «б» часть 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются основания и условия малозначительности хищений. На основе изучения судебной практики обозначены особенности применения положений о малозначительности к краже углеводородного сырья из трубопровода.

Цель: исследование возможности и условий применения положений части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации к краже, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода (пункт «б» часть 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Задачи: изучение и выявление условий применения малозначительности деяния к краже из трубопроводов на основе анализа современной судебной практики и положений доктрины уголовного права.

Методология. Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод научного познания. Автором были использованы такие частные методы, как: формально-юридический, социологический и метод правового моделирования.

Результаты. Авторами проанализированы и обобщены условия, выделяемые в теории уголовного права, при которых конкретное общественно опасное деяние может быть признано малозначительным и спроецированы на кражу, совершаемую из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода, изучены материалы судебно-следственной практики о прекращении уголовных дел по кражам сырья из трубопроводов в связи с малозначительностью, выделены условные авторские критерии, при которых кража нефти, нефтепродуктов или газа может считаться малозначительным деянием.

Вывод. Индивидуальная опасность конкретного факта хищения из трубопроводов в некоторых ситуациях может не соответствовать тому уровню криминальной опасности, который законодатель заложил в соответствующее деяние в результате его криминализации. Проведенное исследование позволяет определить примерные обязательные и факультативные признаки для признания тайного хищения из трубопровода малозначительным.

Ключевые слова: кража; нефтепровод; нефтепродуктопровод; газопровод; малозначительность.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Плешаков А. М., Туманов А. С. Малозначительность кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 152–162. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-152-162>

Поступила в редакцию 02.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Minor theft committed from oil, oil product and gas pipelines

Alexander M. Pleshakov¹, Alexander S. Tumanov² ☐

¹ Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15a Narvskaya Str., building 1, Moscow 125130, Russian Federation

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikotya
12 Akademika Volgina Str., Moscow 117997, Russian Federation

✉ e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com

Abstract

Relevance. The article deals with the issues of insignificance of the act, stipulated by item. "b" part 3 part 3 of article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The grounds and conditions of the grounds and conditions of insignificance of thefts. On the basis of the study of judicial practice are outlined peculiarities of application of the provisions on insignificance to theft of hydrocarbon raw materials from the pipeline raw materials.

Purpose: to study the possibility and conditions of applying the provisions of part 2 of article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation to the theft committed from an oil pipeline to theft committed from an oil pipeline, oil product pipeline and gas pipeline (item "b", part 3, article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Objectives: study and identification of conditions of application of insignificance of a deed to the theft from pipelines on the basis of analysis of modern judicial practice and provisions of doctrine of criminal law.

Methodology. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition of scientific cognition. The author used such private methods as: Formal-legal, sociological and method of legal modeling.

Results. The authors analyzed and summarized the conditions, distinguished in the theory of criminal law, under which a specific socially dangerous act can be recognized as insignificant and projected on theft committed from an oil pipeline, petroleum product pipeline, petroleum product pipeline. oil, oil product and gas pipelines, and studied the materials of judicial and investigative practice on the termination of criminal cases on theft of raw materials from the thefts of raw materials from pipelines due to insignificance, the author's conditional criteria were singled out criteria under which the theft of oil, oil products or gas can be considered a low-value act. as an insignificant act.

Conclusion: the individual danger of a specific fact of theft from pipelines in some situations may not correspond to the level of criminal danger, which the legislator has laid down in the relevant act as a result of its criminalization. The conducted research allows us to determine the approximate mandatory and optional signs for recognizing theft from pipelines as insignificant.

Keywords: theft; oil pipeline; oil product pipeline; gas pipeline; insignificance.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pleshakov A.M., Tumanov A.S. Minor theft committed from oil, oil product and gas pipelines. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):152–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-152-162>

Received 02.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Основываясь на законодательном установлении, следует отметить, что минимального размера ущерба для совершения кражи при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2–4

ст. 158 УК РФ, не существует¹. Порог, определенный законодателем в 2500 рублей, применим лишь к деяниям, подпадающим под ч. 1 ст. 158 УК РФ. Соответ-

¹ Исключение составляет кража в значительном, крупном или особо крупном размере.

ственno, противоправные действия лица в виде тайного хищения нефти, нефтепродуктов или газа из трубопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) на сумму свыше 1 рубля могут формально образовать состав преступления. В связи с этим, на наш взгляд, разграничение «формальной» преступности деяния с «истинной» возможно с помощью малозначительности деяния. Малозначительность является одной из оценочных категорий в теории уголовного права, т. е. не имеет четких критериев, прописанных в законе. Вопрос о признании какого-либо деяния малозначительным всегда остается на усмотрение суда. Анализ судебно-следственной практики показывает отсутствие единобразия и конкретных критериев, при которых то или иное хищение углеводородного сырья может считаться малозначительным деянием. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), формально содержащее признаки какого-либо деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Это единственное нормативное предписание, которым определяется юридическая природа малозначительности деяния. В этой связи для правильного понимания, истолкования сущности такой уголовно-правовой категории и возможности ее применения ее к краже нефти, нефтепродуктов или газа следует обращаться к суждениям и условиям, которые выработаны теорией уголовного права.

Проблемам применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ посвящены исследования монографического характера К. В. Ображиева и Д. Ю. Корсунова [1], также эта область изучалась Н. М. Якименко [2], отдельным вопросам, касающимся критериев малозначительности, посвящены работы В. Н. Винокурова [3], А. В. Корнеевой [4], М. А. Любавиной [5], Н. Э. Мартыненко [6]. Малозначительность хищений чужого имущества подвергалась исследованию Р. Д. Шараповым [7] и В. Н. Винокуровым [8].

Методология

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод научного познания. Автором были использованы такие частные методы, как: формально-юридический, социологический и метод правового моделирования.

Формально-юридический метод позволил выявить особенности законодательного изложения терминов и конструкций применительно к теме исследования. Социологический метод нашёл свое отражение при изучении и обобщении материалов судебно-следственных органов. Метод правового моделирования позволил определить формальные условия для применения положений о малозначительности деяния.

Результаты и их обсуждение

Одним из условий для применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ выступает наличие формальной уголовной противоправности, т. е. совершенное деяние должно формально (внешне) обладать всеми признаками состава определённого преступления. Справедливы и убедительны доводы К. В. Ображиева и Д. Ю. Корсунова в поддержку представленного тезиса. Авторы утверждают, что, во-первых, указание на наличие всех признаков состава пусть и завуалировано, но все же присутствует в тексте ч. 2 ст. 14 УК РФ («формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ»), во-вторых, если малозначительное деяние не имеет признаков состава преступления, то конструирование ч. 2 ст. 14 УК РФ теряет весь практический смысл [1, с. 39–40]. В целом подобная научная позиция является общепринятой в доктрине, ее поддерживает А. В. Корнеева [4, с. 1080], схожее мнение высказывалось Н. Мартыненко [6, с. 73] и Р. Д. Шараповым [9, с. 32].

Различие преступного и малозначительного кроется в социальном содержании деяния, в результате чего в законе сформулирован второй обязательный

признак малозначительности – «действие, не представляющее общественной опасности». Теория уголовного права предполагает трактовать это нормативное условие ограничительно. По мнению большинства авторов, подобная законодательная формулировка отнюдь не означает, что малозначительное действие полностью лишено общественной опасности [10, с. 4]. В данном контексте речь идет об «уголовно-правовой» (кriminalной) общественной опасности, т. е. определенного минимума, которого будет достаточно для привлечения лица к уголовной ответственности. Подобная точка зрения высказывалась не раз в работах Н. А. Лопашенко [11, с. 63] и Ю. Е. Пудовочкина [12, с. 72–73]. Эта точка зрения подтверждается и в правовых позициях высших судебных органов¹.

Основываясь на изложенном, отметим, что для признания действия малозначительным необходимо соблюдение двух обязательных условий: а) наличие формальной уголовно-правовой противоправности действия; б) отсутствие «кriminalной» общественной опасности [13, с. 30–32].

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных особенностей малозначительности кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода необходимо остановиться на вопросе о возможности применения этой категории к хищениям, которые совершены при квалифицирующих обстоятельствах (к

ним относится и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Некоторые авторы полагают, что применение ч. 2 ст. 14 УК РФ к хищению, совершенным при наличии квалифицирующих признаков, исключено [14, с. 13]. Так, по мнению В. Н. Винокурова, вопрос о разграничении уголовной ответственности и административной ответственности за хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты полностью разрешен законодателем [15, с. 64–65]. Действие должно расцениваться либо как преступное, либо в качестве административного проступка, предусмотренного ст. 7.27 КоАП, а применение малозначительности в этом случае недопустимо. Аналогичную позицию можно встретить и в отдельных судебных решениях по кражам из трубопроводов. К примеру, приговором Каякентского районного суда Республики Дагестан лицо признано виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Действие выражалось в том, что виновный, не желая платить за поставку природного газа, совершил врезку в полость внутридомового газопровода и тайно похитил газ на общую сумму около 1500 руб. Судом были отвергнуты доводы о применении малозначительности действия в силу того, что виновный совершил кражу с квалифицирующим признаком – «из газопровода». При таких обстоятельствах размер хищения на квалификацию не влияет. Действие является преступным².

Несмотря на это подобная позиция не может быть поддержана. Законодатель не устанавливает никаких ограничений относительно тяжести или видов преступлений, которые могут быть признаны малозначительными. В юридической литературе не раз отмечалось, что

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулой Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: определение Конституционного Суда РФ от 26 окт. 2017 г. № 2257-О // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2000. № 9.

² Приговор Каякентского районного суда Республики Дагестан от 24.01.2019 по делу № 1-10/2019 (1-81/2018) // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z8YdhMU9VUUo> (дата обращения: 04.06.2024).

хищение может быть признано малозначительным и при наличии квалифицирующих признаков [1, с. 165]. Справедливости ради следует указать, что тот же В. Н. Винокуров в более поздней работе отмечает, что практика все же постепенно стала создавать соответствующие прецеденты (о признании квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления малозначительным) [15, с. 3].

С правовой точки зрения понятие малозначительности является оценочным. Формулировка ч. 2 ст. 14 УК РФ представляет собой абстрактность законодательного регулирования, в ней не содержится четких критериев и границ применения этой категории. Малозначительность кражи из трубопровода всегда должна оцениваться в зависимости от конкретных обстоятельств, индивидуальных действий виновного лица, направленности его умысла и содержания совершенного деяния. Соответственно, установить точные правовые характеристики, при которых кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода или магистрального трубопровода будет признана малозначительной, вряд ли возможно. Однако это не препятствует, на наш взгляд, обозначить общие условия и круг обстоятельств универсального характера, которые должны учитываться при решении вопроса о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Безусловно, при решении правоприменителем вопроса о малозначительности хищений ключевым фактором является стоимость противоправно изъятого чужого имущества, т. е. предмета хищения. Относительно краж с квалифицирующими признаками существует несколько мнений о пределах стоимости имущества, при которых деяние может быть признано малозначительным. Например, М. А. Любавина, исследуя проблемы квалификации кражи из газопровода, полагает, что малозначительным является хищение газа на сумму менее 100 руб. [5, с. 27] Р. Шарапов указывает, что вопрос о ма-

лозначительности может обсуждаться при совершении квалифицированной кражи на сумму менее 2500 руб. [7, с. 84] Как видим, расхождение в оценках весьма существенное.

Судебная практика при решении данного вопроса характеризуется противоречивостью и рассогласованностью. Так, к примеру, деяние было признано малозначительным при стоимости противоправно изъятого сырья из трубопровода на сумму 8045 руб.¹, 4098 руб.², 1844 руб.³ и т. д. В других случаях при аналогичных обстоятельствах действия виновных были расценены судом как преступные с учетом того, что стоимость нефти, нефтепродуктов или газа составила 2098 руб.⁴, 255 руб.⁵ и даже 89 руб.⁶ В сложившейся ситуации, основываясь на данных судебно-следственной практики,

¹ Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы от 11.06.2019 по делу № 1-273/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6U3KnqRKpgNW> (дата обращения: 04.06.2024).

² Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы от 03.06.2019 по делу № 1-301/2019 // ГАС «Правосудие». URL: <http://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2020 по делу № 77-508/2020 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=10948#PEuEfSUjVhyc4QUR> (дата обращения: 04.06.2024).

⁴ Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 19.07.2011 по делу № 1-216/2011 // ГАС «Правосудие». URL: <http://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 04.06.2024).

⁵ Приговор Калачеевского районного суда Воронежской области от 15.11.2010 по делу № 1-203/10 // Актофакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-36RS0016-1-203-2010-2010-11-02-2-0> (дата обращения: 04.06.2024).

⁶ Приговор Воскресенского городского суда Московской области от 16.03.2012 по делу № 1-57/2012 // Актофакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-50RS0003-1-57-2012-2012-02-01-2-0> (дата обращения: 04.06.2024).

очертить даже формально-условную «преступную» границу стоимости похищенного углеводородного сырья весьма затруднительно.

Обратить внимание следует и на тот факт, что малозначительность должна определяться с учетом имущественного положения потерпевшего, т. е. является ли вред, причиненный хищением ресурсов, малозначительным именно для собственника такого ресурса. В данном аспекте наглядно проявляется специфичность кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. Потерпевшими от рассматриваемой разновидности хищения в подавляющем большинстве являются юридические лица в виде крупнейших энергетических компаний (Газпром, «Роснефть», «Транснефть» и пр.), а точнее их региональные представительства. Следовательно, возможно утверждение, что стоимостная граница «преступного» вреда при краже из трубопроводов может быть несколько выше по сравнению с другими видами хищения, где ущерб причиняется физическим лицам.

Незначительная (мизерная) стоимость похищенных из полости трубопровода углеводородов хоть и является ключевым, однако не может быть единственным основанием для признания хищения малозначительным. Как справедливо замечает В. Н. Винокуров, при отсутствии прочих условий указание только лишь на незначительную стоимость похищенного имущества несостоительно [3, с. 6]. К объективным критериям, помимо стоимости предмета хищения, можно отнести место совершения кражи (т. е. вид трубопровода). По нашему мнению, деяние не может быть оценено как малозначительное, если местом хищения выступает трубопровод магистрального характера. Подобный вид трубопроводного транспорта представляет собой технологический комплекс устройств и систем передачи энергоресурсов на значительные расстояния. Посыгательства, направлен-

ные на изъятие сырья из магистрального трубопровода (магистральных нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода), изначально носят повышенную степень опасности. Трубопроводы магистрального типа перекачивают углеводородное сырье внушительными объемами, что обеспечивается путем увеличенного диаметра трубы (который порой достигает свыше 1 метра) и повышенного давления. Нарушение целостности подобного вида трубопроводного транспорта может повлечь за собой негативные последствия социального и технологического характера. Кроме того, виновный, подключаясь к магистральной трубе, зачастую осознает и желает похитить значительный объем нефти, нефтепродуктов или газа.

Поэтому положения ч. 2 ст. 14 УК РФ применимы лишь к тем деяниям, в которых прослеживается совпадение объективных и субъективных характеристик малозначительности [16, с. 8–10]. Отсутствие «криминальной» общественной опасности кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода, возможно только в том случае, если умысел виновного изначально был направлен на противоправное изъятие газа, нефти или нефтепродуктов в незначительном размере [17, с. 77].

По общему правилу, выработанному теорией уголовного права, если умысел при совершении преступления характеризуется как неопределенный (неконкретизированный), то деяние не может быть признано малозначительным [7, с. 197]. Подобное утверждение распространяется на те ситуации, при которых виновный, совершая самовольное подключение к трубопроводу, намеревается изымать (потреблять) газ, нефть или нефтепродукты неопределенное количество времени, т. е. у лица отсутствует осознание конкретных количественных или временных рамок совершения противоправных действий. Наиболее ярко это проявляется в хищениях, совершаемых из газопровода. Подключаясь к трубе, с целью несанкциони-

рованного потребления газа, виновный объективно не может рассчитать точную или даже приблизительную стоимость имущества, которое он намеривается изъять. В этой связи, как мы полагаем, судам следует исходить от направленности умысла относительно периода времени, в рамках которого виновный желает изымать газ. К примеру, речь о малозначительности хищения газа может идти в том случае, если лицо планировало совершить хищение с целью разового использования сырья в короткий промежуток времени.

Оценивать направленность умысла лица следует и в продолжаемой краже нефти, нефтепродуктов и газа из трубопровода. Малозначительной данная разновидность кражи может быть признана лишь в том случае, если умысел лица был первоначально направлен на поэтапное противоправное изъятие сырья из полости трубы в незначительном размере. Недопустимо признание в качестве малозначительного отдельного элемента (эпизода) продолжаемой кражи энергоресурсов.

На малозначительность кражи из трубопроводов могут оказывать влияние и иные факторы, которые носят факультативно-субъективный характер – частные цели (помимо корысти), мотивы и т. д. В частности, при незаконном использовании газа из трубопроводов с целью удовлетворения бытовых потребностей (обогрев жилища, приготовление пищи и пр.). Показателен пример судебной практики, отраженный в решении Гусевского городского суда Калининградской области. Суд, признавая деяния Минаева в виде хищения газа на сумму 1844 руб. малозначительным, указал, что кража из газопровода была вынужденной, т. к. в доме закончился баллонный газ. В ходе совершения противоправных действий виновный руководствовался не только корыстной целью, но и стремлением приготовления пищи четырем ма-

лолетним детям в холодное время года¹. В другом примере кража из газопровода на сумму 2460 руб. была признана малозначительным деянием в силу того, что подключение к трубопроводу было произведено на короткий промежуток времени с целью спасения урожая томатов, которые начали портиться от нехватки тепла².

При решении вопроса о малозначительности кражи из трубопровода не могут учитываться обстоятельства, характеризующие личность виновного, его имущественное состояние [18, с. 29] и положительная характеристика [19, с. 106]. Указанный логический вывод также вытекает из позиции Пленума Верховного Суда относительно малозначительности административного правонарушения³. Полагаем, что обозначенный тезис вполне реализуем и в области уголовного права. На малозначительность кражи не влияет и посткриминальное поведение субъекта, т. е. возмещение ущерба, раскаяние, признание вины, активное способствование следствию и т. д. Указанные обстоятельства не формируют общественную опасность деяния, а находятся за ее пределами. В своем исследовании В. В. Хилюта указывает, что поведение виновного лица после фактического

¹ Постановление Гусевского городского суда Калининградской области от 22.07.2019 по делу № 1-79/2019 // АктоФакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-39RS0008-1-79-2019-2019-05-22-2-0> (дата обращения: 07.06.2024).

² Постановление Президиума Верховного Суда Республики Дагестан от 15.05.2019 по делу № 4У-255/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gY4eoQ6TjBYu> (дата обращения: 07.06.2024).

³ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 10.06.2024).

окончания преступления не может учитываться при решении вопроса о малозначительности деяния, однако поведение лица до (или во время совершения преступления) в некоторых случаях может быть учтено в полной мере [20, с.61].

Вывод о малозначительности деяния, сделанный применительно к одному составу преступления, не исключает привлечение лица к уголовной ответственности за другое общественно опасное деяние, если признаки этого деяния содержатся в поведении субъекта. Иными словами, наличие совокупности уголовно-правовых норм не исключает возможности признания кражи из трубопровода малозначительной. К примеру, формальное деяние в виде кражи нефти, нефтепродуктов или газа может быть признано малозначительным, однако если после такого тайного хищения произошло разрушение, повреждение или иное приведение в негодное состояние трубопровода, то содеянное может получить уголовно-правовую оценку по ст. 215.3 УК РФ (самовольное подключение или приведение в негодность трубопроводов)¹. В таком случае (при наличии оснований для малозначительности кражи) уголовная ответственность наступит только по ст. 215.3 УК РФ.

Квалификация кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода в качестве малозначительного деяния не исключает возможности привлечения лица к административной ответственности, если при этом не истек срок давности привлечения к такому виду юридической ответственности. В этой ситуации возникает вполне закономерный вопрос о наличии в действиях лица признаков правонарушений, предусмотренных

ст. 7.27 и 7.19 КоАП РФ. Дискуссионность вопроса обостряется наличием и в том, и в другом деянии негативного признака (т. е. признака, указывающего на отсутствие каких-либо свойств правонарушения). В соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ, привлечение лица к ответственности за мелкое хищение возможно при *отсутствии признаков преступлений*, предусмотренных чч. 2–4 ст. 158 УК РФ. Малозначительная кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода пусть и формально, но содержит признаки преступления, отраженного в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и следовательно, не может быть признана мелким хищением. Иначе сформулирован негативный признак правонарушения, предусмотренного в ст. 7.19 КоАП РФ. Ответственность за самовольное подключение к нефтепроводу, нефтепродуктопроводу или газопроводу наступит в том случае, если указанные действия *не содержат уголовно-наказуемого деяния*. Малозначительности кражи из трубопроводов присуща лишь формальная уголовная противоправность, при этом, исходя из прямого указания нормы уголовного закона в ч. 2 ст. 14, подобное деяние не является преступлением. Отсутствие преступности деяния обуславливает и отсутствие признака уголовно-правовой наказуемости лица. Из этого очевидно следует, что малозначительная кража нефти, нефтепродуктов или газа не относится к уголовно-наказуемым деяниям, вследствие чего лицо, совершившее малозначительную кражу сырья из трубопровода, может подлежать административной ответственности в соответствии со ст. 7.19 КоАП РФ. Указанную позицию ранее высказывал Р. Шарапов [7, с. 96].

Выводы

Резюмируя изложенное, следует отметить, что индивидуальная опасность конкретного факта хищения из трубопроводов в некоторых ситуациях может не соответствовать тому уровню кримини-

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29: [ред. от 15.12.2022] // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 10.06.2024).

нальной опасности, который законодатель заложил в соответствующее деяние в результате его криминализации. Проведенное исследование позволяет определить примерные обязательные и факультативные признаки для признания тайного хищения из трубопровода малозначительным. К обязательным следует отнести стоимость предмета хищения и конкретизированную направленность умысла

на противоправное изъятие именно незначительного количества газа, нефти или нефтепродуктов. Факультативные признаки могут включать в себя частные цели, мотивы, а также вид трубопровода и иные объективные обстоятельства, которые могут быть учтены судом. При этом такие обстоятельства должны влиять на общественную опасность самого действия и не находиться за его пределами.

Список литературы

1. Ображиев К. В., Корсун Д. Ю. Малозначительное действие в уголовном праве. М.: Проспект, 2024. 232 с.
2. Якименко Н. М. Оценка малозначительности действия. Волгоград: ВСШ, 1987. 28 с.
3. Винокуров В. Н. Общественная опасность и малозначительность действия // Уголовное право. 2023. № 10. С. 3–11.
4. Корнеева А. В. О квалификации малозначительных действий по УК РФ // Научные труды. Российской академии юридических наук. Вып. 15. М.: Юрист, 2015. С. 1078–1082.
5. Любавина М. А. Проблемы квалификации кражи газа // Вестник Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 4(6). С. 24–28.
6. Мартыненко Н. Малозначительность действия в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. 2012. № 3. С. 71–74.
7. Шарапов Р. Малозначительность хищений чужого имущества // Уголовное право. 2020. № 6. С. 83–96.
8. Винокуров В. Н. К вопросу о возможности признания кражи, совершенной с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ), малозначительным действием // Уголовное право. 2023. № 12. С. 3–9.
9. Шарапов Р. Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом // Законность. 2013. № 7. С. 29–35.
10. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
11. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного действия по Уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65–78.
12. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М.: РГУП, 2019. 224 с.
13. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М.: Эксмо, 2005. 1086 с.
14. Васильченко А. А. Разграничение мелкого хищения и уголовно наказуемых форм хищения // Уголовное право. 2003. № 4. С. 12–13.
15. Винокуров В. Н. Признаки и пределы малозначительности действия в уголовном праве // Современное право. 2017. № 6. С. 64–70.
16. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова [и др.]; под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.
17. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2023. 524 с.

18. Куцык В. П. Допустимость признания малозначительным деяния, формально содержащего признаки преступления, предусмотренного статьей 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский судья. 2024. № 8. С. 27–32.
19. Налимов Ю. Д. Критерии ограничения вандализма от малозначительного деяния // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 19. С. 486–499.
20. Хилюта В. В. Влияние личности преступника на оценку малозначительности деяния // Уголовное право. 2021. № 5. С. 54–61.

References

1. Obrazhiev K.V., Korsun D.Yu. A minor act in criminal law. Moscow: Prospekt; 2024. 232 p. (In Russ.)
2. Yakimenko N.M. Assessment of the insignificance of the act. Volgograd: VSSh; 1987. 28 p. (In Russ.)
3. Vinokurov V.N. Public danger and insignificance of the act. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2023;(10):3–11. (In Russ.)
4. Korneeva A.V. On the qualification of minor acts under the Criminal Code of the Russian Federation. *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk = Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences*. Is. 15. Moscow: Yurist; 2015. P. 1078–1082. (In Russ.)
5. Lyubavina M.A. Problems of gas theft qualification. *Vestnik Akademii general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office Russian Federations*. 2008;(4):24–28. (In Russ.)
6. Martynenko N. The insignificance of the act in judicial practice and the interests of the victim. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2012;(3):71–74. (In Russ.)
7. Sharapov R. The insignificance of theft of other people's property. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2020;(6):83–96. (In Russ.)
8. Vinokurov V.N. On the issue of the possibility of recognizing theft committed with illegal entry into a dwelling (paragraph "a" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation) as an insignificant act. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2023;(12):3–9. (In Russ.)
9. Sharapov R.D. Qualification of petty theft in the presence of qualifying signs provided for by criminal law. *Zakonnost' = Legality*. 2013;(7):29–35. (In Russ.)
10. Kuznetsova N.F. Crime and criminality. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; 1969. 232 p. (In Russ.)
11. Lopashenko N.A. About some problems in understanding a minor act under the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2019;(5):65–78. (In Russ.)
12. Pudovochkin Yu.E. The court's assessment of the public danger of the crime. Moscow: RGUP; 2019. 224 p. (In Russ.)
13. Zhalinskii A.E. (ed.) Educational and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Eksmo; 2005. 1086 p. (In Russ.)
14. Vasil'chenko A.A Differentiation of petty theft and criminally punishable forms of theft. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2003;(4):12–13. (In Russ.)
15. Vinokurov V.N. Signs and limits of insignificance of an act in criminal law. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2017;(6):64–70. (In Russ.)
16. Galakhova A.V. (ed.) Evaluative features in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation. Moscow: Norma; 2014. 736 p. (In Russ.)
17. Kadnikova N.G. (ed.) Criminal law. The general part. Moscow: Mosk. un-t MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya; 2023. 524 p. (In Russ.)

18. Kutsyk V.P. The admissibility of recognizing as insignificant an act formally containing the signs of a crime provided for in Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2024;(8):27–32. (In Russ.)
19. Nalimov Yu.D. Criteria for distinguishing vandalism from a minor act. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current problems of the state and law*. 2021;5(19):486–499. (In Russ.)
20. Khilyuta V.V. The influence of the criminal's personality on the assessment of the insignificance of the act. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2021;(5):54–61. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Плешаков Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pam7185@yandex.ru

Туманов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com

Alexander M. Pleshakov, Doctor of Sciences (Juridical), Chief Scientific, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: pam7185@yandex.ru

Alexander S. Tumanov, Candidate of Sciences (Juridical), Lecturer at the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikotya, Moscow, Russian Federation, e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

Оригинальная статья / Original article

УДК 321.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-163-173>

Основные векторы развития этнополитического процесса в современной России

Д. Л. Цыбаков¹✉

¹Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика
ул. Соколовская, д. 1А, г. Химки 141435, Российская Федерация

✉ e-mail: d413839@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Проблематика эволюции этнополитического процесса является одним из факто-ров стабильного политического развития современной России. Реальное состояние этнополитических отношений в Российской Федерации практически не соответствует наиболее распространенным экспертым оценкам прошлых лет. Руководствуясь этими во многом устаревшими представлениями, государственные институты испытывают затруднения в поиске эффективного инструментария урегули-рования межнациональных отношений в России XXI столетия.

Цель исследования – анализ основных векторов развития этнополитического процесса в совре-менной Российской Федерации.

Задачи исследования: систематизировать основные научные подходы к проблеме национального стро-ительства; выявить предпосылки и причины противоречий в сфере межнациональных отношений постсовет-ской России, рассмотреть основные векторы развития современного этнополитического процесса.

Методология. При решении задач исследования применялись структурно-функциональный, истори-ческий, компаративистский методы. Для уточнения параметров трансформации этнополитических от-ношений в Российской Федерации использовались положения конфликтологического, примордиалистского и конструктивистского подходов.

Результаты исследования. Содержание современного этнополитического процесса в России определяется столкновением векторов эндогенного и экзогенного содержания. Доминирующей проблемой остается неготовность экспертного сообщества и государственных институтов пересмотреть не оправдавшие себя концепции государственной национальной политики. Векторы этнополитического про-цесса в Российской Федерации в обозримой перспективе будут определяться столкновением таких ведущих стратегий, как «общегражданская идентичность», «мультикультурализм», и проекта «русской по-литической нации».

Выводы. Выявлены основные предпосылки и причины противоречий в межнациональных от ношениях российского общества. Они связываются с влиянием глобализационных процессов и специфическими условиями политических, экономических и социокультурных отношений в Российской Федерации. Аргу-ментируется необходимость корректировки традиционных подходов к реализации государственной национальной политики в современной Российской Федерации.

Ключевые слова: нация; этнос; этнополитический процесс; национальная политика; русская по литическая нация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов инте-ресов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Основные векторы развития этнополитического процесса в современ-ной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 163–173. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-163-173>

Поступила в редакцию 26.07.2024

Принята к публикации 03.09.2024

Опубликована 31.10.2024

© Цыбаков Д. Л., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(5):163-173

The main vectors of the development of the ethnopolitical process in modern Russia

Dmitry L. Tsybakov¹✉

¹ Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
1A Sokolovskaya Str., Khimki 141435, Russian Federation
✉e-mail: d413839@yandex.ru

Abstract

Relevance. The problem of the evolution of the ethnopolitical process is one of the factors of the stable political development of modern Russia. The actual state of ethnopolitical relations in the Russian Federation practically does not correspond to the most common expert assessments of the past years. Guided by these largely outdated ideas, state institutions are experiencing difficulties in finding effective tools for regulating interethnic relations in Russia of the 21st century.

The purpose of the study is to analyze the main vectors of the development of the ethnopolitical process in the modern Russian Federation

Research objectives: to systematize the main scientific approaches to the problem of nation-building, to identify the prerequisites for the causes of contradictions in the field of interethnic relations in post-Soviet Russia, to consider the main vectors of development of the modern ethnopolitical process.

Methodology. Structural-functional, historical, and comparative methods were used to solve the research tasks. To clarify the parameters of the transformation of ethnopolitical relations in the Russian Federation, the provisions of the conflictological, primordialist and constructivist approaches were used.

The results of the study. The content of the modern ethnopolitical process in Russia is determined by the collision of vectors of endogenous and exogenous content. The dominant problem remains the unwillingness of the expert community and state institutions to reconsider the concepts of the state national policy that have not justified themselves. The vectors of the ethnopolitical process in the Russian Federation in the foreseeable future will be determined by the collision of such leading strategies as "civil identity", "multiculturalism" and the project "Russian political nation".

Conclusions. The main prerequisites and causes of contradictions in the interethnic relations of Russian society are revealed. They are associated with the influence of globalization processes and the specific conditions of political, economic and socio-cultural relations in the Russian Federation. The need to adjust traditional approaches to the implementation of state national policy in the modern Russian Federation is argued.

Keywords: nation; ethnos; ethnopolitical process; national politics; Russian political nation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsybakov D.L. The main vectors of the development of the ethnopolitical process in modern Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):163–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-163-173>

Received 26.07.2024

Accepted 03.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Состояние этнополитического процесса в современной России отличает многовекторный и конфликтогенный характер. Несмотря на происходящую под влиянием глобализации унификацию этнокультурного пространства и эрозию национальных идентичностей, практиче-

ски во всех современных политиях отмечаются тенденции противоположного свойства. Идеологизация и политизация процесса национального строительства служат одним из основных факторов современных общественных отношений [1, с. 22].

Для российского политического процесса значение национального вектора актуализируется на фоне событий 2020-х гг. За прошедшее после суверенизации бывших союзных республик СССР время этнополитические процессы носили нестабильный, прерывистый и волннообразный характер. На деле периоды межэтнической напряженности в постсоветской России менялись фазами условно стабильной этноконфессиональной коммуникации.

Этнополитический процесс в Российской Федерации с момента распада СССР определялся такими факторами, как «парад суверенитетов» начала 1990-х гг., эскалация этнического экстремизма на рубеже XX–XXI столетий, а также затяжной этнополитический конфликт в Чечне и на Северном Кавказе. Как следствие в большинстве национально-территориальных субъектов Федерации оформились бюрократические этнократии, узурпировавшие артикуляцию интересов так называемых «титульных этносов», в ключевых регионах страны структурировались криминальные этнические диаспоры, поощряющие как внутреннюю, так и внешнюю миграцию. Еще одним следствием этнополитического процесса на протяжении многих лет, вплоть до начала Русской весны 2014 г., являлась идеино-политическая дезориентация социально активных представителей русского этноса. Однако процессы, развернувшиеся на фоне полномасштабной эскалации отношений Запад – Россия в 2014–2024 гг., детерминируют трансформацию основных векторов этнополитических коммуникаций, что становится проблемным полем современной политической науки.

Методология

Устоявшиеся в исследовательском и экспертном сообществах подходы к проблематике состояния этнополитического процесса сводятся к таким группам, как конфликтологический, примордиалистский, конструктивистский методы. Из

них важное значение имеет конфликтологический метод, акцентирующий внимание на поляризации социально-экономического развития. Именно социальное размежевание в обществе представляется сторонниками конфликтологии как дeterminанта этнической мобилизации и появления политических наций [2, с. 38].

Вместе с тем в российской науке широко распространен примордиалистский подход, восходящий к наследию академика Ю. Бромлея [3]. Причем основной предпосылкой структурирования этносов называется обстановка противоборства между ними: национальное самоопределение называлось ключевым критерием институционализации этнического сообщества в качестве самостоятельного субъекта [4, с. 124]. Социализация индивида как элемента политической нации, таким образом, имеет вторичный характер по сравнению с осознанием принадлежности с доминирующей этнической группой.

В свою очередь, конструктивистский подход трактует межнациональные отношения как итог социального проектирования национальных интеллектуальных кругов, в развитие чего конструктивистский дискурс концентрирует внимание на проблеме этнической идентификации в контексте влияния факторов истории, традиций и культуры [5, с. 40].

В отечественной политологии этнополитический процесс рассматривается чаще всего в фокусе соотношения гражданского, политического и этнического компонентов в массовом социальном сознании. В контексте эскалации межнациональной напряженности и построения национально-территориальной федеративной модели в 1990-е гг. прорабатывался вопрос поиска баланса между этнической идентификацией и общенациональной идеологической принадлежностью.

Наряду с отмеченным противоречием векторы этнополитических отношений в современной России проявляются в

синхронизации политico-экономической и социокультурной интеграции одновременно в атлантическое и евразийское цивилизационные пространства [6, с. 9].

Результаты и обсуждение

В современной России тенденции этнополитики детерминированы незавершенностью официально поддерживаемой гражданской идентичностью, конкуренцию которой составляют региональная и конфессиональная идентификации социальных групп и сообществ. Однако основной причиной вызовов этноконфессиональной стабильности назовем поляризацию и расслоение социума Российской Федерации по социально-экономическому критерию, причиной чего выступали радикальные либеральные реформы. В области межнациональных отношений деконструкция прежней социально-политической системы обернулась нарастанием этнического и религиозно-политического экстремизма. Однако его проявления были нивелированы в первые десятилетия XXI столетия. Причинами этого называется улучшение социально-экономической ситуации, повышение уровня жизни и укрепление государственных институтов Российской Федерации. В научных трудах российских ученых ведется интенсивная полемика относительно параметров и характера стабилизации этнополитического процесса в Российской Федерации в указанный временной период. Значительный вклад в осознание этнополитических процессов на региональном уровне вносят научные разработки Ф. С. Файзуллина [7]. Роль института средств массовой информации в освещении проблематики межнациональных отношений рассматривалась в исследовательской деятельности Ю. П. Шабаева [8]. Актуальные проблемы теории этнополитики нашли отражение в научных работах В. М. Шевцова [18]. Специфика протекания этнополитических процессов на Северном Кавказе раскрывалась в исследованиях М. Б. Шоровой [10].

Методология анализа этнополитических процессов регионального масштаба прорабатывалась российским ученым И. В. Юрченко [11].

Отметим, что к началу 2020-х гг. ситуация в сфере этнополитического процесса вновь изменилась и усугубляется масштабной миграцией в границы Российской Федерации этнических сообществ из новых независимых государств СНГ. Численность многих диаспор, осваивающих наиболее развитые российские регионы, постепенно стала превышать количество населения в республиках их первоначального расселения. Такому ходу событий способствует государственная политика, продиктованная корпоративными утилитарными интересами финансово-промышленных групп и связанных с ними бюрократических структур и лоббистов. Результатом становится ускоренная легализация уроженцев из ближнего зарубежья при фактическом отказе от их социальной и культурной интеграции в российский социум.

Отмеченное обстоятельство во многом продиктовано содержанием глобализационных процессов, наступлением очередной эпохи «переселения народов». Таковое отвечает устремлениям транснациональных акторов, объективно нацеленных на ограничение национально-государственного суверенитета и эрозию современных политических наций. В условиях глобализационных катаклизмов государство уже не способно столь же надежно управлять этнополитическим процессом, как это было в индустриальном обществе [12, с. 32].

Другим важным фактором этнополитического развития России в обозримом будущем будет оставаться наличие социальных сообществ с устойчивыми антироссийскими идеяными предпочтениями, подвергавшихся и подвергающихся пропагандистской и идеологической обработке в контексте радикального национализма и русофобии.

Таким образом, в современной России сформировались условия, подрывающие гипотетическую национально-политическую однородность социума. Традиционное для российской цивилизации этническое многообразие в ситуации XXI столетия дополняется весьма интенсивным пополнением структуры межнациональных отношений устойчивыми и активными компонентами, не разделяющими ценности отечественной государственной традиции и общероссийской исторической памяти. Примерами продолжают оставаться действия некоторых бывших граждан Украины в освобожденных регионах Новороссии или навязывание лидерами общественного мнения населению республик Северного Кавказа чувства сопричастности к одной из сторон израильско-палестинского конфликта.

Отмеченные выше тенденции во многом универсальны и имеют под собой специфику перехода к постиндустриальному обществу. Такая трансформация оценивается как противоречивый, весьма напряженный и конфликтогенный этап мирового политического процесса. Одним из типичных конфликтов постиндустриальной эпохи глобализации называют и конфликт идентичностей [13, с. 23]. Таковой характерен для обществ, отождествляющих себя не с суверенным государством, а с устойчивой этнической, конфессиональной или лингвистической группой.

Приведенные выше критерии необходимо учитывать при осмыслении проблем развития межнациональных отношений в современной России. Помимо «цивилизационных разломов», проходящих непосредственно по территории исторической России, немаловажное значение сохраняют и внутренние проблемные аспекты этнополитического процесса. Выделяются субэтносы, этноклановые группы, существенным образом отличающиеся по своей идентификации как от исторически доминирующего «большого этноса», т. е. русского народа, так и про-

двигающие идейную сепарацию от собственных «титульных» этносов, вследствие чего наблюдается искажение патриархальных традиций среди этнических групп, не полностью или частично охваченных процессами модернизации XX столетия. Этнополитический процесс на этом уровне развивается в контексте трайбалистского вектора – родоплеменные ментальные установки доминируют над национальными и государственными идеологическими ценностями. В данном контексте следует принять во внимание и попытки искусственного конституирования новых «квазинациональностей», волонтистским образом выделяемых из субэтносов русского народа – «поморов», «ингерманландцев», «казачьего народа».

Сложившаяся ситуация объективно противоречит экспертным оценкам прошлых лет и разработанным на их основе стратегиям государственной национальной политики [14, с. 45]. В основе последних на протяжении практически всего постсоветского периода пребывала идеализация тех аспектов этноконфессиональных отношений, которые могут трактоваться не в качестве достижений, а в качестве факторов риска и вызова для этнополитической стабильности Российской Федерации. В развитие чего полиэтнический и поликонфессиональный характер социума в случае ослабления федеральной власти и экономической дестабилизации актуализирует межнациональные противоречия, воспроизводит конфликтогенный характер отечественного этнополитического процесса.

Еще одним провоцирующим фактором становится формирование новых секторов «теневой экономики», интегрированных с транснациональными этническими мафиейами. Криминализация и религиозный радикализм существенным образом деформируют менталитет и массовое сознание мигрирующих в Российскую Федерацию народностей. Отказываясь от интеграции в российский социум, они одновременно утрачивают взаимосвязь с

прежней социокультурной традицией, сочетая свою лумпенизацию с завышенной идеальной самооценкой. Следствием чего становится постепенная ассимиляция титульных народов России вновь прибывающими этническими группами, как правило имеющими собственные национальные государства.

В качестве предварительных выводов определим, что ориентация государственной национальной политики одновременно на укрепление и этнокультурной, и гражданско-государственной идентичности в современных условиях фактически перестает отвечать стабилизации этнополитического процесса. Причиной можно назвать влияние внешних факторов, продиктованных как универсалистскими тенденциями глобализации, так и опасностями индоктринации этнического национализма в политике новых независимых государств СНГ. Возникающие негативные последствия закономерно вызывают вопросы по поводу соответствия устоявшейся концепции «России как страны наций» принципам укрепления национальной безопасности страны. Обратим внимание, что в ситуации полномасштабной конфронтации с атлантическим блоком, начавшейся в 2022 г., утрачивают свою обоснованность научные концепты и доктрины, объясняющие российский этнополитический процесс исходя из ситуации начала столетия.

Если на протяжении двух десятилетий близкие к либеральным элитам эксперты практически не принимали во внимание внешний фактор российского этнополитического процесса, то после событий «Русской весны» 2014 г. ситуация стала принципиально иной. Как отмечается О. Ф. Русаковой, на Западе были инициированы ранее законсервированные настроения и практики русофобии [15, с. 33]. Приведенное мнение следует признать близким к истине, но весьма сдержаным и осторожным. Факты свидетельствуют, что дискриминация русской общины властями постмайдан-

ной Украины стала приобретать черты геноцида и создала очевидные угрозы национальной безопасности России. После начала специальной военной операции в 2022 г. со стороны киевских властей и патронирующих их атлантических элит фактически ведется не просто противоборство с российским государством, но и с русским народом в ареале его исторического проживания.

Основные усилия прилагаются для разрушения русской этнополитической идентичности, где бы ее обладатели не проживали, формированию «комплекса вины». Через СМИ, социальные сети ведутся пропагандистские кампании по навязыванию стереотипов неполноценности исторической национально-государственной традиции современной России. На Украине и в странах Прибалтики дискриминирующие меры проводятся на законодательном уровне, в государствах Европы, США, Канаде они явочным порядком внедряются в деятельность мас-медиа, переносятся в область компетенции системы образования и воспитания. Схожие тенденции постепенно распространяются и на национальную политику стран СНГ, включая союзников России по Евразийскому экономическому союзу и Организации Договора коллективной безопасности. В результате чего уроженцы государств ближнего зарубежья, в системном порядке перемещаемые на территорию Российской Федерации, оказываются предварительно подвержены антироссийской и антирусской идеологической обработке. Тем самым формируется и укрепляется деструктивная социальная основа для дестабилизации этнополитического процесса в России XXI столетия. Кроме того, эксперты отмечают нарастающий социокультурный раскол между светской и религиозно ориентированной частями региональных сообществ, что выражается не только в территориальном, но и в этническом аспектах [16, с. 207].

Наиболее пагубным последствием происходящих трансформаций становится уклонение части «политического класса» и бизнес-элит Российской Федерации от осознания характера и масштаба формирующихся вызовов и угроз. Доказательством чего можно назвать попытки перестроить национальную политику государства на основе принципов «мультикультурализма», приходящиеся на время эскалации напряженности в этнополитических отношениях начала 2020-х гг. При помощи пропагандистских приемов и административного ресурса в массовое сознание внедряются постулаты терпимости по поводу радикального переформатирования этнонационального состава российского социума. В продолжение чего и в экспертной среде отмечены попытки обосновать позитивный эффект от наличия этнических диаспор, которые противопоставляются замкнутым национальным анклавам [17, с. 100]. Представляется, что оправдываемая сторонниками указанной точки зрения социальная активность диаспор на самом деле нацелена не на поиск модели интеграции эмигрантов в российский социум. Действия неформальных этнических лидеров, помимо прочего, ориентированы на институционализацию этнополитического размежевания со старожильческим населением в месте их нового проживания. Доказательством осознания таких намерений со стороны новых этнических сообществ органами публичной власти имеет смысл назвать отзыв в июне 2024 г. с рассмотрения Государственной Думой законопроекта № 563487-8 о придании консультативных функций национально-культурным автономиям в отношениях с региональными и муниципальными органами управления.

Попытки использовать в целях национальной политики такой вектор, как мультикультурализм, совершенно не учитывают реалии этнополитического процесса современности. Например, правительства ведущих европейских госу-

дарств еще в 2010-е гг. признали провал проекта «мультикультурного общества» [18, с. 41], что подтверждается неприятием российским общественным мнением процесса этнизации социальных групп [19, с. 15].

В свою очередь, общественные круги и патриотические интеллектуальные группы противопоставляют либерально-глобалистским проектам собственный этнополитический дискурс. Идеологическим ответом на мировоззренческую и идеологическую экспансию извне становится популяризация концепта «русской политической нации» в российском обществе. Один из его основоположников, политолог М. В. Ремизов отмечал, что запрос на «реставрацию русского» становится приоритетным инструментом преодоления противоречия между идеей государственного единства и практикой многонационального федеративного государства [20, с. 5]. Теперь же проект «политической русской нации» еще более актуализирован, поскольку позволяет противостоять не только деформациям федеративных отношений, но стратегиям диаспоризации и «балканизации» России.

В период 2022–2024 гг. обращение к необходимости защиты русского населения Украины является одним из магистральных направлений государственной политики Российской Федерации, будучи подкреплено официальной риторикой и принятыми политико-правовыми решениями.

Впервые за историю отечественного федерализма структура субъектов Российской Федерации пополнилась за счет русских национальных республик – ДНР и ЛНР, причем количество таких регионов в среднесрочной перспективе может возрасти. Наряду с чем фиксируется появление общественных объединений по защите прав и достоинства русских и других народов России – «Северный человек» или «Русская община ZOV». Их предшественники в 2010-е гг. обвинялись в радикализме и подвергались пра-

вовому запрету. Однако спустя десять лет деятельность таких объединений осуществляется в тесной координации с институтами исполнительной государственной власти.

В условиях затяжного противостояния с украинским националистическим режимом и поддерживающей его атлантической коалицией Вооруженные силы Российской Федерации вновь приобретают значение одного из основных акторов нациостроительства. Российская армия, командный состав которой в основном этнически и ментально однороден, приобретает значение «плавильного котла», благодаря которому происходит мировоззренческая интеграция социально активных индивидов разных национальностей и этнических групп путем их приобщения к русской военной традиции.

Выводы

Таким образом, в обозримой перспективе этнополитический процесс современной России будет определяться следующими векторами. Первый из них характеризуется новым витком конфликтогенности межнациональных отношений. В 2020-е гг. этнополитические противоречия, помимо социокультурных и идейных предпосылок, ранее стимулированные маргинальной национальной интеллигенцией, теперь дополняются политико-экономическим соперничеством, за которым стоят этнические мафии и клановые группировки.

Во-вторых, современная этнополитика все более зависит от влияния глобализационных процессов, которые не были столь ощущимы в 1990-е гг. Они объективно ориентированы на унификацию этнокультурного пространства и подрыв национально-государственного суверенитета, следствием чего назовем попытки государственной бюрократии проводить элементы политики «мультикультурализма», что в условиях военно-политического конфликта с Западом провоциру-

ет подрыв внутриполитической стабильности.

В-третьих, этнополитический процесс России испытывает угрозу со стороны укрепления агрессивного национализма в странах ближнего зарубежья, прежде всего на Украине, в странах Прибалтики и в Молдавии. Аналогичные тенденции проявляются и в политических системах официальных союзников России по ЕАЭС и ОДКБ.

В сложившейся ситуации доминирующая ранее доктрина «общероссийской идентичности» перестает удовлетворять насущным политическим и идеологическим задачам национальной политики. Будучи весьма сложной по своей смысловой конструкции, опираясь на абстрактные для большинства граждан «общечеловеческие ценности», толерантность и гуманизм, она не учитывает ситуацию опасности для дальнейшего существования государственно образующего народа России. Кроме того, концепт «общероссийской идентичности» не учитывает воздействие внешнего фактора на современный этнополитический процесс, не принимает во внимание дискrimинацию государственно образующего народа, как в некоторых российских национальных автономиях, так и в странах ближнего зарубежья.

В качестве адекватного ответа со стороны гражданского общества и государственной власти представляется сохранение национальной идентичности русского народа. В условиях вооруженного конфликта решение такой задачи обретает новый субъектный состав. Акторами национального строительства становятся институты, призванные обеспечивать потребности национальной безопасности: массовая армия, патриотические общественные организации, средства электронной коммуникации и социальные сети. Вместе с тем стабилизация этнополитического процесса будет зависеть от модернизации государственной политики в социальной и экономической

сферах, от способности «политического класса» и государственных администраторов пойти на отказ от экстенсивной

модели развития и на преодоление сохраняющегося социального неравенства.

Список литературы

1. Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
2. Горовиц Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2. С. 29–38.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
4. Полунов А. Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 124–133.
5. Белозёров В. К. Методы анализа стратегических культур // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 15(5). С. 29–49.
6. Аблеев С. Р. Евразийское пространство и geopolитический полицентризм // Философские исследования и современность. 2019. Вып. 8. С. 9–14.
7. Файзуллин Ф. С. Этнический статус и этнические интересы как факторы, определяющие национальную политику в регионе // Проблемы востоковедения. 2012. № 2(56). С. 16–21.
8. Шабаев Ю. П. Роль СМИ в освещении проблем этнополитики на Севере (на примере средств массовой информации Ненецкого округа) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2003. № 5. С. 106–114.
9. Шевцов В. М. Актуальные проблемы теории этнополитики. М.: Изд. дом «УМЦ», 2023. 100 с.
10. Шорова М. Б. Этнополитические процессы в современной Кабардино-Балкарии: конфликты и пути их преодоления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 13. С. 65–75.
11. Юрченко И. В. Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 1. С. 15–20.
12. Усманов Р. Глобализация и этнополитический процесс в современной России // Россия и мусульманский мир. 2015. № 3. С. 20–32.
13. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–23.
14. Федякин А. В. Приоритеты государственной культурной политики Российской Федерации и императивы укрепления общероссийской национальной идентичности // Вестник российской нации. 2021. № 4. С. 9–45.
15. Русакова О. Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 2. С. 32–51.
16. Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Миграционный фактор этнополитических процессов на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-7. С. 206–210.
17. Топилина А. В. Роль диаспоризации и анклавизации в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3(98). С. 95–100.
18. Левикова С. И. Мультикультурализм как социальная проблема, или чем отличается «мультикультурализм» от «поликультурности» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3(88). С. 37–41.

19. Бараш Р. Э. Нормативные и социальные предпосылки реализации политики мультикультурализма в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (112). С. 5–15.
20. Ремизов М. В. Русские и государство: национальная идея до и после «крымской весны». М.: Эксмо, 2016. 398 с.

References

1. Tishkov V.A. From ethnos to Ethnosity and after. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. 2016;(5):5–22. (In Russ.)
2. Gorovic D. L. The structure and strategy of ethnic conflict. *Vlast' = Power*. 2007;(2):29–38. (In Russ.)
3. Bromlej Y.V. Essays on the theory of ethnicity. Moscow: Nauka; 1983. 412 p. (In Russ.)
4. Polunov A.Y. All-Russian civic identity: conceptual foundations and regional implementation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2023;(96):124–133. (In Russ.)
5. Belozyorov V.K. Methods of analysis of strategic cultures. *Kontury global'nykh transformacij: politika, ekonomika, pravo = The contours of global transformations: politics, economics, law*. 2022;(15):29–49. (In Russ.)
6. Ableev S.R. The Eurasian space and geopolitical polycentrism. *Filosofskie issledovaniya i sovremennost' = Philosophical research and modernity*. 2019;(8):9–14. (In Russ.)
7. Fajzullin F.S. Ethnic status and ethnic interests as factors determining national policy in the region. *Problemy vostokovedeniya = Problems of Oriental Studies*. 2012;(2):16–21. (In Russ.)
8. Shabaev Y.P. The role of the media in covering the problems of ethnopolitics in the North (on the example of the media of the Nenets District). *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2003;(S):106–114. (In Russ.)
9. Shevcov V.M. Actual problems of the theory of ethnopolitics. Moscow: Izd. dom “UMC”; 2023. 100 p. (In Russ.)
10. Shorova M.B. Ethnopolitical processes in modern Kabardino-Balkaria: conflicts and ways to overcome them. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept" = Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2014;(13):65–75. (In Russ.)
11. Yurchenko I. V. Theory of discourse as a methodology of conflictological analysis of regional ethnopolitical processes. *Social'no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2023;13(1):15–20. (In Russ.)
12. Usmanov R. Globalization and the ethnopolitical process in modern Russia. *Rossiya i musul'manskij mir = Russia and the Muslim world*. 2015;(3):20–32. (In Russ.)
13. Inghart R. Postmodernism: Changing values and changing societies. *Polis. Politicheskie issledovaniya = The policy. Political research*. 1997;(4):6–23. (In Russ.)
14. Fedyakin A.V. Priorities of the state cultural policy of the Russian Federation and imperatives of strengthening the All-Russian national identity. *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of Russian nation*. 2021;(4):9–45. (In Russ.)
15. Rusakova O.F. The discourse of the state policy of memory as a factor in the formation of national identity in modern Russia. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*. 2023;20(2):32–51. (In Russ.)
16. Avksent'ev V.A., Ivanova S.Y., Shul'ga M.M. Migration factor of ethnopolitical processes in the North Caucasus. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2022;(91-7):206–210. (In Russ.)

17. Topilina A.V. The role of diasporization and enclavization in ensuring the national security of the Russian Federation. *Yurist"-Pravoved"* = *Jurist-Pravoved*. 2021;(3):95–100. (In Russ.)
18. Levikova S.I. Multiculturalism as a social problem, or How "multiculturalism" differs from "multiculturalism". *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2014;(3):37–41. (In Russ.)
19. Barash R.E. Normative and social prerequisites for the implementation of multiculturalism policy in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2012;(6):5–15. (In Russ.)
20. Remizov M.V. Russians and the State: the national idea before and after the "Crimean Spring". Moscow: Eksmo; 2016. 398 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Цыбаков Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, г. Химки, Российская Федерация, e-mail: d413839@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8240-6415

Dmitry L. Tsybakov, Doctor of Sciences (Political), Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russian Federation, e-mail: d413839@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8240-6415

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-174-184>

Военная цензура в России в 1914–1918 годы: структура, особенности работы, документальное наследие

И. К. Богомолов¹✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: bogomolov@jinion.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с сохраняющимися проблемами контроля и доступа к информации в современном информационном обществе.

Цель исследования: дать системное представление о военной цензуре в России в 1914–1918 годы в контексте развития позднеимперского государственного механизма.

Задачи: анализ структуры, деятельности, кадрового состава военной цензуры в России в годы Первой мировой войны; сосредоточение имеющейся на сегодняшний день информации о документах военной цензуры, хранящихся в различных российских и зарубежных архивах.

Методы. Для анализа структуры и функций военной цензуры использовался историко-типологический метод, при исследовании ее развития в годы Первой мировой войны – историко-генетический метод. Исследование кадрового состава, особенностей работы разных направлений цензуры производилось при помощи историко-сравнительного метода.

Результаты. В работе проанализированы законодательные основы и деятельность военной цензуры в России в годы Первой мировой войны. Показано, что военная цензура представляла собой сложную, многоуровневую структуру, не имевшую единонаучалия и включавшую в себя представителей разных, подчас конфликтующих между собой ведомств. Эти особенности обусловили «разбросанность» документального наследия органов военной цензуры по многочисленным фондам российских и зарубежных архивов.

Выводы. Сложность структуры военной цензуры создавала многочисленные сложности в практике цензурного контроля. Хроническими недостатками русской цензуры военных лет были противоречивость решений, непоследовательность и недостаточная проработка нормативно-правовой базы, что зачастую вело к использованию военной цензуры в чисто политических целях (например, для цензуры речей оппозиционных депутатов Думы). Проблемы военной цензуры усугублялись хроническим дефицитом финансирования, недобором и большой «текучкой» кадров. В результате вместо того, чтобы стать эффективным орудием в руках правительства, военная цензура стала одним из факторов политического кризиса в России накануне революции 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война; военная цензура; Главная военно-цензурная комиссия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Богомолов И. К. Военная цензура в России в 1914–1918 годы: структура, особенности работы, документальное наследие // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 174–184. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-174-184>

Поступила в редакцию 26.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

© Богомолов И. К., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(4):174-184

Military censorship in Russia in 1914–1918: structure, features of work, documentary legacy

Igor K. Bogomolov¹

¹ Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

 e-mail: bogomolov@inion.ru

Abstract

The relevance of the research topic is related to the continuing problems of control and access to information in the modern information society.

The purpose of the study is to provide a systematic understanding of military censorship in Russia in 1914–1918 in the context of the development of the late Imperial state mechanism.

Objectives analysis of the structure, activities, and personnel of military censorship in Russia during the First World War; concentration of currently available information on documents of military censorship stored in various Russian and foreign archives.

Methodology. The historical and typological method was used to analyze the structure and functions of military censorship, and the historical and genetic method was used to study its development during the First World War. The study of the personnel, the peculiarities of the work of different areas of censorship was carried out using the historical and comparative method.

Results. The paper analyzes the legislative framework, structure and directions of military censorship in Russia during the First World War. It is shown that military censorship was a complex, multi-level structure that had no unity of command and included representatives of different, sometimes conflicting departments. These features led to the «scattering» of the documentary heritage of the military censorship authorities in numerous collections of Russian and foreign archives.

Conclusions. The complexity of the structure of military censorship created numerous difficulties in the practice of censorship control. The chronic disadvantages of Russian censorship during the First world war years were contradictory decisions, inconsistency and insufficient elaboration of the regulatory framework, which often led to the use of military censorship for purely political purposes (for example, to censor speeches by opposition Duma deputies). The problems of military censorship were aggravated by a chronic shortage of funding, shortage and high turnover of personnel. As a result, instead of becoming an effective tool in the hands of the government, military censorship became one of the factors of the political crisis in Russia on the eve of the Russian revolution.

Keywords: World War I; military censorship; Main Military Censorship Commission.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bogomolov I.K. Military censorship in Russia in 1914–1918: structure, features of work, documentary legacy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):174–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-174-184>

Received 26.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Обширная и многогранная тема цензуры в годы Первой мировой войны получила развитие в историографии лишь в последние два десятилетия. В советский период фактически не было обобщающих работ по истории цензуры позднеимперского периода, а документы военной цен-

зуры использовались в основном в качестве иллюстративного материала, наглядно показывавшего формы и методы борьбы царского режима с «революцией» и за настроения и умы армии [1]. В современных исследованиях только начинают раскрываться такие сюжеты, как структура [2], кадровый состав [3], по-

вседневная работа цензуры [4] в 1914–1918 гг. В руках историка есть обширная и до сих пор малоизученная источниковая база дореволюционной военной цензуры, документы которой, однако, «разбросаны» по десяткам фондов российских и зарубежных архивов. Это усложняет проведение обобщающих исследований, которые уже назрели, учитывая появление в последние годы достаточно-го количества работ, основанных на отдельных фондах и «местном», провинциальном материале [5]. В данной статье мы попытаемся показать особенности работы и структуры цензуры в России в годы Первой мировой войны, свести воеди-но информацию о ее документальном наследии.

Методология

Историко-типологический метод позволил провести всесторонний анализ структуры и функций военной цензуры, ее организационно-правовой самобытно-сти в годы Первой мировой войны. Воен-ная цензура являлась, с одной стороны, частью общей цензурной системы, с дру-гой – приобрела неповторимые черты, характерные для всего позднеимперского государственного механизма: отсутствие единоначалия, ведомственность, органи-зационно-правовая разнородность в зави-симости от территории и ее близости к фронту.

Использование историко-генетиче-ского метода позволило проследить дина-мику структурных и организационных изменений военной цензуры, ее меняю-щейся роли и места во внутриполитиче-ских процессах накануне революции 1917 г.

Исследование кадрового состава, особенностей работы разных направле-ний цензуры производилось при помощи историко-сравнительного метода. В 1914–1918 гг. в воюющих государствах Европы сформировалось несколько орга-низаціонных моделей военной цензуры, различавшихся структурой, местом в си-

стеме органов государственной власти, широтой полномочий, возможностями влияния на общественно-политические процессы, принципами повседневной ра-боты и подбора кадров. Русская военная цензура отличалась децентрализованно-стью, ведомственной и кадровой неодно-родностью, непоследовательностью и ошибками в работе. Все эти черты не бы-ли присущи только русской военной цен-зуре, через подобные ошибки и организа-ционные трудности проходили цензур-ные системы всех воюющих государств. Основные отличия заключались в вы-бранных путях решения проблем и по-вышения эффективности работы. В этом смысле неоднократно происходившее за годы Первой мировой войны реформиро-вание военной цензуры в России не было завершено и не принесло качественного улучшения, что было вызвано экономи-ческими, кадровыми, внутриполитиче-скими причинами.

Результаты и их обсуждение

20 июля 1914 г. в России было введе-но в действие «Временное положение о военной цензуре» (далее – «Временное положение»), разрабатывавшееся с 1909 г. [6] Вводилась предварительная цензура печати, отмененная в 1905 г. При Глав-ном управлении Генерального штаба бы-ла создана Главная военно-цензурная ко-миссия (ГВЦК). В нее входили предста-вители не только военного и морского министерств, но и МВД, МИД, министер-ства юстиции. Важно отметить, что большинство в комиссии составляли представители МВД: от Главного управ-ления по делам печати (ГУДП), Главного управления почт и телеграфов (ГУПТ) и Департамента полиции. Подобная струк-тура (за исключением представителей МИД и министерства юстиции) была и в местных комиссиях, созданных при шта-бах военных округов и фронтов. Военно-цензурная система значительно усложня-лась из-за разделения территории страны на зоны «полной» (на театре военных

действий) и «частичной» военной цензуры. В прифронтовых губерниях цензура, как и большинство других вопросов внутреннего управления, подчинялась военным властям. В результате, например, ГВЦК была фактически отстранена от контроля над цензурой на фронтах и направляла работу лишь тыловых штабных комиссий.

В условиях «обновленного строя» в 1906–1914 гг. цензура официально из предварительной превратилась в «карательную»: автор и издатель могли выпустить книгу, газету или журнал, но за содержание по-прежнему несли ответственность. Сохранившееся ГУДП оставалось в подчинении МВД и заведовало обширной сетью цензурных установлений в столицах и провинции (комитеты и инспекторы по делам печати, инспекции книгопечатания и книжной торговли). При этом сохранялись и некоторые виды предварительной цензуры. Так, драматическая цензура при ГУДП имела право не допустить постановку той или иной пьесы. Цензура иностранная, как и в XIX в., просматривала все прибывавшие в Россию зарубежные печатные издания. Наконец, цензура Министерства императорского двора (МИДв) по-прежнему имела право предварительного просмотра произведений печати и искусства, в которых упоминались или изображались Николай II, царская семья и другие члены императорской фамилии.

С началом войны все эти цензурные органы не были упразднены, сохранилось их подчинение, структура, кадровый состав. При этом «Временное положение» фактически инкорпорировало их в общую военно-цензурную систему. В ее основу была заложена не унификация и централизация, а межведомственное взаимодействие: военное министерство, МВД, МИДв, МИД, министерство юстиции должны были объединить усилия для соблюдения военной тайны и недопущения разглашения сведений, могущих быть «вредными для военных интересов госу-

дарства». Эта формулировка из ст. 31 «Временного положения» заложила основы для политизации военной цензуры, которая была тем более вероятной, что военными цензорами в результате указанного межведомственного взаимодействия становились члены комитетов по делам печати, почтово-телеграфные чиновники и другие гражданские чины. С первых дней войны они фактически составляли кадровую основу военной цензуры, что неизбежно вело к ее политизации, использованию в борьбе с оппозиционными настроениями в печати, в речах и собраниях, на думской трибуне. В условиях политического кризиса лета 1915 г. деполитизация цензуры, введение ее в строгие «военные» рамки стала важнейшей задачей, которая, однако, так и не была решена до Февральской революции [7].

Основной массив документов военно-цензурных комиссий отложился в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Фонд ГВЦК (ф. 13835) назван по тому, как комиссия называлась уже после организационных реформ лета 1917 г. – «Центральное военное почтово-телефрафное контрольное бюро». Более ста дел фонда содержат в основном переписку комиссии по поводу организации цензуры в тыловых губерниях империи. Местные цензоры просили решить, насколько та или иная статья в газетах, то или иное задержанное письмо соответствует установленным правилам цензурного контроля (прежде всего – постоянно обновлявшегося «Перечня» запрещенных к публикации сведений [8]). ГВЦК, таким образом, выступал чаще всего в роли арбитра при решении особо сложных и спорных ситуаций.

Запросы, отправленные в Петроград из прифронтовых военно-цензурных комиссий, касались в основном газетных статей. Разделение страны на зоны «полной» и «частичной» цензуры привело к многочисленным противоречиям и не-

стыковкам. Одна и та же статья могла быть разрешена в одной газете, но запрещена в другой. Нередки были случаи, когда цензоры запрещали одну и ту же статью для газет, выходивших в одном городе [7, с. 99–101]. ГВЦК занималась также общими вопросами структуры военно-цензурных органов, организацией труда, к ней обращались по проблемам бытового характера. При этом, хотя комиссия подчинялась ГУГШ в Петрограде, к собственно столичной военной цензуре она почти не имела отношения. Так как Петроград был в зоне «полной» военной цензуры, ее организацией с начала войны занимался штаб VI армии, располагавшийся в Петроградском военном округе. Уже осенью 1914 г. была создана отдельная Петроградская военно-цензурная комиссия (ПВЦК), взявшая на себя все организационные и хозяйственные вопросы по столице. Тем не менее на ГВЦК смотрели как на главный военно-цензурный орган и обращались к нему по разным вопросам, на что председатель комиссии генерал А. И. Звонников множество раз отвечал, что ГВЦК не уполномочена решать вопросы на территории театра военных действий. К примеру, столичные «Биржевые ведомости» посыпали генералу свои гранки, хотя он их точно не должен был просматривать [9]. При реформе военной цензуры, проведенной Временным правительством летом 1917 г., ГВЦК была переименована в Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро, однако новых функций по управлению столичной и прифронтовой цензурой не получила и в таком двойственном положении просуществовала до весны 1918 г.

Наиболее крупной в годы Первой мировой войны была военная цензура в Петрограде. Ее документы в основном сосредоточены в фонде ПВЦК в РГВИА (ф. 13836). Масштабы столичной цензуры видны уже по величине фонда: 808 дел. Также документы комиссии отложились в фонде Петроградского военного округа

[10]. Другая опись этого фонда содержит документы военно-цензурного отделения [11], действовавшего обособленно от ПВЦК и ставшего частью длительной аппаратурной борьбы в столичных военных «верхах» за влияние на петроградскую цензуру.

Бороться действительно было за что: военная цензура быстро стала политическим инструментом, способом влияния на печать, и за годы войны разрослась до нескольких тысяч человек, десятков ответвлений и направлений работы. ПВЦК руководила сложным конгломератом цензоров, работавших на почте и телеграфе, в местном комитете по делам печати, портовой таможне и на Финляндском вокзале. Петроград на тот момент – крупнейший в стране центр полиграфической промышленности, здесь выходили сотни газет и журналов, ежегодно выпускались тысячи книг и брошюр на десятках языков. Для просмотра такого объема печати необходимо было большое количество цензоров, от которых требовалось не только знание языков и «Перечня» запрещенных сведений, но и внимательность, усидчивость. Дежурства в петроградской военной цензуре проходили в две, иногда в три смены. Первая смена работала по ночам, чтобы успеть просмотреть гранки утренних газет до их выхода в свет. Вторая и третья смены смотрели дневные и вечерние издания, а также книги и журналы. Основная работа с газетами и журналами шла в военной цензуре при Петроградском комитете по делам печати, документы которой отложились в отдельном фонде в РГИА (ф. 778).

Часть переписки с цензурой можно найти в немногих сохранившихся редакционных архивах крупнейших периодических изданий. Стоит отметить фонды редакций московских газет «Русское слово» (ф. 595) и «Русские ведомости» (ф. 1701) в Российском государственном архиве литературы и искусства. Архивы петроградских изданий сохранились зна-

чительно хуже. Более-менее цельный фонд составляют хранящиеся в РГАЛИ документы главной кадетской газеты «Речь» (ф. 1666). Наибольшее недовольство ежедневных газет вызывали постоянные задержки гранок в цензуре, что приводило к постоянным опозданиям выхода номеров, особенно утренних. Если гранка статьи так и не приходила из цензуры, а переверстать номер уже было невозможно, то на полосах свежих газет появлялись так называемые «белые пятна». Петроградская и Московская военно-цензурные комиссии пытались решить эту проблему через улучшение работы цензуры, повышение согласованности дежурных цензоров и редакций. Вопрос поднимался и при разработке нового «Положения о военной цензуре» Государственной думой в августе 1915 г. [7, с. 103–117]

Тем не менее проблема «белых пятен» лишь усугублялась и со временем приобрела политический подтекст. За ними читатель газет зачастую видел запрещенную «правду» о положении на фронтах и деятельности «темных сил», мешающих стране достичь победы. Понимая это, правительство стремилось исключить «белые пятна». Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин намеревался запретить их с января 1916 г., однако в феврале того же года редакторам петроградских газет удалось уговорить нового премьер-министра Б. В. Штюремера снять этот запрет, пообещав со своей стороны всячески избегать «белые пятна» [12]. Обещание, однако, не было выполнено, виной чему стали и цензоры, и сами редакции. По мере углубления политического кризиса в 1916 – начале 1917 г. «белые пятна» стали появляться только чаще, а символом цензурных исключений стал запрет на публикацию речи П. Н. Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г., в которой лидер кадетов фактически обвинил императрицу Александру Федоровну в связях с «темными силами». Думские речи периода «штурма власти» расходились

посредством подпольных брошюр, чему цензура уже не могла помешать. По словам самого Павла Николаевича, «наивная цензура... только подстегнула интерес к речам, подчеркнула их значительность» [7, с. 116].

В РГВИА также отложились отдельные фонды военной цензуры при столичных Главном телеграфе (ф. 13837) и Главпочтамте (ф. 13838). Перед этими видами цензуры стояла изначально невыполнимая задача предварительного просмотра десятков тысяч писем и телеграмм, ежедневно приходивших в Петроград. Крайне напряженная работа легла на плечи почтово-телеграфных работников, назначенных военными цензорами и, как правило, совмещавших цензуру со своими обычными обязанностями. Наибольшие трудности возникали при обработке зарубежной корреспонденции, которую для предотвращения шпионажа старались просматривать полностью. Согласно «Временному положению», частичной «выемке» подлежала и внутренняя корреспонденция по усмотрению цензора и контрразведки. Письма из армии не упоминались, однако на практике внимание к ним было особым. В еженедельных и ежемесячных цензорских отчетах составлялись таблицы с указанием процента писем с положительным («бодрые») и критическим взглядом нижних чинов на свою повседневную жизнь и на общее положение в армии и на фронтах. Фактически цензура проводила социологические «замеры» настроений в армии, показывая бытовые проблемы, взгляды солдат и офицеров на противников, внутреннее положение в стране, ожидания мира. Тем не менее этот источник имеет и очевидные ограничения. Понимая, что письма просматриваются цензурой, солдаты старались обходить «острые» темы, не говорить всю правду о своем положении, не высказывать свои мысли об офицерах и ходе войны.

Цензура фронтовой корреспонденции имела и другие ограничения, главное

из которых – количество. Уже в августе 1914 г. в тыл ежедневно отправлялись десятки тысяч писем, и быстрый просмотр их имевшимися силами цензуры был физически невозможен. Чтобы предотвратить передачу данных о перемещениях войск и других секретных сведений, было принято решение задерживать отправку на две недели, причем обычно этот срок был больше. Все это неизбежно приводило к скоплению огромных «залежей» корреспонденции, длительным задержкам и утере писем. Особенно болезненно на это реагировали солдаты и офицеры, а также их родственники, зачастую не получавшие вестей по несколько месяцев. Жалобы на работу почты и телеграфа приобрели столь массовый характер, что сами стали объектом для ограничений. Согласно инструкции Московской военно-цензурной комиссии от 23 января 1915 г., не допускалось в печать «всякие нападки на почтовое ведомство по поводу сношений с действующей армией» [13]. Попытки уменьшить «залежи» предпринимались неоднократно, однако полностью решить этот вопрос так и не удалось.

С первых дней войны возник острый дефицит кадров, знавших иностранные языки и способных просматривать за смену большие объемы корреспонденции. Ввиду призыва на фронт военных чинов и работников почты и телеграфа основная нагрузка в этом деле легла на женщин, нанятых специально для перевода и просмотра писем и телеграмм как на русском, так и на иностранных языках. Уже к началу 1915 г. женщины составляли большинство работников цензуры. Хотя формально они именовались «переводчицами», их статус фактически был равен цензору. Они получали те же суточные деньги (3 рубля), могли работать по совместительству. В июне 1916 г. положение было окончательно выровнено: женщины официально стали именоваться «цензорами». Тем не менее определенные ограничения остались. Так, с периодической печатью работали исключительно

мужчины. Сохранялось и недоверие к женщинам, отличавшимся, по мнению руководства цензуры, «болтливостью» и неорганизованностью. В ходе проверок регулярно выяснялись факты самовольных отлучек с дежурств, выноса писем из цензуры, обсуждения их содержания в общественных местах [3].

Документы прифронтовых и тыловых органов военной цензуры рассредоточены по целому ряду федеральных и региональных архивов. Как и в случае со столичной цензурой, основная часть документов провинциальных цензурных органов сосредоточилась в РГВИА. Так как они в основном подчинялись командованию фронтов и военных округов, их документы можно найти в соответствующих фондах. Обычно документы военно-цензурных комиссий и отделений образовывали отдельную опись в фонде штаба, к примеру Одесского [14]. Количество дел и глубина архива фронтовой цензуры зависели от множества факторов, в первую очередь территориальных особенностей, организационных изменений, перевозок архива при перемещении штаба фронта или округа. Так, всего три дела содержит опись военно-цензурного отделения штаба Минского военного округа (ф. 1915). Напротив, в фонде штаба Двинского округа (ф. 1932) документы цензуры отложились в двух описях: военно-цензурного отделения штаба (оп. 5, 113 дел) и местной военно-цензурной комиссии (оп. 6, 131 дело). Столь значительный архив образовался в первую очередь из-за территориального состава округа. На момент формирования с началом войны в него были включены территории 12 густонаселенных западных губерний, имевших развитую печать и крупнейшую после Петрограда полиграфическую промышленность. При этом значительная часть цензурных документов отложилась в фондах штабов фронтов вследствие постоянной перевозки архивов, расформирования местных военно-цензурных комиссий, упразднения долж-

ностей военных цензоров в тех или иных прифронтовых городах.

В тыловых округах военно-цензурные комиссии, естественно, реже перемещались и весь период войны действовали в центральных окружных городах. Архивы военно-цензурных комиссий сохранились в РГВИА в фондах штабов Казанского [15], Туркестанского [16], Иркутского [17] округов. Однако и здесь были свои особенности. Так, в Москве всей военной цензурой заведовала местная военно-цензурная комиссия, образовавшая также отдельный фонд в РГВИА (13839). Она подчинялась командующему Московского военного округа, однако делопроизводство в итоге велось отдельно, и в фонде штаба военно-цензурных документов нет. Архивы Иркутской комиссии, кроме упомянутой описи в фонде штаба округа, образуют также отдельный фонд (13867). Большая часть архива Казанской комиссии отложилась не в описи фонда штаба округа, а в отдельном фонде в Государственном архиве Республики Татарстан (1154).

Общей особенностью как федеральных, так и региональных архивов можно назвать образование для цензурных органов отдельных фондов, даже если они состоят из одного дела (что не редкость). Так, в РГВИА содержатся документы 48 военно-цензурных комиссий и пунктов, военных и отдельных цензоров, работавших как в крупных городах (Харьков, Самара, Саратов), так и в небольших (Радомысьль, Умань, Дебальцево, Юзовка, Луга, Гдов и др.). В ряде случаев документы военно-цензурных комиссий и пунктов остались в региональных архивах. Так, документы Вятского военно-цензурного пункта отложились в фонде 1276 Государственного архива Кировской области, а Астраханского пункта – в фонде 858 Государственного архива Астраханской области. Архивные материалы отдельных (старших) цензоров в г. Сарапуле и на Ижевском заводе образовали фонды соответственно 254 и 255 в Госу-

дарственном архиве Удмуртской республики.

Значительная часть местных военных цензоров работала на почте. Так, 21 из упомянутых 48 фондов в РГВИА – документы военных цензоров при местных почтово-телеграфных конторах и отделениях. В большинстве случаев это были гражданские почтово-телеграфные чиновники, назначенные военными цензорами. Сведения о военно-цензурной работе на почте также можно почерпнуть из документов региональных архивов. К примеру, в фонде 110 Государственного архива Пермского края (Пермский почтово-телеграфный округ) содержатся: еженедельные отчеты военного цензора по г. Перми; секретные циркуляры председателя Казанской военно-цензурной комиссии; списки корреспонденции, подлежащей просмотру; переписка о найме помещения для военно-цензурного пункта и др. Военные цензоры на почте просматривали международную корреспонденцию, а также письма с фронта. Следует отметить, что проблемы почтовой цензуры в провинции были во многом схожи с теми, которые стояли перед цензорами в Петрограде и Москве: нехватка кадров, низкая оплата труда, большие завалы корреспонденции, непоследовательность в цензировании печати, сложные отношения с газетными и журнальными редакциями, общее неприятие цензуры со стороны местного населения.

После Февральской революции цензура была отменена как фактически, так и юридически. Временное правительство упразднило ГУДП, отменялись придворная, драматическая, иностранная цензура. При этом уже весной 1917 г., на фоне огромного потока низкопробных и «порнографических» постановок и кинолент, встал вопрос о создании новых органов цензуры. Статус военной цензуры в первые месяцы оставался неопределенным: ее не отменили, но и не определяли ее положение в новых условиях. Явно не спешило в этом деле Министерство юс-

тиции и возглавлявший его А. Ф. Керенский, не желавший прослыть инициатором нового закона о военной цензуре и тем дать козырь в руки политических оппонентов. Резкие изменения в цензурной политике Временного правительства вызвал Июльский кризис власти. Так, 22 и 24 июля 1917 г. были приняты постановления о военном почтово-телеграфном контроле и о специальной военной цензуре печати. Принципиальным отличием от дореволюционной системы стало разделение военной цензуры на «военный контроль» почтовой корреспонденции и на цензуру печати. Планировалось сократить количество просматриваемых контролерами писем и телеграмм, жестко ограничить цензуру печати рамками «Перечня» запрещенных сведений, а также упразднить значительную часть военно-цензурных органов на местах, провести сокращение личного состава. Реорганизацию предполагалось провести в сентябре-октябре 1917 г., и на момент прихода большевиков к власти этот процесс еще не был завершен. Советская власть рассматривала цензурные органы как отживающие элементы «старого строя», приняв окончательное решение об их ликвидации к марта 1918 г. Однако многочисленные угрозы со стороны антибольшевистских сил, надвигавшаяся Гражданская война и интервенция заставили переформатировать и переподчинить старые цензурные органы, начав, таким образом, историю уже советской военной цензуры.

Выводы

Дореволюционная военная цензуре в России представляла собой сложную и многоуровневую структуру, отражавшую особенности работы позднеимперского

государственного механизма. Разрабатывавшееся по крайней мере пять предвоенных лет «Временное положение о военной цензуре» было призвано поставить под цензурный контроль печатное слово, корреспонденцию, публичные выступления, театральную сцену и кинематограф. Военная цензура получала большие полномочия, выходившие далеко за пределы той цензурной власти, что оставалась в руках МВД и Министерства императорского двора. Однако правительство изначально не планировало создавать централизованную военно-цензурную структуру, предпочтя более понятный и традиционный путь усиления межведомственной координации без покушения на чьи-либо прерогативы. В результате военно-цензурные полномочия распространялись на органы, подчинявшиеся разным ведомствам, некоторые из которых (прежде всего, Военное министерство и МВД) в годы войны находились в сложных отношениях. Формально возглавлявшие военно-цензурные комиссии и пункты военные чины на деле уже в 1914 г. были в меньшинстве по сравнению с чинами гражданскими. Большую часть должностей военных цензоров занимали члены комитетов по делам печати, инспектора типографий и книжной торговли, почтово-телеграфные чиновники. Через этих своих подчиненных МВД фактически возвращала себе цензурные полномочия, отнятые после революции 1905 г. Оппозиция небезосновательно видела в этом предпосылку возврата к политической цензуре, прикрытой лишь маской цензуры военной. Поиск путей ограничения цензуры «военными» рамками стал важной частью внутриполитического процесса накануне революции 1917 г.

Список литературы

1. Протасов Л. Г. Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 3–18.

2. Demm E. Censorship and propaganda in World War I: a comprehensive history. London: Bloomsbury Academic, 2019. 348 p.
3. Алферова И. В. Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С. 115–126.
4. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Печать, военная тайна и престиж власти: Один день из жизни российской военной цензуры времен Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2024. № 79(1). С. 6–30.
5. Гилазев З. З., Айнутдинов Р. А. Татарская периодическая печать времен Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 10. С. 53–56.
6. Богомолов И. К. Временное положение о военной цензуре: Проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 3. С. 7–24.
7. Богомолов И. К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
8. Батулин П. В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 152–157.
9. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 176.
10. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 5.
11. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 56.
12. РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 1, 6.
13. РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.
14. РГВИА. Ф. 1837. Оп. 7.
15. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11.
16. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 5.
17. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6.

References

1. Protasov L.G. An important source on the history of the revolutionary movement in the Tsarist army before the February Revolution. *Istochnikovedcheskiye raboty = Source studies*. Is. 1. Tambov, 1970. P. 3–18. (In Russ.)
2. Demm E. Censorship and propaganda in World War I: A comprehensive history. London: Bloomsbury Academic; 2019. 348 p.
3. Alferova I.V. Women's history of Russian military censorship during the First World War. *Rossiyskaya istoriya = Russian History*. 2024;(2):115–126. (In Russ.)
4. Alferova I.V., Blokhin V.F. The press, military secrecy and prestige of power: One day in the life of Russian military censorship during the First World War. *Novyi istoricheskiy vestnik = New Historical Bulletin*. 2024;(79):6–30. (In Russ.)
5. Gilazev Z.Z., Aynutdinov R.A. Tatar periodical press of the First World War. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2017;(10):53–56. (In Russ.)
6. Bogomolov I.K. Temporary regulations on military censorship: Draft of 1910. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istorija = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 5: History*. 2022;(3):7–24. (In Russ.)
7. Bogomolov I.K. The State Duma and censorship policy during the First World War. *Rossiyskaya istoriya = Russian History*. 2022;(4):96–117. (In Russ.)
8. Batulin P.V. Lists of military censorship of 1912–1923. *Leningradskiy yuridicheskiy*

zhurnal = Leningrad Law Journal. 2012;(4):152–157. (In Russ.)

9. RGVIA (The Russian State Military Historical Archive). F. 13835. Op. 1. D. 35. L. 176. (In Russ.)
10. RGVIA. F. 1343. Op. 5. (In Russ.)
11. RGVIA. F. 1343. Op. 56. (In Russ.)
12. RGVIA. F. 13835. Op. 1. D. 57. L. 1, 6. (In Russ.)
13. RGVIA. F. 13839. Op. 1. D. 5. L. 8 ob. (In Russ.)
14. RGVIA. F. 1837. Op. 7. (In Russ.)
15. RGVIA. F. 1720. Op. 11. (In Russ.)
16. RGVIA. F. 1396. Op. 5. (In Russ.)
17. RGVIA. F. 1468. Op. 6. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: bogomolov@inion.ru,
ORCID: 0000-0001-8381-0284

Igor K. Bogomolov, Candidate of Sciences (Historical), Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: bogomolov@inion.ru,
ORCID: 0000-0001-8381-0284

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-185-198>

Преступления и наказания за нарушение правил питейной торговли в России (1863–1894 годы)

Н. Е. Горюшкина¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Преступления в торговле алкоголем наносят значительный ущерб государственному бюджету и народной нравственности. Исследование преступлений и взысканий за нарушение постановлений о питейной торговле в период свободного оборота питья способно указать направление совершенствования современного акцизного механизма, прояснить научный взгляд на питейную либерализацию в преформенной России.

Цель статьи – освещение видов преступлений и наказаний в питейной торговле в акцизное время, определение путей сокращения «питейных» преступлений.

Задачи обусловлены заявленной темой и состоят в том, чтобы: охарактеризовать преступления в виноторговле; указать наказания, предусмотренные акцизным законодательством; оценить эффективность борьбы с нарушениями в условиях свободного оборота алкоголя.

Методология включает в себя принципы объективности, системности, историзма, в дополнение к которым были использованы историко-генетический, историко-типологический, историко-статистический методы.

Результаты. В акцизное время открылось множество мест продажи питья. Немалая часть продавцов прибегла к незаконным способам получения прибыли. Преступления в виноторговле превосходили по численности преступления в винокурении. Значительный процент составляла торговля без взятия патента и отпуск алкоголя несоответствующего качества. В качестве наказания преобладали денежные взыскания. Несмотря на постепенное ужесточение акцизного законодательства, количество преступлений в питейной торговле оставалось значительным по причине личного интереса виноторговцев и недостаточности контроля со стороны акцизных органов. Это стало одним из поводов для замены акцизной системы казенной винной монополией.

Вывод. В акцизный период была осуществлена систематизация преступлений в питейной торговле и выработаны меры противодействия преступным деяниям. Строгость наказания зависела от степени ущерба. Остановить преступления в виноторговле была назначена казенная монополия.

Ключевые слова: винная реформа; алкоголь; продажа питья; беспатентная торговля; виноторговец; покупатель.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Преступления и наказания за нарушение правил питейной торговли в России (1863–1894 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 185–198. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-185-198>

Поступила в редакцию 30.08.2024

Принята к публикации 23.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Crimes and punishments for violating the rules of drinking trade in Russia (1863–1894)

Natalia E. Goryushkina¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. Crimes in the alcohol trade cause significant damage to the State budget and national morality. The study of crimes and penalties for violation of regulations on drinking trade during the period of free circulation of drinks can indicate the direction of improvement of the modern excise mechanism, clarify the scientific view of drinking liberalization in post-reform Russia.

The purpose of the article is to highlight the types of crimes and punishments in the drinking trade during excise time, to identify ways to reduce "drinking" crimes.

The objectives are determined by the stated theme and consist in: to characterize crimes in the wine trade; to indicate the penalties provided for by excise legislation; to assess the effectiveness of combating violations in the conditions of free alcohol turnover.

The methodology includes the principles of objectivity, consistency, historicism, in addition to which historical-genetic, historical-typological, historical-statistical methods were used.

Results. During the excise period, many places for drinking were opened. A considerable part of the sellers resorted to illegal ways of making a profit. Crimes in the wine trade outnumbered crimes in the distillery. A significant percentage was trade without taking a patent and the release of alcohol of inappropriate quality. Monetary penalties prevailed as punishment. Despite the gradual tightening of excise legislation, the number of crimes in the drinking trade remained significant due to the personal interest of wine merchants and insufficient control by excise authorities. This became one of the reasons for replacing the excise system with a state-owned wine monopoly.

Conclusion. During the excise period, the systematization of crimes in the drinking trade was carried out and measures to counteract criminal acts were developed. The severity of the punishment depended on the degree of damage. The state monopoly was called upon to stop crimes in the wine trade.

Keywords: wine reform; alcohol; sale of drinks; patent-free trade; wine merchant; buyer.

Funding: The publication was completed within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state (number 0851-20200033)".

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N.E. Crimes and punishments for violating the rules of drinking trade in Russia (1863–1894). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):185–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-185-198>

Received 30.08.2024

Accepted 23.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Отмена винных откупов знаменовала собой начало нового порядка в организации питей. 4 июля 1861 г. Александр II утвердил «Положение о питейном сборе», в соответствии с которым продажа

алкоголя, оптовая и розничная, становилась предметом вольного промысла¹.

Законодательно было очерчено поле предпринимательской деятельности в питейной торговле, переход границ которо-

¹ Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. II. Т. 36, ч. 2, № 37197.

го грозил наказанием. «Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам» были тщательно разработаны и высочайше утверждены 20 марта 1862 г.¹

Какие виды преступлений были отражены в акцизном законодательстве? Какие наказания грозили нарушителям постановлений о продаже питет? Какое направление имели взыскания в питейной сфере? Эти вопросы раскрывает представленная статья.

Методология

Исследование базируется на разнообразных исторических источниках – неопубликованных и опубликованных. Ценные сведения по теме почерпнуты в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, а также Государственного архива Курской области. В Полном собрании законов Российской империи приведены законодательные акты, которые регулировали питейное дело в акцизной России, они были подробно изучены и использованы в работе над статьей. Источниковедческую ценность представили статистические сведения о нарушениях «Устава о питейном сборе», извлеченные из ежегодных «Отчетов Департамента неокладных сборов». Особый интерес представляет анализ динамики преступлений за период с 1887 по 1894 г., сделанный чиновниками казенного ведомства. Способы, к которым прибегали виноторговцы, чтобы обойти питейное законодательство, описаны в воспоминаниях акцизного чиновника Э. Ф. Нольде, некоторые из них приведены в работе [1]. Использованы и другие воспоминания современников акциза.

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 37, отд. 1, № 38079.

Методологический инструментарий статьи составили принципы объективности, системности и историзма. Принцип объективности требовал использования надежных объяснительных теорий, которые бы не исказили процесс развития акцизного законодательства, и тщательного анализа имеющихся исторических источников. Принцип системности направил рассмотрение преступлений и наказаний в питейной торговле как взаимосвязанных элементов, в связи с чем строгость наказания определена общественной опасностью деяния. Принцип историзма требовал освещения акцизного законодательства исходя из условий пореформенного времени. Дополнением выступили специальные методы исследования, а именно: историко-статистический, историко-генетический, историко-типологический. Первый метод помог раскрыть общее и особенное в преступлениях в питейной торговле, второй – выделить типы преступлений и виды наказаний в отношении питет, третий – обработать количественную информацию по теме.

Результаты и их обсуждение

Историография по теме невелика. Большая часть работ написаны в последние годы. Их авторами, в основе своей, являются юристы, но не историки. Способы противодействия незаконному обороту алкоголя представлены в работе А. В. Капустиной. Автор верно указала на начавшуюся только в акцизный период систематизацию питейных преступлений [2]. Преступления и наказания за нарушения в винокуренном производстве в акцизный период показаны в статье Н. Е. Горюшкиной. Но ответственность за нарушение установлений в оптовой и розничной торговле крепкими напитками были оставлены без внимания [3]. Большинство работ о нарушениях в питейной торговле не раскрывает существа акцизного законодательства [4], а посвящены преступлениям в торговле в [5]. Более подробно авторы останавливаются на

бесплатной продаже питья, весьма распространенной при акцизе [6].

Потребность в исследовании преступлений и наказаний в питейной торговле очевидна. Оно позволяет в полной мере оценить эффективность государственного регулирования свободного оборота алкоголя. «Вводя акцизную систему, творцы ее полагали, что крепкие напитки как объект торговли, предоставленные принципам свободной конкуренции, не могут быть причиной злоупотреблений в смысле эксплуатации народа и нарушения казенных интересов, ибо свободный обмен спирта <...> никоим образом не может создать почвы для злоупотреблений в том или ином направлении», – так сформулировал государственный интерес в питейной торговле помощник надзирателя Витебского акцизного управления С. А. Кадер [7, с. 46].

Надзор над оборотом алкоголя был поручен акцизным управлением, а также местной полиции, с 1885 г. – еще и приставиям по питейным делам. Все они должны были предупредить или уже пресечь преступление в питейной торговле.

Годовой доход содержателя питейного заведения был невелик. Если учесть понесенные им траты на приобретение патента, аренду помещения, отопление помещения, то чистая прибыль, по подсчетам акцизных служащих, составляла в последние годы акциза в среднем 200 руб. Легальных путей увеличить прибыль было немного, чего нельзя было сказать о незаконных средствах. Тут и обмер, расширопка спиртного, отпуск под залог краденных вещей, скупка продуктов сельского хозяйства и инвентаря, торговля не только алкоголем, но и другими товарами [7, с. 54].

Преступлением питейное законодательство признавало деяние, выходившее за границы, которые определял «Устав о питейном сборе». Оно могло носить злонамеренный, неосторожный и даже случайный характер. За преступление следовало наказание, строгость которого опре-

делялась степенью нанесенного ущерба. Наказание было призвано обеспечить карательное воздействие на преступника и защитить интересы потерпевшей стороны, в основном интересы казны. Суть нарушений и следовавших за них санкций раскрывали 30 статей, собранных во второй главе «Правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам»¹.

Законодательно был определен круг лиц, которым торговля крепкими напитками была разрешена. Предупреждая преступные деяния, от питейной продажи удалялись неблагонадежные лица, к числу которых относились те, кто находился под судом или следствием по уголовным преступлениям, кто был оставлен судом «в подозрении» по преступлениям.

Открытие питейной торговли было разрешено производить только с приобретением патента. Именно он указывал, кто, где, на какой срок, какого рода торговлю питиями собирается открыть. Требование о патентовании было оговорено в «Уставе о питейном сборе». Приобретение патента при этом предусматривало не только покупку надлежащего листа бумаги в местном казначействе, но и получение специального разрешения на питейную продажу от акцизного управления. Патент удостоверял, что требования, которые установлены законом в отношении питейной торговли, соблюдены [8].

Торговля без патента, по чужому, просроченному, не одобренному акцизным управлением патенту была запрещена. Кто, не имея патента, будет продавать питья в таких местах или из таких заведений, в которых продажа может быть производима только с взятием патента, – гласили «Правила о взысканиях», – тот, сверх обязанности взять надлежащий по роду торговли патент, подвергается: в

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам. С. 235–238.

первый раз: денежному взысканию, равному половине цены нового патента; во второй раз: денежному взысканию, равному цене нового патента; в третий раз: такому же денежному взысканию и сверх того заключению в тюрьме на время от 6 месяцев до одного года и лишению права на производство всякой торговли и промысла¹.

Несмотря на запрет, бесплатная продажа была массовым преступлением. Масштабы ее росли вместе с ростом патентного сбора. К примеру, в 1863 г. патент на питейное заведение в местности 3-го разряда стоил 15 руб., в 1868 г. его цена поднялась до 30 руб., в 1870 г. – до 50 руб., в 1873 г. – до 65 руб., в 1874 г. – до 70 руб., в 1885 г. – до 90 руб. Патентный сбор вырос в 6 раз [9, с. 3–10].

Ввиду увеличения стоимости патента число официально открытых мест торговли алкоголем уменьшалось. Но снижение доступности законных питейных заведений возмещалось бесплатной продажей. «В Воронежской губернии, например, – свидетельствовал либеральный публицист А. Н. Аксаков, – там, где прежде было 2–3 явных кабака, с закрытием их появилось 10–15 мест тайной продажи, и в иных селениях крестьяне прямо заявляют, что у них теперь что ни дом, то кабак; известны даже случаи продажи вина вразвозд и вразнос. В Пензенской губернии тайная продажа достигла небывалых прежде размеров и являлась под всевозможными видами» [10, с. 75].

В 1883 г. было обнаружено 42 036 случаев нарушений «Устава о питейном сборе», в их числе 16 088 нарушений, или 38%, составляла торговля без патента [11, с. 40]. В 1893 г. число выявленных случаев бесплатной торговли выросло до 19 147, 40% от числа всех преступлений по питейной части [12, с. 62].

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судо-производстве по сим делам. С. 235–236.

Отпуск бесплатного спиртного нередко вели женщины или подростки из собственных домовладений, доступ в которые был затруднен. То, как жила ночная Москва, обрисовал этнограф В. А. Гиляровский: «Каждая квартира – кабак. В стенах, под полом, в толстых ножках столов – везде были склады вина, разбавленного водой, для своих noctлежников и для их гостей <...> Подходят кому надо к окну, стучат. Открывается форточка. Из-за занавесочки высовывается рука ладонью вверх. Приходящий кладет молча в руку полтинник. Рука исчезает и через минуту появляется снова с бутылкой <...>. Одно дело – слов никаких» [15, с. 31].

Количество случаев бесплатной продажи крепких напитков оставалось высоким (рис. 1)

Как видим, бесплатная продажа в акцизное время процветала. Число случаев отпуска крепких напитков без патента было значительным. Подключение к контролю питейной торговли присутствий по питейным делам, осуществленное по Закону 14 мая 1885 г., снизило число нарушений с 19 904 до 13 990 случаев, или на 30% [14, с. 128].

Обнаружить бесплатную торговлю было сложно, а доказать факт торговли еще сложнее. «На большой дороге, – раскрыл суть Э. Ф. Нольде, – или посреди села стоит хата и в ней продается водка, но без всяких приспособлений <...> Сидят мужички и круговая чаша, в виде маленького стаканчика, переходит из рук в руки; пьют и курят, пьют и пьют, пока есть деньги или пока дают в кредит <...> Представьте теперь себе, что проезжает мимо честный, благонамеренный полицейский чиновник или же молодой, увлекающийся еще акцизный чиновник <...> и он даже знает, наверное, что в такой-то хате – негласный кабак <...> Наш „акцизный“ решается войти. Его или не впускают, пока не уложен бочонок, или даже впускают немедленно. Мы, говорят

мужички, зашли к Мошке погреться, до дому далеко! Мы только так себе сидим, или хозяин Иван Матвеев по случаю до-

машнего горя или домашней радости какой-либо угостил нас и тому подобное» [1, с. 5–6].

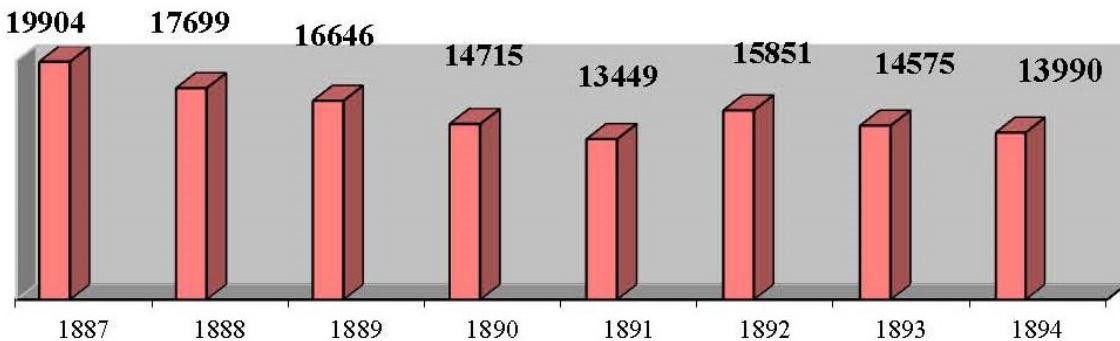

Рис. 1. Изменения числа выявленных случаев бесплатной продажи питей в 1887–1894 гг.

Fig. 1. Changes in the number of detected cases of patent-free sale of drinks in 1887-1894

При проезде через селения, где нет питейных заведений, акцизные чиновники проводили опросы крестьян: нет ли в их местности бесплатной торговли вином, но правды дознаться было невозможно. Крестьяне скрывали бесплатенщиков или из-за боязни мести, или из-за собственных выгод. Чтобы изобличить бесплатенщика, требовалось соблюсти ряд формальностей, начиная от обязательного присутствия понятых и заканчивая сбором вещественных доказательств. Как правило, найденный в ходе обыска алкоголь, даже в большом количестве, подозреваемое лицо объясняло покупкой для собственных нужд (свадьба, поминки, церковные праздники и пр.), а распитие его – угощением односельчан [115].

Помимо бесплатной торговли, алкоголь отпускали заведения, тип которых не соответствовал взятому патенту. Закон грозил: «Кто, получив патент на продажу питей, будет производить продажу не того рода, не в том количестве, или не тем порядком (например, не оптом, а в розницу), как ему предоставлено или указано в патенте, или в таких местах, где он, по закону, не имеет права торговать и вообще будет в чем либо действовать не согласию с данным ему на производство продажи патентом, тот сверх обязанности

взять новый надлежащий патент, для производимой им торговли напитками» будет наказан. В первый раз виновному приходилось оплатить денежное взыскание, равное $\frac{1}{2}$ цены патента; во второй раз – денежное взыскание, равное цене нового патента; в третий раз – такое же денежное взыскание и сверх того заключение в тюрьму на время от 6 месяцев до одного года, а также лишение права на производство торговли¹.

Но на лиц, желавших нажиться на питейной торговле, предупреждения не действовали. В статье А. Н. Аксакова находим тому подтверждение. «В Самарской губернии, – доказывал он, – в 1873 году, по случаю голода, закрыты были все места раздробительной продажи вина, – в значительной мере увеличилось число оптовых складов и не замедлили обнаружиться случаи раздробительной продажи вина из складов <...> В Казанской губернии, при все большем и большем стеснении открытия питейных заведений, стало вдруг быстро увеличиваться число погребов с продажей „русских виноградных вин“; в 1872 году их было всего 3, в 1873 году – 13, в 1874 – 63». При

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам. С. 236.

проверке оказалось, что под видом русских виноградных вин в них продавалась водка, подкрашенная «на манер красного вина» [10, с. 76].

Из сведений, собранных чиновниками Министерства финансов, открывалось, что в Ставрополе одеколонный завод, перерабатывавший ранее не более 30 ведер спирта, в 1884 г. закупил спирт в количестве 650 ведер. Помимо того, одеколонные производства открылись в тот год в Области Войска Донского, Екатеринославской, Ставропольской, Таврической губерниях, а в Ростове-на-Дону выпуск одеколона начали сразу 3 завода. При этом резко поменялась технология производства. Если прежде одеколон готовился из спирта крепостью в 60–80°, то теперь – из спирта в 34° и даже ниже. Произведенный продукт выпускался в продажу под названием «народного одеколона» в бутылках емкостью в $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{40}$ ведра и стал продаваться в бакалейных и мелочных лавках. Крестьяне пользовались «народным одеколоном» с большой охотой, продавцы радовались выручке, но акцизные чиновники сумели пресечь данные операции и привлечь продавцов к ответственности за беспатентную продажу [10, с. 63].

Законодатель настаивал, чтобы в продажу поступали только качественные крепкие напитки, ибо вредные примеси несли угрозу здоровью и жизни покупателей. Реализация алкоголя с вредными «добавками», смотря «по опасности примеси», могла обойтись виноторговцу вдвое больше, чем цена патента. Помимо того, ему грозил штраф от 10 до 100 руб. или арест на срок до 3-х месяцев. Изобличенные в данном преступлении лица повторно приговаривались к лишению всех прав на продажу питей¹.

Но фальсификация хлебного вина, несмотря на все запреты, была явлением распространенным. В лучшем случае вино разбавлялось только водой, в худшем – в разбавленный до предела алкоголь для крепости добавляли перец, табак, дурман, бузину, белену, полынь, керосин, купорос, другие вещества. Только новички разбавляли вино в бочках, опытные виноторговцы производили операции с той посудой, в которой напиток подавался потребителю [16].

Простой люд знал наверняка, что вино с примесью и разбавленное, но пил, несмотря на отвратительный вкус и состав. «Мне часто приходилось замечать и явление такого рода, – удивлялся Э. Ф. Нольде, – по большой улице села находится официальный кабак – с относительно комфортабельным устройством, водкой различной крепости, а потому и разной цены, но не ниже 40%, без примеси посторонних веществ, насупротив, только через улицу, лужайка, в которой негласная торговля, водка ниже процентов на 10, да кроме того сквернейшими и вреднейшими примесями: табаку, перцу, купороса и проч. „Для подделки крепости очень крепкого нужно немного, русский желудок вытерпит“, – так говорят эксплуататоры. И что ж вы думаете!» [1, с. 6]. Простой крестьянин предпочитал отправлять себя за копейку.

В первые годы действия акцизной системы количество обнаруженных нарушений по продаже и хранению низкопробного вина было значительным. Борьба акцизных управлений за продажу крепких напитков «добропровестной очистки» велась постоянно. С изданием Закона 2 июня 1888 г., стимулировавшего очистку спирта, но не за счет подорожания готового продукта, данный вид нарушений пошел на спад (рис. 2).

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судо-производстве по сим делам. С. 236.

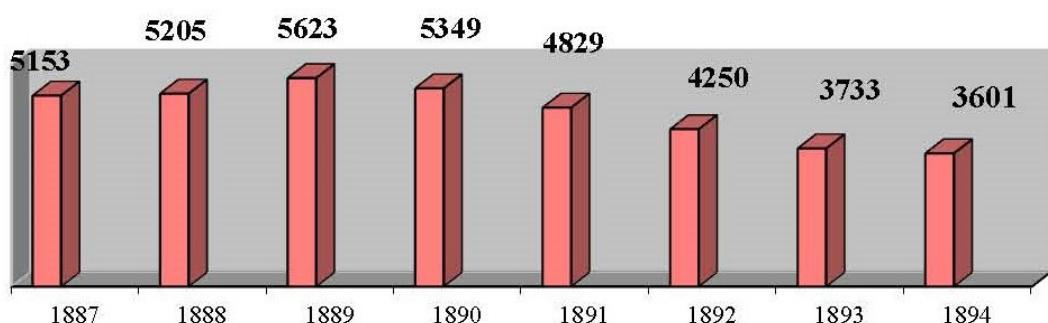

Рис. 2. Изменения числа выявленных случаев продажи и хранения низкопробного вина в 1887–1894 гг.

Fig. 2. Changes in the number of identified cases of sale and storage of low-grade wine in 1887–1894

Рисунок показывает, что в последние годы действия акцизной системы количество нарушений, связанных с порчей питья, несколько снизилось. В период с 1887 до 1890 г. фиксировалось немногим более 5 тыс. случаев такого вида нарушений, с 1891 г. число их пошло на убыль, в 1894 г. было обнаружено только 3601 нарушение по продаже и хранению низкопробного вина. Это объясняется подъемом спиртоочистительного дела в стране [14, с. 128].

Правила питейной торговли требовали, чтобы алкоголь отпускался только клеймеными мерами, считая, что в ведре (12 л) 10 штофов (1/10 ведра), а в штофе 10 чарок (1/100 ведра) или 20 шкаликов (1/200). Но у каждого кабатчика была посуда из толстого стекла. Ее толщина не позволяла разглядеть воду, которая находилась на дне стакана. Выявить обман мог не всякий. В первый раз виновный платил штраф в 10 руб., во второй раз – его сумма поднималась до 25 руб., в третий – до 50 руб., в четвертый – до 100 руб. и терял право заниматься продажей питья¹.

Наказание грозило содержателям питейных домов, шинков и выставок, предлагавших посетителям какие-либо закуски, кроме хлеба. При выявлении та-

кого рода нарушений нарушитель подвергался в первый и второй раз денежному взысканию в $\frac{1}{4}$ цены патента; в третий и четвертый раз – взысканию суммы равной $\frac{1}{2}$ цены патента; в пятый раз – сверх денежного взыскания в цену патента виновный терял право на торговлю спиртными напитками².

Но и этот вид нарушений не был редкостью. «Теперешние питейные дома совсем не то, что прежние, – обратил внимание на проблему писатель М. Е. Салтыков-Щедрин. – Кроме вина, имеется чай, пиво и закуска, заключающаяся в неизменной селедке. Только такой селедки, не приведи бог, никому есть. Я убежден, что селедки эти рождаются, исключительно имея в виду русского простолюдина, и что только этот последний может оказывать им внимание» [17, с. 466].

В питейных заведениях запрещались музыка и увеселительные игры. Если вина торговца в организации «бесчинств и беспорядков» доказывалась, он в первый и второй раз платил штраф, равный $\frac{1}{4}$ цены патента; в третий и четвертый раз – равный $\frac{1}{2}$ цены патента; в пятый раз – равный цене патента. Виновный терял право вести торговлю спиртным в дальнейшем². Но большинство питейных заведений, особенно низкого разряда, неизменно были местами разгула с кри-

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам. С. 236.

² Там же. С. 237.

ками, драками, публичными женщинами, цыганами и разного рода аферистами. «Достаточно только видеть, что творится на Масленице, например, в селе Зуеве и т.п. местах скопления рабочего люда; достаточно побывать в этих пунктах в Великий Четверг, Пятницу или даже Страстную Субботу, когда рабочие, получив деньги, несмотря на такие великие в жизни каждого христианина дни, раздаются песни и слышится топот пьяной пляски; достаточно сказать, что в каждом таком пункте насчитывается по несколько сот так называемых «котов», которые положительно таки держат местное население в осаде, в особенности во время праздников; подаяния вымогают грубостью и нахальством. Достаточно сказать, что с наступлением сумерек жители таких мест, из опасения быть ограбленными и избитыми, не выходят на улицу, что крики «держи его» и «караул» сплошь и рядом; нарушают ночную тишину; пьяные попадаются на каждом шагу; многие из них вываливаются из домов и заборов, чтобы понять всю ненормальность строя жизни этих мест», – писал сотрудник Богородского по питейным делам присутствия А. А. Распопов [18, с. 93].

Закон установил ответственность за допущение малолетних к распитию алкогольных напитков. Малолетними признавались лица, не достигшие 14-летнего возраста. Нарушители запрета наказывались в первый и второй раз денежным взысканием, равным $\frac{1}{4}$ цены патента; в третий и четвертый раз – взысканию суммы, равной $\frac{1}{2}$ цены патента; а в пятый раз, сверх стоимости патента, отзывалось право на торговлю крепкими напитками [2, с. 237]. Но предупреждение не останавливало виноторговцев. «Мне неоднократно приходится встречать на улицах предметы малолетних детей с бутылкой водкой в руках, которую они купили в ближайшем кабаке», – свидетельствовал общественный деятель И. М. Радецкий [21, с. 9].

Наказание грозило лицам, торговавшим алкоголем в долг, в счет будущего урожая, под залог платья, посуды или иных вещей, в обмен на хлеб или другие сельскохозяйственные продукты, а также за платеж вином вместо денег по обязательствам или за произведенные работы. Питейная продажа разрешалась только за наличные деньги. Штраф нарушителя колебался от 5 до 50 руб., в зависимости от обстоятельств, которые могли увеличить или уменьшить вину виноторговца. Изобличенные в нарушении данного требования более 3-х раз штрафовались на 100 руб. и лишались права на питейную торговлю. Взятые ими в залог вещи, продукты возвращались владельцу, а долг считался не подлежащим платежу [2, с. 236].

Нарушения этого требования были не редкостью. «Всякому кабатчику хорошо, потому что всякий со своим искусством и подходом: один очень ласков и больно знаком, у другого очень весело – продает он вино при музыке. Третий кабатчик, при недостатке денег наличных, и „за рукавицы “вино дает, и из платьшка берет под залог всякое, какое подойдет ему на руку», – замечал этнограф С. В. Максимов [20, с. 14].

Каждое заведение питейной торговли должно было иметь вывеску, которая указывала бы род заведения. Патент прибивался на видное место. За такие нарушения с хозяина взыскивалось 10 руб. Законодатель определил места, где питейная торговля была запрещена. Так, распивочная торговля запрещалась в зданиях, занимаемых учебными и богоугодными заведениями, казармами, тюрьмами и т. д. Открытие торговли в недозволенных местах вело в первый раз к штрафу, равному половине цены патента, заведение закрывалось¹.

Отпуск алкоголя в зимнее и осеннее время был разрешен с 7 часов утра, в лет-

¹ Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судопроизводстве по сим делам. С. 236–237.

нее и весеннее – «от восхождения солнца до 10 часов вечера»; в городах и на ярмарках – с 7 часов утра и до 11 часов вечера [23, л. 25]. За торговлю в неустановленное время, а также отпуск вина распивочно в воскресные и табельные дни, до окончания в приходской церкви Божественной литургии, во время крестного хода, во время проведения волостных или мирских сходов, в первый раз грозил штраф, равный $\frac{1}{4}$ цены патента; во второй и третий раз, – штраф в $\frac{1}{2}$ цены патента; а в четвертый раз нарушитель должен был уплатить стоимость патента и прекратить питейную торговлю [2, с. 236–237].

Обращает на себя внимание статья, в соответствии с которой продавец спиртного был обязан охранять пьяного. Опьянение, таким образом, признавалось обстоятельством, требующим понимания, сочувствия и сожаления. Если пьяный посетитель питейного заведения был обокрашен или изувечен, даже если это сделал он сам, виноторговец обязан был вознаградить его за убытки и лечить за свой счет. Если опьяневший умрет от увечья или излишнего употребления вина, то виноторговец подвергался серьезному наказанию [21, л. 26].

Особая мера ответственности предусматривалась в отношении лиц, оказавших сопротивление чиновникам акцизного управления или полиции к открытию преступления, им грозило лишение всех особых личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, ссылка в одну из Сибирских губерний, отдаче в рабочий дом сроком от 3-х до 6-ти месяцев [2, с. 235].

Соблюдение требований «Устава о питейном сборе» не избавляло виноторговца от необходимости придерживаться норм, установленных общими торговыми уставами и учреждениями.

16 июня 1873 г. и 26 января 1874 г. были утверждены временные Правила о раздробительной продаже крепких

напитков в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе и Санкт-Петербургской губернии¹. После продолжительных обсуждений 28 мая 1883 г. утверждение получили новые «Правила о взысканиях за нарушения постановлений о питейном сборе»². Они ужесточили наказание за нарушение постановлений о питейной продаже, предусмотрели наказания за те виды преступлений, которые ранее не упоминались, а именно: содержание питейных заведений на подставных лицах, продажа нелегально произведенных питет, торговля по чужому или просроченному патенту, раздробительная продажа из заводских подвалов и др.

3 мая 1893 г. были внесены изменения в правила, касавшиеся нарушений «Устава о питейном сборе». Появились новые составы преступлений. Так, за продажу крепких напитков из заведений для распивочной торговли в долг был предусмотрен: в первый раз – арест до 2-х недель или денежное взыскание до 50 руб.; во второй раз – арест до одного месяца или денежное взыскание до 100 руб.; в заведениях навынос – в первый раз – арест до 7 суток или штраф до 25 руб.; во второй раз – арест до 2-х недель или штраф до 50 руб., патент при повторном нарушении отбирался³.

¹ О правилах ограничения раздробительной продажи крепких напитков в Санкт-Петербурге и пригородных участках // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 48, № 52394; О применении изданных для Санкт-Петербурга Правил питейной торговли в Москве, Одессе и всей Петербургской губернии // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 49, ч. 1, № 53091.

² Правила о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе, и о судоизвестстве по сим делам // Полное собр. Законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 3, № 1608.

³ О некоторых изменениях действующих узаконений, касающихся нарушений Устава о питейном сборе // Полное собр. Законов Рос. империи. Собр. 3. Т. 13, № 9555.

Всякое нарушение постановлений о питейной торговле требовало фиксации. На месте составлялся протокол, где регистрировались время, место нарушения, кем оно было выявлено и в чем оно состояло. В протокол вносились: фамилия, имя, отчество, место жительства обвиняемого, понятых и свидетелей (если таковые имелись), а также замечания или возражения, сделанные этими лицами. Протокол оглашался в присутствии названных лиц, удостоверялся их личными подписями и направлялся в губернское акцизное управление. В срок до 7 дней управляющий акцизовыми сборами рассматривал протокол, устанавливал категорию нарушения и порядок рассмотрения дела (административный, судебнополицейский, уголовный)¹.

На пути к идеальной модели питейного сбора законодатель стремился предусмотреть все возможные виды нарушений и избрать те наказания, которые сократили посягательства на закон. Однако нарушения в питейной торговле весь срок действия акцизной системы составляли большую часть питейных преступлений.

В последние годы акциза картина с нарушениями Устава о питейном сборе выглядела следующим образом (рис. 3).

Таким образом, в год в среднем в России фиксировалось 39 364 (100%) нарушения постановлений о питейном сборе, незначительную долю в которых имели нарушения правил водочного производства – 381 (1%), пиво- и медоварения – 430 (1%). Нарушения в винокуренном производстве (винокурение на тайно устроенных заводах, утайка спирта от оплаты акцизом, нарушение правил о контрольных снарядах, нарушение правил торговли из заводских подвалов и т. п.) в совокупности составляли

5980 случаев, или 15%). На нарушение правил о торговле крепкими напитками приходилось 83% от общего числа выявленных нарушений. Самой значительной категорией нарушений была беспатентная торговля – 13 898 (35%). В год выявлялось в среднем 3819 случаев продажи низкопробного вина, или 10% от общего числа нарушений. Другие преступления в виноторговле, а именно: торговля в неустановленное время, продажа в долг, под залог вещей, за отработки, допуск в питейные заведения малолетних, продажа крепких напитков в неустановленное время, контрабанда и др., открывались в среднем по 14 347 случаев (38%) ежегодно [14, с. 128].

Получалось, что нарушения в сбыте питей значительно превосходили по численности преступления, совершенные в их производстве. Наказания за нарушения постановлений о продаже питей были поставлены в зависимость от размера нанесенного ущерба. Основным видом наказаний стал штраф. Значительно реже применялись арест, заключение в смирительном доме или тюрьме, лишение прав и преимуществ, присвоенных как лично, так и по состоянию. Так наказывались только те лица, ущерб от действий которых был высок либо преступные действия повторялись многократно.

Надзор над деятельностью питейных заведений со стороны акцизных служащих и полиции был недостаточным, особенно в отдаленных местностях. Питейные заведения ревизовались чаще всего по пути от одного винокуренного завода к другому, казенный ущерб при производстве алкоголя мог быть более ощущимым для казны. Частный интерес весь акцизный период толкал виноторговцев к изобретению все новых и новых способов обхода питейных правил. Строгий государственный контроль над питейной торговлей могла обеспечить только казенная винная монополия – эта мысль нашла высочайшее одобрение, акциз был отменен.

¹ Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // Полное собр. Законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 36, ч. 2, № 37197. С. 66–67.

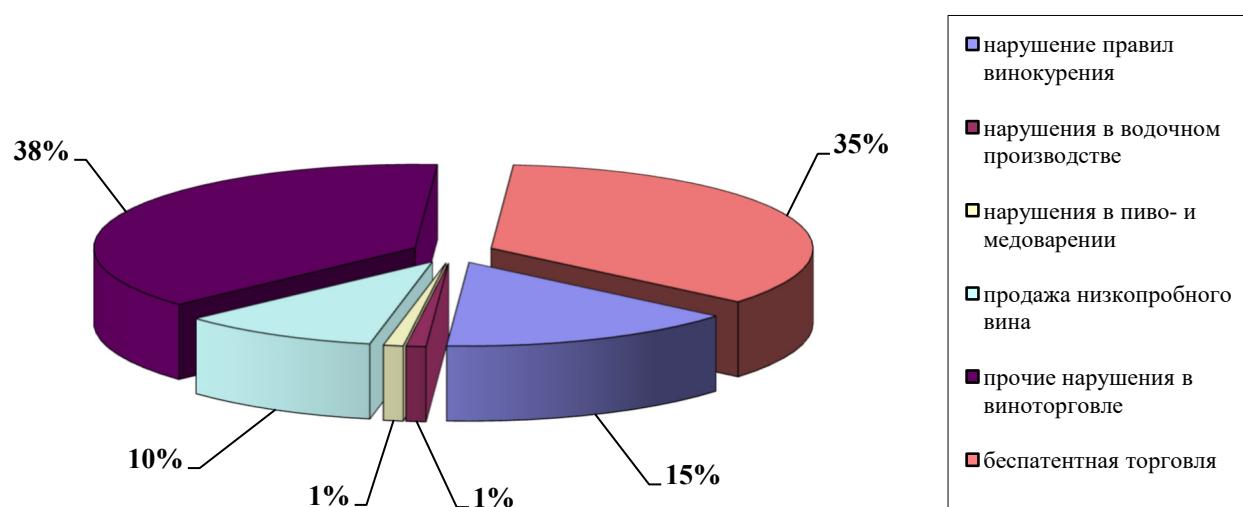

Рис. 3. Структура нарушений питейного законодательства по категориям в 1887–1894 гг., %

Fig. 3. The structure of violations of drinking legislation by category in 1887–1894, %

Выводы

Государство, несмотря на объявленную «вольную продажу питей», в акцизный период активно регулировало оборот алкоголя. Виды преступлений в питейной торговле были впервые систематизированы, определялись виды наказаний за нарушение постановлений о питейной продаже, строгость каковых ставилась в зависимость от размеров нанесенного казне и частным лицам ущерба. Со временем видовой состав преступлений в питейной торговле расширился, ужесточились и наказания, вырос размер взысканий. Но остановить преступность в торговле питиями, учитывая высокую

степень заинтересованности частных лиц, не получалось. Было принято решение – заменить частную питейную торговлю казенной винной операцией.

В современной России действует акцизная система. Нынешние правовые нормы схожи с требованиями прошлой эпохи. Опираясь на опыт прошлого, можно утверждать, что сократить преступность возможно через увеличение числа плановых и внеплановых проверок торговых заведений, введение жестких наказаний за преступные деяния, привлечение общественности к контролю над деятельностью питейных заведений, всемерное противодействие коррупции в торговле.

Список литературы

- Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система: в 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 40 с.
- Капустина А. В. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту алкогольной и спиртосодержащей продукции в России XV – начала XX в. // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 8А. С. 289–296.
- Горюшкина Н. Е. Преступления и наказания за нарушение постановлений о выделке питей в акцизной России (1863–1894) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 181–194.

4. Андреев Д. В. Становление и развитие отечественного законодательства об ответственности за нелегальную продажу алкогольной продукции // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 97–102.
5. Сериков Р. В. Становление отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконные производство и оборот алкогольной продукции в дореволюционный период // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 131–133.
6. Шевченко И. А. Незаконная торговля спиртным в великорусской деревне конца XIX – начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 3(131). С. 151–157.
7. Кадер С. А. Винная регалия и монопольная система: Историко-экономический очерк. Витебск: Губернская типо-литогр., 1897. 94 с.
8. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 149.
9. Краткий исторический очерк столетней деятельности Министерства финансов. 1802–1902. СПб., 1902. 12 с.
10. А. Е. Питейное дело и кабацкий вопрос в России // Вестник Европы. Г. 11. 1876. Т. 4, кн. 7. Июль. Ч. 1. С. 65–94.
11. Отчет Департамента неокладных сборов за 1883 год. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. 132, 143 с.
12. Отчет Департамента неокладных сборов за 1893 год. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 201, 74 с.
13. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М.: Московский рабочий, 1956. 400 с.
14. Отчет бывшего Департамента неокладных сборов, а ныне Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питья за 1895 год. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1897. 568 с. разд. паг.
15. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1838. Оп. 1. Д. 1746. Л. 7.
16. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 556–556 об.
17. Салтыков-Щедрин М. Е. Статьи. 1863–1864 // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1968. 740 с.
18. Роспопов П. А. Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии. М.: Моск. губерн. земство, 1898. 178 с.
19. Радецкий И. М. Пьянство детей. Одесса: Тип. Гладкова и Прищепова, 1906. 16 с.
20. Максимов С. В. Куль хлеба и его похождения. СПб.: К. Н. Плотников, 1875. 352 с.
21. Отдел рукописей РГБ. Ф. 139. Кошелевы. Карт. 16. Ед. хр. 6. Л. 25–26.

References

1. Nol'de E.F. The drinking business and the excise system. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha; 1882. 40 p. (In Russ.)
2. Kapustina A.V. Criminal law counteraction to illegal trafficking of alcoholic and alcohol-containing products in Russia of the XV – early XX century. *Voprosy rossiiskogo i mezhdu-narodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2022;12(8A):289–296. (In Russ.)
3. Goryushkina N.E. Crimes and punishments for violating regulations on the manufacture of beverages in excise Russia (1863–1894). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(4):181–194. (In Russ.)

4. Andreev D.V. Formation and development of domestic legislation on liability for the illegal sale of alcoholic beverages. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2021;(4):97–102. (In Russ.)
5. Serikov R.V. The formation of domestic criminal legislation on liability for illegal production and trafficking of alcoholic beverages in the pre-revolutionary period. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation.* 2018;(3):131–133. (In Russ.)
6. Shevchenko I.A. Illegal alcohol trade in the Great Russian village of the late XIX – early XX century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities.* 2014;(3):151–157. (In Russ.)
7. Kader S.A. Wine regalia and the monopoly system: Historical-economic essay. Vitebsk: Gubernskaya tipo-litogr.; 1897. 94 p. (In Russ.)
8. RGIA (The Russian State Historical Archive). F. 574. Op. 1. D. 269. L. 149. (In Russ.)
9. A brief historical sketch of the centennial activities of the Ministry of Finance. 1802–1902. St. Petersburg; 1902. 12 p. (In Russ.)
10. A.E. The drinking business and the tavern question in Russia. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe.* G. 11. 1876;(7-1):65–94. (In Russ.)
11. Report of the Department of Non-payment fees for 1883 d. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma; 1884. 132, 143 p. (In Russ.)
12. Report of the Department of Non-payment fees for 1893. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma; 1894. 201, 74 p. (In Russ.)
13. Gilyarovskii V.A. Moscow and Muscovites. Essays on Old Moscow life. Moscow: Moskovskii rabochii; 1956. 400 p. (In Russ.)
14. Report of the former Department of non-payment fees, and now the Main Department of non-payment fees and government sale of drinks for 1895. St. Petersburg: Tip. E. Evdokimova, 1897. 568 p. razd. pag. (In Russ.)
15. GARF (The State Archive of the Russian Federation). F. 1838. Op. 1. D. 1746. L. 7. (In Russ.)
16. RGIA. F. 574. Op. 2. D. 144. L. 55b–55b ob. (In Russ.)
17. Saltykov-Shchedrin M.E. Articles. 186–1864. In: Collected works. Vol. 6. Moscow: Khudozh. lit.; 1968. 740 p. (In Russ.)
18. Rospopov P.A. Data on the state of the drinking business in the Bogorodsky district of the Moscow province. Moscow: Mosk. gubern. zemstvo; 1898. 178 p. (In Russ.)
19. Radetskii I.M. Drunkenness of children. Odessa: Tip. Gladkova i Prishchepova; 1906. 16 p. (In Russ.)
20. Maksimov S.V. A bag of bread and his adventures. St. Petersburg: K.N. Plotnikov; 1875. 352 p. (In Russ.)
21. Department of Manuscripts of the Russian state library. F. 139. Koshelevs. Maps. 16. Ed. khr. 6. L. 25–26. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-199-210>

Ветеринарно-эпизоотический надзор в России во второй половине XIX века (по материалам Центрального Черноземья)

А. С. Третьяк¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: anna_tretyak@bk.ru

Резюме

Актуальность статьи обусловлена сложной эпидемиологической ситуацией в Курском регионе, возникшей по причине специальной военной операции. Исторический опыт земств в решении острых проблем ветеринарии может быть использован в современных условиях. История ветеринарно-эпизоотического надзора во второй половине XIX века актуальна и с теоретической точки зрения, так как позволяет расширить знания о социально-экономическом развитии преформенной России.

Цель статьи – анализ ветеринарной практики земств на территории Центрального Черноземья во второй половине XIX века.

Задачи: выявить особенности развития ветеринарии в земских губерниях; провести анализ проблем, с которыми сталкивались земские ветеринары, и методов их решения; оценить эффективность ветеринарной практики земств на территории Центрального Черноземья.

Методология включает в себя хронологический и историко-сравнительный подходы. Применен метод объективности и научности с опорой на принцип историзма.

Результаты. В преформенное время в России сложилась напряженная эпизоотическая ситуация. Земские ветеринары предпринимали эффективные меры противодействия болезням животных. Повсеместно осуществлялись мероприятия, направленные на предупреждение и устранение эпизоотий, борьбу с инфекционными заболеваниями животных, население получило бесплатную медицинскую помощь для больных животных, заработали ветеринарные лаборатории и диагностические кабинеты. Борьба с болезнями животных на территории Центрального Черноземья привела к полной ликвидации эпидемий.

Выводы. Земская ветеринария способствовала улучшению здоровья животных и развитию животноводческих хозяйств в России во второй половине XIX века. Деятельность земских ветеринаров положила начало организационному оформлению ветеринарной службы как отдельной отрасли медицины.

Ключевые слова: здравоохранение; ветеринария; история; эпидемия; инфекция; сельское хозяйство; вакцина; лаборатория.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Третьяк А. С. Ветеринарно-эпизоотический надзор в России во второй половине XIX века (по материалам Центрального Черноземья) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 199–210. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-199-210>

Поступила в редакцию 02.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Veterinary and epizootic surveillance in Russia in the second half of the XIX century (based on the materials of the Central Black Earth Region)

Anna S. Tretyak¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

e-mail: anna_tretyak@bk.ru

Abstract

The relevance of the article is due to the difficult epidemiological situation in the Kursk region, which arose due to a special military operation. The historical experience of the zemstvos in solving acute veterinary problems can be used in modern conditions. The history of veterinary and epizootic surveillance in the second half of the 19th century is also relevant from a theoretical point of view, as it allows us to expand knowledge about the socio-economic development of post-reform Russia.

The purpose of the article is to analyze the veterinary practice of zemstvos in the Central Chernozem region in the second half of the XIX century.

Objectives: to identify the peculiarities of the development of veterinary medicine in the zemstvo provinces; to analyze the problems faced by zemstvo veterinarians and methods of their solution; to evaluate the effectiveness of veterinary practice of zemstvos in the Central Chernozem region.

The methodology includes chronological and historical-comparative approaches. The method of objectivity and scientific approach based on the principle of historicism is applied.

Results. In the post-reform period, a tense epizootic situation developed in Russia. Zemstvo veterinarians took effective measures to counteract animal diseases. Measures aimed at preventing and eliminating epizootics, combatting infectious diseases of animals were carried out everywhere, the population received free medical care for sick animals, veterinary laboratories and diagnostic rooms were opened. The fight against animal diseases in the Central Chernozem region has led to the complete elimination of epidemics.

Conclusions. Zemstvo veterinary medicine contributed to the improvement of animal health and the development of livestock farms in Russia in the second half of the XIX century. The activities of zemstvo veterinarians marked the beginning of the organizational design of the veterinary service as a separate branch of medicine.

Keywords: health care; veterinary medicine; history; epidemic; infection; agriculture; vaccine; laboratory.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tretyak A.S. Veterinary and epizootic surveillance in Russia in the second half of the XIX century (based on the materials of the Central Black Earth Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):199–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-199-210>

Received 02.09.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Ветеринария представляет собой специализированную область науки и практики, сосредоточенную на диагностике, лечении и профилактике заболеваний у животных. С начала XIX в. Министерством внутренних дел Российской империи предпринимались меры для становления ветеринарной службы, что за-

ложило правовые и организационные основы для её развития. Однако эти усилия не всегда приводили к успеху, особенно в попытках создать систему подготовки ветеринарных специалистов и их распределении. Ветеринарные специалисты были рассредоточены по разным ведомствам, а в стране не было единой ветеринарной службы и единого органа управления ветеринарией.

Земская ветеринария представляла собой систему ветеринарного обслуживания, учрежденную в XIX в. в 34 губерниях Российской империи. Эта система способствовала формированию организационной структуры ветеринарной службы и развитию ветеринарного образования.

В рамках земской ветеринарии осуществлялись мероприятия, направленные на предупреждение и устранение эпизоотий, борьбу с инфекционными заболеваниями животных, предоставление бесплатной медицинской помощи больным животным, а также организацию ветеринарных лабораторий и диагностических кабинетов.

Важным аспектом деятельности земской ветеринарии стало введение специализированных должностей, направленных на борьбу с такими опасными заболеваниями, как, например, чума крупного рогатого скота. Земские ветеринары проводили профилактические вакцинации, осуществляли диагностические исследования и вносили вклад в совершенствование системы ветеринарного обслуживания и медицинской помощи животным.

Методология

Статья написана на основе опубликованных и неопубликованных материалов. Использованы документы Государственного архива Воронежской области. В качестве источников выступали статистические материалы земств, включая курское и тамбовское земства. Важным источником информации стали публикации дореволюционного периода, затрагивающие проблемы ветеринарии, в их числе работа Н. Д. Диковского [1].

В процессе написания статьи применялся историко-сравнительный метод, что предоставило возможность сопоставить методы работы, использовавшиеся в земской ветеринарии Курской, Воронежской и Тамбовской губерний. Важное место занял проблемно-хронологический метод, который способствовал анализу

проблем, с которыми столкнулись земские ветеринары в пореформенное время. Указанные методы сочетались с принципами объективности, системности и историзма, что обеспечило полное раскрытие заявленной темы.

Результаты и их обсуждение

Проблемы ветеринарии поднимали многие исследователи. О деятельности земских ветеринаров в Центральном Черноземье писали В. Н. Скворцов, Ю. В. Тарасова, Т. В. Степанова, А. Р. Кравцова [2; 3]. Отдельные аспекты становления и развития ветеринарной службы в Тульской губернии раскрыл А. Д. Любушкин [4].

В конце 1860-х гг. в России сложилась напряженная эпизоотическая ситуация, особенно в отношении чумы крупного рогатого скота. Это заболевание нанесло значительный урон сельскому хозяйству страны, что подтверждается снижением экспорта скота и уменьшением потребления мяса [5, с. 28]. В Курской губернии вспышка чумы произошла в 1873 г., когда было зарегистрировано более 4 тысяч заболевших животных, из которых большинство погибло. В последующие годы наблюдались периоды спада и подъема заболеваемости, что требовало принятия соответствующих мер [6, с. 178].

В 1881 г. впервые была предпринята попытка ввести в действие закон «Об убивании зачумленных животных», однако часть губернского собрания выступила против его принятия. Несмотря на это в декабре 1882 г. закон был утвержден с отсрочкой введения до 1 января 1884 г. В 1883 г. началась активная работа по организации ветеринарной службы и сбору информации о заболеваемости чумой [7, с. 129].

Важную роль в борьбе с чумой сыграл Михаил Павлович Борисов, который возглавил земскую ветеринарную службу в Курской губернии. Его деятельность включала организацию сбора данных о заболеваемости, еженедельную отчет-

ность уездных ветеринаров и личное посещение уездов для контроля ситуации. Благодаря энергичным действиям ветеринаров к 1 января 1884 г. чума была практически ликвидирована [8, с. 38].

Однако в 1885 г. ситуация обострилась из-за заноса чумы из соседних губерний, где меры по борьбе с заболеванием были недостаточными. В Курской губернии чума приняла угрожающий характер, что потребовало принятия дополнительных мер. Были созданы чумные комитеты, увеличено количество конных стражников на границе губернии, а также временно назначены дополнительные ветеринарные врачи. Работа ветеринаров в этот период была чрезвычайно тяжелой и требовала значительных усилий, которые увенчались успехом: чума была своевременно остановлена с минимальными потерями. Наблюдения показали, что население и низшая администрация губернии недостаточно активно участвовали в противочумных мероприятиях, что требовало усиления контроля и координации действий.

В 1886 г. Курская губерния вновь столкнулась с масштабной эпидемией чумы, которая вызвала значительный общественный резонанс и потребовала мобилизации всех доступных ресурсов для её сдерживания. Основными факторами, затрудняющими борьбу с заболеванием, были бездействие уездной и сельской полиции, а также неконтролируемая торговля заражённым скотом со стороны скотопромышленников. Эпидемия охватила все уезды Курской губернии, кроме Суджанского, и была зарегистрирована в 96 населённых пунктах. За год было уничтожено 3499 голов скота, ещё 755 голов пали от болезни. Общие затраты земства на борьбу с чумой составили 89 677 руб. [5, с. 34]

Благодаря усилиям курских ветеринарных врачей эпидемия была успешно ликвидирована в январе 1887 г. Их настойчивость и самоотверженность позволили предотвратить распространение

болезни между населёнными пунктами, что можно считать настоящим подвигом.

Однако несмотря на успех в Курской губернии чума продолжала свирепствовать в других регионах России. Убой заражённых животных постепенно привёл к оттеснению болезни на периферию, и в 1895 г. чума была окончательно ликвидирована в европейской части страны.

Борьба с чумой в Курской губернии не только привела к ликвидации эпидемии, но и способствовала организационному оформлению ветеринарной службы как отдельной отрасли медицины. Врачебный совет продолжал курировать медико-санитарные вопросы, но многие противники ветеринарии признали её необходимость. Это привело к увеличению финансирования ветеринарной службы со стороны земских собраний.

К началу 1890-х гг. вспышки чумы рогатого скота в Курской губернии прекратились, а инфекционные заболевания значительно сократились.

В условиях продолжающейся вакцинации сибирская язва тем не менее оставалась одним из наиболее значимых инфекционных заболеваний. Особенно критичным стал 1897 г., когда было зафиксировано 2190 случаев заболевания и последующей гибели животных. Анализ данных до начала Первой мировой войны показывает, что в отдельные годы количество погибших от сибирской язвы животных превышало тысячу, а в 1913 г. достигло 1850 [9, с. 41].

Отчет Курской губернской управы по ветеринарному отделу за 1915 г. демонстрирует, что за 22-летний период в губернии заболело 7205 животных, из которых пало 6718. Таким образом, среднегодовые потери составили около 300 голов [10, с. 119]. По сравнению с другими губерниями эта цифра является относительно небольшой, что свидетельствует о высокой эффективности вакцин и сывороток антракса, производимых Курской ветеринарной бактериологической лабораторией.

Большинство случаев заболевания сибирской язвой происходило в прибрежных зонах рек и на склонах оврагов. Максимальное число вспышек болезни наблюдалось в летние и осенние периоды. Анализируя случаи возникновения сибирской язвы и других инфекционных заболеваний в Фатежском уезде, ветврач Е. И. Рапопорт пришел к выводу, что основной причиной является пастьба скота на болотах, торфяниках и низменных лугах, которые являются источниками инфекции. Он называл такие места «гнездами заразы», включая болото при шоссе в 10 верстах от Фатежа, торфяное болото в селе Глебовой и деревне Шмарной, а также другие аналогичные участки. Ветеринарный врач хорошо знал санитарное состояние своего уезда и пришел к заключению, что крестьянам нельзя не пасти скот на болотах, поскольку других пастьбищ у них нет до снятия урожая [11, с. 248–249].

В Курской губернии XIX в. луга и пастьбища были практически исчерпаны, что привело к сокращению поголовья скота. Неурожай 1891 г. усугубил ситуацию, вызвав дальнейшее уменьшение численности животных. Крестьяне, арендовавшие земли на краткосрочной основе, не могли эффективно их обрабатывать, что также способствовало ухудшению условий содержания скота. Чересполосица, при которой крестьяне владели землей в различных местах, затрудняла рациональное использование земельных ресурсов и способствовала фрагментации полей. В результате скот страдал от недостатка корма, что снижало его продуктивность и устойчивость к заболеваниям. Ветеринарные врачи отмечали, что голодные животные хуже поддаются лечению и имеют более низкий рост.

Один из земских ветврачей И. С. Сакун так описывал условия содержания крестьянского скота: «Крестьянский скот малорослый и почти круглый год содержится в худом теле от недостатка корма. В конце марта захудалый скот выгоняет-

ся на пастьбище, которым служит паровой клин, и ходит по одному пастьбищу почти до 20 июня, пока не вспашут пар. Обыкновенно попас продолжается до 1 октября. С октября до марта, 5 месяцев, скот содержится по дворам на сухом корме» [6, с. 251].

Эпидемии сибирской язвы, ящура, сапа и бешенства были частым явлением и в Воронежской губернии. Нередко усилившиеся ветеринары Воронежа сталкивались с невежеством населения. В 1892 г. заведующий Воронежским ветеринарным участком отметил небрежное отношение к трупам животных, погибшим от сибирской язвы: «Сибирская язва вызывает ежегодные значительные потери в Воронежской губернии. Невежливое и безответственное обращение с трупами умерших животных является главной причиной постоянного существования этой болезни в нашем регионе. Трупы, часто оставляемые незарытыми возле дорог или сбрасываемые в низменные места, разлагаются и способствуют распространению заразы как через непосредственный контакт с ними, так и через остатки навоза, уносимые в ближайшие водоемы» [11, л. 2].

Земские ветеринары объясняли населению важность вакцинации животных для предотвращения распространения болезней. Создание понимания среди владельцев скота было критически важным для повышения доверия к вакцинации и поощрения участия в мероприятиях по профилактике. Н. Д. Диковский был первым в Курской губернии, кто начал применять предохранительные прививки против сибирской язвы в 1893 г., добился значительных успехов. В 1894 г. он провел вакцинацию в пяти имениях уезда, привив 977 животных. После второй вакцинации заболело 22 лошади, но остальные животные перенесли процедуру легко [12, с. 601]. Эти результаты подтвердили эффективность вакцинации как метода борьбы с сибирской язвой.

Введение компенсационных выплат владельцам животных, которые умирали после вакцинации, а также за уничтожение зараженных особей, свидетельствует о стремлении властей минимизировать экономические потери от вспышек инфекционных заболеваний и повысить мотивацию к соблюдению ветеринарных норм. Так, в Воронежской губернии в случае, если животное умирало после вакцинации, ветеринарный врач выплачивал его владельцу компенсацию за счет государственных средств. Также для предотвращения распространения заболеваний, таких как бешенство, сап, туберкулез и др., предусматривались выплаты за уничтожение зараженных животных. Необходимость введения таких мер подтверждается отчетом врача Воронежского ветеринарного участка А. И. Лесенко за 1891 г., в котором он упоминает о сапе лошадей: «Сап на лошадях, хотя и не имеет широкого распространения, существует и часто скрывается владельцами от ветеринарного надзора. Заболевание иногда обнаруживается лишь случайно благодаря доносам соседей или другим источникам, но редко из заявлений самих владельцев. Опасность этой болезни известна многим, поскольку она угрожает не только животным, но и людям. Борьба с ней привлекла внимание земств через специальный циркуляр Министерства внутренних дел. Однако, как представляется, борьба будет неэффективной, пока владельцы зараженных лошадей не будут получать финансовую компенсацию за убитых от этой болезни животных» [13, л. 4 об.–5].

Разъяснительная работа способствовала построению более эффективных отношений между ветеринарной службой и владельцами животных. Это увеличивало количество обращений за ветеринарной помощью и способствовало более активному сотрудничеству в вопросах профилактики и лечения. Успехи курского врача Н. Д. Диковского вызвали интерес у скотовладельцев, которые начали обра-

щаться в губернскую управу с просьбами о вакцинации своих животных. Однако возникли трудности, связанные с необходимостью приглашения харьковских лаборантов и оплаты их услуг. Потребность в вакцинах из Харьковского ветеринарного института, которая превышала доступные запасы, подчеркивает важность создания местных производственных мощностей для обеспечения стабильного и достаточного снабжения вакцинными препаратами, что, в свою очередь, является ключевым условием для эффективного контроля заболеваний среди домашних животных и минимизации их негативного воздействия на сельское хозяйство. Так, выявленные трудности в обеспечении вакцинацией выделяют необходимость в оптимизации логистических и организационных аспектов ветеринарной службы для достижения высокого уровня здоровья животных и продуктивности животноводства.

Н. Д. Диковский предложил ряд мер для улучшения ситуации, включая создание собственной бактериологической лаборатории, повышение материального положения ветеринарных специалистов, расширение ветеринарной сети и улучшение условий содержания скота [14, с. 207]. Эти меры были направлены на обеспечение доступности вакцинации для крестьянского населения и улучшение общественного здоровья в Курской губернии [16, с. 341].

В контексте решения вопросов, связанных с организацией санитарной службы в Воронежской губернии, медицинские специалисты также внесли значительный вклад. В 1910 г. обязанности сотрудников Воронежского ветеринарного участка значительно расширились и включали в себя проведение прививок, осмотр мясопродуктов на рынках и скотобойнях, вскрытие и бактериологические исследования, кастрацию, а также исследования воздействия маллеина и туберкулина [16, с. 84].

Для повышения эффективности борьбы с инфекционными заболеваниями земство увеличило ветеринарный персонал и искало рациональные методы профилактики. Вскоре власть пришла к выводу о необходимости разработки мероприятий по предотвращению заболеваний животных. В те времена в стране стали появляться ветеринарно-бактериологические лаборатории. В 1890 г. такая лаборатория была создана в Саратове, в 1892 г. – в Херсоне, в 1894 г. – в Самаре, а в 1895 г. – в Курске. К 1898 г. в России уже действовало 15 таких лабораторий [8, с. 86]. Эти учреждения сыграли важную роль в улучшении не только диагностики, но и в производстве различных биологических препаратов.

Участники первого съезда ветеринарных врачей в Курске единогласно поддержали инициативу о создании бактериологической лаборатории в губернии, что было впоследствии одобрено губернской администрацией. Закупка вакцин, особенно против сибирской язвы, была затратной и не покрывала растущий спрос, кроме того, существовала настоятельная необходимость в улучшении диагностики заболеваний.

Когда вопрос о создании лаборатории был вынесен на очередное губернское собрание в декабре 1894 г., администрация связала проблемы диагностики животных и производства вакцин с необходимостью создания качественного оспенного детрита для медицинских нужд. Предложение предусматривало выделение 500 рублей в год на нужды лаборатории. Тем не менее губернское собрание отклонило предложение, решив выделить 1000 рублей Харьковскому ветеринарному институту для использования его вакцин и лабораторий для анализа патологического материала. Однако переговоры с институтом не увенчались успехом: директор сообщил, что Харьковская лаборатория может только координировать работу земских лабораторий

и не может предоставлять вакцины или отправлять лаборантов [12, с. 181].

В результате губернская администрация решила использовать выделенные средства для приглашения «запасного» ветеринарного врача, имеющего опыт в бактериологических исследованиях, и адаптировать какое-нибудь здание под лабораторию. В мае 1895 г. на позицию «запасного» ветеринарного врача, т. е. лаборанта, был назначен И. М. Ковалевский, ранее работавший в лаборатории Самарского губернского земства. Лаборатории была выделена одна комната во флигеле оспенного института, а заведующим лабораторией стал губернский ветеринарный врач М. П. Борисов.

Таким образом, создание бактериологической лаборатории в Курске в конце XIX в. стало важным шагом к усилению ветеринарной службы в регионе и улучшению диагностики и профилактики заболеваний животных. Позиция участников съезда ветеринарных врачей и поддержка губернской администрации подтверждают растущую значимость научных исследований в области ветеринарии для обеспечения здоровья скота и защиты общественного здоровья от таких инфекций, как сибирская язва.

Недостаток средств на приобретение вакцин и отсутствие необходимых лабораторных условий подчеркивают сложные перспективы в ветеринарной практике того времени. Тем не менее назначение опытного лаборанта И. М. Ковалевского и создание начальных условий для лабораторных исследований свидетельствует о стремлении улучшить ситуацию и удовлетворить растущий спрос на высококачественные диагностические услуги и вакцины.

Тесное сотрудничество между ветеринарными врачами, научными институтами и губернскими властями было критически важно для развития ветеринарной медицины. Это подчеркивает необходимость инвестиционного подхода в развитие лабораторной инфраструктуры

и технологий, что является актуальным и сегодня для повышения эффективности борьбы с инфекционными заболеваниями среди животных и защиты общественного здоровья.

В начале XX в. штат Курской бактериологической лаборатории состоял из одного ветеринарного врача, исполнявшего обязанности заведующего, и одного служителя. Н. Д. Диковский успешно совмещал практическую работу по выпуску вакцин с научными исследованиями. Он отмечал, что объем работы был слишком велик, что приводило к переутомлению персонала, и расширение деятельности было невозможно без дополнительных ресурсов. Поэтому приглашение второго лаборанта и предложение о приготовлении противорожистой сыворотки были своевременными и необходимыми для облегчения труда и дальнейшего развития лаборатории [1, с. 10].

В мае 1904 г. на должность второго ветеринарного врача был принят В. И. Ручкин. Известный ветеринарный врач Н. Д. Диковский стремился внедрять в практику все новшества, появляющиеся в ветеринарной науке. В 1907 г. В. И. Ручкин был командирован в Германию на четыре месяца для изучения передовых технологий профилактики инфекционных заболеваний, таких как бешенство, мыт, холера свиней и птиц, а также диагностики сапа и туберкулеза.

Финансовая зависимость лаборатории от земского бюджета вызывала беспокойство Н. Д. Диковского. В своих отчетах он детально указывал расходы на инструменты, препараты и жалованье. Вакцины, производимые в лаборатории, распространялись бесплатно по губерниям. Однако в 1904 г. лаборатория впервые получила доход от продажи вакцин для лошадей, отправляемых на Дальний Восток. В том же году лаборатория начала продажу препаратов в 28 губерний России, а полученные средства были направлены в специальный фонд для строительства нового здания лаборатории.

В феврале 1907 г. была разработана смета и определены требования к помещениям будущей лаборатории, включая необходимость строгой изоляции вирусных зон, хорошей вентиляции и соблюдения стерильности. Для выбора оптимального проекта Н. Д. Диковский и земский архитектор Б. П. Колумбус посетили Воронеж и Саратов, где им удалось получить чертежи Пастеровского института. По возвращении В. И. Ручкина из Германии был утвержден проект строительства новой лаборатории, стоимость которого составила 70 тыс. рублей, и в конце ноября 1909 г. лаборатория была построена [1, с. 12–14]. В течение всего периода строительства новой лаборатории не прекращался процесс производства вакцин. Так, в 1907 г. препараты лаборатории использовались в 37 губерниях России, а в 1908 г. их количество удвоилось. Увеличилось и число проведенных диагностических исследований. В 1909 г. лаборатория производила вакцины антракса, рожи свиней и овец, «мышиного тифа», а также сыворотки против рожи свиней, выполнив 380 диагностических анализов. Спрос на препараты значительно возрос, и их отправка охватила 51 губернию как европейской, так и азиатской части России, принося доход в 9300 рублей. Штат лаборатории состоял из двух ветеринаров, фельдшера, письмоводителя и пяти единиц обслуживающего персонала [1, с. 14].

В последующие годы лаборатория расширила свои функции, активно работая над препаратами для борьбы с бешенством, мытом лошадей, холерой свиней, сапом, холерой птиц, туберкулезом крупного рогатого скота и собачьей чумой. Н. Д. Диковский трижды выезжал за границу для повышения квалификации. В 1912 г. лаборатория наладила производство сыворотки против мыта лошадей и вакцины против бешенства, а в 1913 г. была удостоена золотых медалей на двух Всероссийских выставках за качество своих препаратов [9, с. 41].

К 1 января 1914 г., благодаря продаже биопрепаратов, лаборатория не только погасила заем в 65 тыс. руб., но и имела свободный капитал свыше 100 тыс. рублей. Однако начавшаяся мировая война подорвала финансовую основу лаборатории и нанесла серьезный ущерб научным изысканиям Н. Д. Диковского.

Укажем, что создание лаборатории в Курской губернии было значимым шагом в области ветеринарной медицины, который способствовал улучшению диагностики и профилактики заболеваний у животных. Эффективность работы лаборатории и ее способность адаптироваться под спрос на медицинские препараты демонстрируют важность научных исследований и профессиональной подготовки в этой области. Однако наглядно также проявляется, как внешние факторы, такие как войны, могут резко подорвать достижения в научной сфере, подчеркивая необходимость защиты и поддержки научных исследований даже в трудные времена.

Необходимо отметить, что и в Воронежской, и в Тамбовских губерниях земства уделяли внимание организации ветеринарных лабораторий. В частности, в 1897 г. была основана Ветеринарно-бактериологическая лаборатория Воронежского губернского земства. Еще в 1895 г. Воронежское уездное земское собрание осознано необходимости наличия квалифицированного ветеринарного врача-бактериолога в уезде, о чем свидетельствует принятное постановление. Лаборатория начала свою деятельность с выпуска сибироязвенной вакцины и впоследствии расширила спектр производимых прививочных материалов [17, л. 3 об.].

Первоначально лаборатория не имела собственного здания, и штат её сотрудников был ограничен тремя человеками: заведующим, препаратором и сторожем. Однако несмотря на ограниченные ресурсы ветеринарные врачи активно занимались усовершенствованием произ-

водимых препаратов и исследованием их воздействия на организм животных.

Одним из значимых достижений лаборатории стала разработка вакцины против оспы под названием «каприна». Профессор Д. Ф. Конев создал основу для этой вакцины, а заведующий лабораторией А. С. Тимченко усовершенствовал её, делая прививки овцам. В результате вакцина получила название «овино-каприна» и активно применялась в Воронежской губернии [17, л. 4].

В 1911 г. Губернское земское собрание приняло решение о строительстве здания для лаборатории, которое было завершено в 1913 г. Это позволило значительно расширить возможности лаборатории и улучшить условия труда её сотрудников.

Таким образом, несмотря на некоторые организационные трудности, ветеринарная служба в Воронежской губернии активно развивалась и проводила необходимые мероприятия для улучшения санитарной обстановки. Хотя организация ветеринарной службы в Воронежской губернии не достигла такого же уровня, как в Курской, усилия ветеринарных врачей были направлены на решение актуальных проблем и улучшение общественного здоровья.

Воронежские ветеринары активно использовали достижения науки. Массовые прививки вакциной Д. Ф. Конева против рожи свиней были инициированы в Воронежской и Орловской губерниях. Ветеринарные врачи Воронежа были одними из первых, кто начал использовать новые методики диагностики сапа и туберкулеза на основе препаратов малlein и туберкулинов.

Действия ветеринарной организации Тамбовской губернии, направленные на обеспечение санитарной безопасности, были нацелены на ликвидацию эпизоотий. Среди инфекционных заболеваний, оказывающих значительное негативное воздействие на экономику населения, наибольшее беспокойство вызывали чума

рогатого скота, сибирская язва, сап и ящур. Для борьбы с чумой рогатого скота применялись меры, схожие с теми, которые осуществлялись в соседних губерниях, включая осуществление надзора за гуртовым скотом и уничтожение инфицированных животных. С момента введения этих мер в 1893 г. эпидемии чумы больше не возникали [18, с. 162].

Другие заболевания также приводили к серьезным последствиям, что вызвало необходимость использования профилактических вакцин. Для производства вакцин против сибирской язвы были приглашены ассистенты Казанского ветеринарного института, однако этот процесс оказался дорогостоящим, и ряд уездных земств начал самостоятельно организовывать вакцинацию. С созданием бактериологической станции при губернской управе и привлечением квалифицированного ветеринарного врача и фельдшера доступность вакцин значительно увеличилась, что положительно отразилось на профилактике инфекционных заболеваний в животноводстве.

Необходимо подчеркнуть важность внедрения эффективных мер контроля и профилактики заболеваний животных в условиях нехватки информации и образования среди владельцев животных. Эффективность ветеринарной службы также зависела от открытия новых методов диагностики и лечения, что позволяет предположить, что инвестиции в обучение и исследования могут существенно повысить уровень здоровья скота и защитить общественное здоровье в целом.

Выводы

В заключение необходимо подчеркнуть, что медицина и ветеринария изначально развивались по различным направлениям: медицина сосредоточила свои усилия на лечении больных, в то время как ветеринария акцентировала внимание на организации эффективной санитарной службы.

Надо признать тот факт, что эффективная ветеринарная санитарная служба на уровне губерний и уездов привела к коренным изменениям. Эпизоотии были практически полностью ликвидированы, а для профилактики и лечения животных активно использовались вакцины, производимые в собственных бактериологических лабораториях. Более того, производство этих вакцин не ограничивалось только нуждами губерний: вакцины, изготовленные в Курской бактериологической лаборатории, обеспечивали не только соседние губернии, но и широко распространялись в более удаленные регионы Российской империи.

Таким образом, исследование истории развития ветеринарии в Центральном Черноземье позволяет выявить ключевые этапы, тенденции и закономерности, которые способствовали формированию и эволюции ветеринарной науки и практики.

Понимание исторического контекста ветеринарии важно для осознания вклада данной дисциплины в решение социальных проблем, таких как борьба с эпидемиями среди животных, улучшение условий содержания животных и обеспечение продовольственной безопасности. Ветеринария играет ключевую роль в охране здоровья населения, предотвращая распространение зоонозных заболеваний и обеспечивая контроль качества продуктов животного происхождения.

Изучение истории ветеринарии также способствует развитию современных подходов и методов лечения животных, а также формированию этических и профессиональных стандартов в ветеринарной практике. Кроме того, оно позволяет оценить вклад ветеринарных специалистов в экономическое развитие регионов и страны в целом, учитывая их участие в сельском хозяйстве, животноводстве и других отраслях.

Список литературы

1. Диковский Н. Д. Ветеринарная бактериологическая лаборатория Курского губернского земства. Исторический очерк. 1896–1909 гг. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1909. 31 с.
2. Мероприятия по борьбе с сибирской язвой, проводимые местными властями в Обойянском уезде Курской губернии в конце XIX века / В. Н. Сквортцов, Ю. В. Тарасова, Т. В. Степанова, А. Р. Кравцова // Ветеринария и кормление. 2024. № 2. С. 84–87.
3. Земская ветеринария Острогожского уезда Воронежской губернии / В. Н. Сквортцов, А. С. Горбанёва, В. Ю. Оскольская, А. Р. Кравцова // Ветеринарная патология. 2022. № 4(82). С. 82–89.
4. Любушкин А. Д. Становление и развитие земской ветеринарной службы на рубеже XIX–XX вв. (по данным Тульской губернии) // *Studia Humanitatis*. 2022. № 2. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/lyubushkin_0.pdf (дата обращения: 14.08.2024).
5. Григорьев Б. Е., Гольцов В. И. Очерки истории ветеринарии Курской области. Курск: Курск, 1992. 214 с.
6. Труды Первого Съезда земских ветеринарных врачей и представителей земств Курской губернии 10–20 сентября 1894 г. Курск, 1894. 317 с.
7. Третьяк А. С. Становление и развитие земской медицины и ветеринарии в Центральном Черноземье: 1865–1914 гг. Курск: Университетская книга, 2018. 162 с.
8. Очерки истории ветеринарии Курского края (1883–2003 гг.) / А. Ф. Лебедев, Б. Е. Григорьев, В. И. Гольцов [и др.]. Курск, 2004. 407 с.
9. Отчет Курской земской управы по ветеринарному отделу за 1914 год / Земство Курск. губ. Курск, 1915. 185, 109 с.
10. Отчет Курской земской управы по ветеринарному отделу за 1915 год / Земство Курск. губ. Курск, 1917. 131, 101 с.
11. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И-20. Оп. 1. Т. 2. Д. 1981.
12. Журнал заседаний XXX очередного Курского губернского земского собрания 1894 г. / Земство Курск. губ. Курск, 1911. 91 с.
13. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Т. 2. Д. 1889.
14. Журнал заседаний очередного Курского губернского земского собрания 1911 г. / Земство Курск. губ. Курск, 1911. 91 с.
15. Журнал заседаний очередного Курского губернского земского собрания 1912 г. / Земство Курск. губ. Курск, 1913. 2299 с.
16. Ветеринарная хроника Воронежской губернии / Воронеж. губ. земская управа (ветеринарное отделение). Вып. 1. Воронеж: Типолитогр. изд-ва «Печатник», 1910. С. 291–292.
17. ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Т. 2. Д. 1122.
18. Сборник-календарь Тамбовской губернии: на 1903 год. Тамбов: Типолитогр. губ. правления, 1903. 192 с.

References

1. Dikovskii N.D. Veterinary Bacteriological laboratory of the Kursk provincial zemstvo. In: Historical essay. 1896-1909. Kursk: Tip. Kursk. pub. zemstvo; 1909. 31 p. (In Russ.)
2. Skvortsov V.N., Tarasova Yu.V., Stepanova T. V., Kravtsova A.R. Measures to combat anthrax carried out by local authorities in the Oboyan district of the Kursk province at the end

- of the XIX century. *Veterinariya i kormlenie* = Veterinary medicine and feeding. 2024;(2):84–87. (In Russ.)
3. Skvortsov V.N., Gorbaneva A.S., Oskol'skaya V.Yu., Kravtsova A.R. Zemstvo veterinary medicine of Ostrogozhsky district of Voronezh province. *Veterinarnaya patologiya* = Veterinary pathology. 2022;(4):82–89. (In Russ.)
 4. Lyubushkin A.D. Formation and development of the zemstvo veterinary service at the turn of the XIX–XX centuries. (according to the Tula province). *Studia Humanitatis*. 2022;(2). (In Russ.) Available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/lyubushkin_0.pdf (accessed 14.08.2024).
 5. Grigor'ev B.E., Gol'tsov V.I. Essays on the history of veterinary medicine in the Kursk region. Kursk: Kursk; 1992. 214 p. (In Russ.)
 6. Proceedings of the First Congress of zemstvo veterinarians and representatives of zemstvos of Kursk province on September 10-20, 1894. Kursk; 1894. 317 p. (In Russ.)
 7. Tret'yak A.S. Formation and development of zemstvo medicine and veterinary medicine in the Central Chernozem region: 1865-1914. Kursk: Universitetskaya kniga; 2018. 162 p. (In Russ.)
 8. Lebedev A.F., Grigor'ev B.E., Gol'tsov V.I., et. al. Essays on the history of veterinary medicine of the Kursk Region (1883-2003). Kursk; 2004. 407 p. (In Russ.)
 9. Report of the Kursk Zemstvo board on the veterinary department for 1914. Kursk: Zemstvo Kursk. gub.; 1915. 185, 109 p. (In Russ.)
 10. Report of the Kursk Zemstvo board on the veterinary department for 1915. Kursk: Zemstvo Kursk. gub.; 1917. 131, 101 p. (In Russ.)
 11. GAVO (The State Archive of the Voronezh Region). F. I-20. Op. 1. T. 2. D. 1981. (In Russ.)
 12. The journal of the meetings of the XXX regular Kursk provincial Zemstvo Assembly in 1894. Kursk: Zemstvo Kursk. gub.; 1911. 91 p. (In Russ.)
 13. GAVO. F. I-20. Op. 1. T. 2. D. 1889. (In Russ.)
 14. The journal of the meetings of the next Kursk provincial Zemstvo Assembly in 1911. Kursk: Zemstvo Kursk. gub.; 1911. 91 p. (In Russ.)
 15. The journal of the meetings of the next Kursk provincial Zemstvo Assembly in 1912. Kursk: Zemstvo Kursk. gub.; 1913. 2299 p.
 16. Veterinary chronicle of the Voronezh province. Is. 1. Voronezh: Tipolitogr. izd-va "Pechatnik"; 1910. P. 291–292. (In Russ.)
 17. GAVO. F. I-20. Op. 1. T. 2. D. 1122. (In Russ.)
 18. Collection-calendar of Tambov province: for 1903. Tambov: Tipolitogr. gub. pravleniya; 1903. 192 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Третьяк Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: anna_tretyak@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-5204-613X

Anna S. Tretyak, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: anna_tretyak@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-5204-613X

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-211-222>

О понятии категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период (на примере Курской губернии)

Н. В. Петров¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статегическое планирование развития территорий невозможно без учета особенностей истории, географического положения, специфики производственно-экономического потенциала региона как факторов, оказывающих влияние на количественно-качественные показатели населения. В условиях воздействия мощных дестабилизирующих событий военно-политического и экономического характера опыт первого десятилетия советской власти по управлению городскими сообществами полезен для определения вектора трансформации государственных институтов, что требует определения содержания категории «социальная структура городского населения» в постреволюционный период.

Цель – раскрыть содержание понятия «социальная структура городского населения» в ранний советский период на примере Курской губернии.

Задачи: соотнести социологическое понимание, сложившуюся практику трактования Курским губернским комитетом РКП(б)-ВКП(б) и подходы советских и современных исследователей к понятию «социальная структура городского населения».

Методология. Для достижения поставленных цели и задач исследования использованы принципы историзма, объективности и системности. Оценка социологического понимания социально-состава потребовала применения междисциплинарного подхода. Кроме того, в методологическом аппарате исследования имеются историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный методы.

Результаты. Разработан концепт категории «социальная структура городского населения» в первое постреволюционное десятилетие с учетом региональных особенностей развития Курской губернии, а также состояния историографии вопроса.

Вывод. Категория «социальная структура городского населения» представляет собой сложное понятие, которое с учетом событий первого десятилетия советской власти включает в объем своего содержания совокупность групп людей, объединенных исходя из политico-идеологического развития государства и количественно-качественных признаков жизнедеятельности населения в пределах конкретной городской территории с учетом исторических и экономических факторов.

Ключевые слова: городские сообщества; количественно-качественные показатели; социальный состав; советский период; трансформация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Петров Н. В. О понятии категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 211–222. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-211-222>

Поступила в редакцию 28.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

On the concept of the category “social structure of the urban population” in the early Soviet period (on the example of the Kursk province)

Nikolay V. Petrov¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
✉e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Abstract

Relevance. Strategic planning of the development of territories is impossible without taking into account the peculiarities of history, geographical location, specifics of the production and economic potential of the region as factors influencing the quantitative and qualitative indicators of the population. Under the influence of powerful destabilizing events of a military, political and economic nature, the experience of the first decade of Soviet power in managing urban communities is useful for determining the vector of transformation of state institutions, which requires determining the content of the category «social structure of the urban population» in the post-revolutionary period.

The purpose – to reveal the content of the concept of the “social structure of the urban population” in the early Soviet period on the example of the Kursk province.

Objectives: to correlate the sociological understanding, the established practice of interpretation by the Kursk Provincial Committee of the RCP(b)-VKP(b) and the approaches of Soviet and modern researchers to the concept of “social structure of the urban population”.

Methodology. To achieve the set goals and objectives of the study, the author uses the principles of historicism, objectivity and consistency. The assessment of the sociological understanding of social composition required the application of an interdisciplinary approach. In addition, the methodological apparatus of the study includes historical-genetic, retrospective, historical-comparative methods.

Results. The concept of the category “social structure of the urban population” was developed in the first post-revolutionary decade, taking into account the regional peculiarities of the development of the Kursk province, as well as the state of the historiography of the issue.

Conclusion. The category “social structure of the urban population” is a complex concept, which, taking into account the events of the first decade of Soviet power, includes in its scope a set of groups of people united on the basis of the political and ideological development of the state and quantitative and qualitative signs of the vital activity of the population within a specific urban area, taking into account historical and economic factors.

Keywords: urban communities; quantitative and qualitative indicators; social composition; the Soviet period; transformation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Petrov N.V. On the concept of the category “social structure of the urban population” in the early Soviet period (on the example of the Kursk province). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryia i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):211–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-211-222>

Received 28.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

В статье предпринята попытка обобщения знаний о содержании понятия «социальный состав городского населения» в первое десятилетие советской власти на региональном уровне. Этот период истории наполнен рядом событий, сущ-

ственно повлиявших на процессы трансформации структуры российского общества, интересен тем, что руководство страны ставило масштабные задачи по установлению и закреплению советской власти на местах, восстановлению экономики после ведения боевых действий,

повышению профессионально-образовательного уровня граждан. Успешное решение возникших перед управленцами проблем было невозможным без координации советскими органами власти и партийным руководством вопросов политического уровня населения и количественно-качественных показателей территорий.

Как нами подчеркивалось в предыдущих исследованиях, роль городского населения в становлении молодого советского государства с точки зрения работы с слабо теоретически подготовленным и плохо вовлеченым в политические процессы сельским населением была значимой [1, с. 223]. В связи с этим весьма восребованы исторические исследования, посвященные различным характеристикам городского населения, его повседневной жизни, профессиональному становлению, а также демографии. Вместе с тем указанные показатели жизнедеятельности городских сообществ не существуют обособленно. Они связаны между собой и взаимно влияют друг на друга, поэтому важно наличие системообразующего понятия, отражающего всю суть происходящих в рамках города процессов.

Таким понятием может выступить «социальная структура городского населения», но на настоящий момент в самых разнообразных источниках и научной литературе нет единого видения относительно содержательной части категории. Более того, социальный состав населения понятие более широкое по сравнению с понятием социального состава городского населения, что сказывается на степени изученности и научного интереса к рассматриваемой в настоящей статье дефиниции, имеющей социологическое начало, но подвергшейся коренному изменению вследствие смены общественно-политического строя в 1917 г.

Стратегическое планирование по достижению показателей экономического роста невозможно без учета особенно-

стей истории, географического положения, специфики хозяйственного потенциала региона как факторов, оказывающих влияние на количественно-качественные показатели населения. Современное состояние производственного сектора Курской области основано не только на текущих принимаемых решениях системой органов единой публичной власти, но и исторической преемственности сложившихся до Октябрьской революции и активно развивавшихся в советский период отраслей промышленности. Необходимо осознавать эту преемственность при обсуждении будущего региона, что особенно актуально в свете приближающегося тысячелетия города Курска в 2032 г.

В условиях воздействия мощных дестабилизирующих событий военно-политического и экономического характера опыт первого десятилетия советской власти по управлению городскими сообществами полезен для определения пути трансформации государственных институтов, что требует определения содержания категории «социальная структура городского населения» в постреволюционный период.

Настоящее исследование построено на объединении результатов анализа соотношения социологического понимания, сложившейся практики толкования Курским губернским комитетом РКП(б)-ВКП(б), а также органами советской власти и подходов советских и современных историков к понятию «социальная структура городского населения».

Методология

Настоящее исследование проведено с применением базовых принципов исторической науки. Соблюдение принципа историзма позволило оценить составляющие элементы социальной структуры городского населения с учетом специфики событий раннего советского периода. С помощью принципа объективности автору удалось беспристрастно показать влияние коммунистического учения на

видение социальной структуры городского населения партийными работниками Курской губернии, а принцип системности в проведенном исследовании дал возможность представить содержание социального состава населения городов как совокупность взаимосвязанных элементов.

Междисциплинарный подход необходим для представления состава городских сообществ как социологической категории с учетом реалий постреволюционной действительности, сложившихся в Курской губернии.

Сопоставление понимания сущности социального состава горожан в советской и современной историографии потребовало обращения к историко-сравнительному методу, стремление выделить и классифицировать типовые исследовательские модели структуры городов к типологическому, а восстановление событий первых лет советского государства применительно к цели и задачам в данной работе к ретроспективному методу.

Результаты и их обсуждение

Известное социологии понятие «социальная структура» трактуется учеными достаточно широко. В общем виде она определяется как модель устойчивого развития [2, с. 170]. Применительно к хронологическим рамкам настоящей работы вряд ли можно говорить о достоинстве данного социологического подхода. В условиях формирования неизвестной мировой практике государственности о какой-либо устойчивости в общественных отношениях во время слома сословного деления общества и его коренной трансформации под влиянием коммунистического учения утверждать невозможно, так революционные события развивались стремительно.

О. И. Водяенко считает, что наиболее приемлема разработанная М. Вебером модель социальной стратификации, описывающая социальную структуру общества с помощью следующих па-

метров: класс, отношения собственности, социальный статус и объем власти [3, с. 13].

Исходя из деления всего общества на четыре класса: верхний, средний, базовый и низший, а также критериев социальной стратификации, можно утверждать, что автор не учитывает общественно-политические особенности развития государства в определённый момент времени как основной признак социальной структуры [3, с. 15]. Думается, такой подход не совсем точно отражает особенности динамики сообществ (в том числе и городских) при смене государственного строя в постреволюционной действительности.

Социальная структура понимается и как пространство, где социальные группы отличаются между собой по объему экономической или политической власти [2, с. 171]. Обязательным элементом любой социальной структуры является неравенство социальных групп. В целом представленное понимание сущности социальной структуры согласуется с основами теории социальной стратификации. Однако эти определения видятся упрощенными относительно городских сообществ, поскольку в них слабо учитываются объективные и характерные для любой общности людей признаки: возраст, пол, профессия, национальность и др.

Как систему показателей о населении социальный состав горожан трактует О. В. Кобяк¹. В признаки этого понятия автор вкладывает процесс их формирования на конкретной городской территории, историческую обусловленность показателей и их демографическую направленность. Критерии классификации достаточно разнообразны и касаются возрастно-полового соотношения в числен-

¹ Социология: энцикл. Минск: Интерпресссервис: Книжный Дом. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/236. (дата обращения: 29.07.2024).

ности горожан, национальной принадлежности, брачного состояния граждан.

Разработанный социологом подход к пониманию сущности интересен еще и тем, что в нем учтены факторы исторического развития региона, стратегии государственной политики и экономической составляющей городов определенного региона. Считаем, что подобного рода толкование сущности социального состава городского населения оптимально, поскольку в нем отражена сложность и многофакторность этого явления, оно не ассоциируется с простой совокупностью различных характеристик жизнедеятельности горожан. Именно это определение возьмем за основу для его сравнения с пониманием социального состава населения в первое постреволюционное десятилетие.

В практическом смысле работа по формированию нового социального состава обществ началась с радикального решения вопроса о соотношении классов как структурной единицы советского общества и сословий как единицы стратификации в дореволюционной России. Декретом ВЦИК от 23 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» сословное деление общества было фактически отменено, правовых оснований для закрепленных привилегий больше не осталось. Население страны получило общее название – граждане.

Необходимо отметить и Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 5 февраля 1918 г., исключивший из социального состава духовенство политически, потому что даже в учете населения больше не требовалось изучать принадлежность к какой-либо религии. Как установлено специалистами по проблеме, процесс ограничения прав представителей религиозных организаций не был простым и однородным, поскольку к 1922 г. не удалось достичь задачи по полному уничтожению обителей, в Курской губернии закрыта была лишь одна [4, с. 159].

Работа по созданию новой модели советского общества отражена в положениях республиканских конституций 1918 и 1925 гг. Общими чертами для основных законов стало установление городского пролетариата как основной социальной группы в населении городов. Кроме того, в ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. закреплена норма, позволявшая лишать прав представителей других социальных групп в пользу рабочих, что соответствует классовому подходу к социальному составу населения¹.

О других социальных группах, образующих структуру городских сообществ, можно узнать, изучив ст. 65 Основного закона, где приводится перечень лишенных избирательных прав лиц. Разработчики Конституции РСФСР 1918 г. коснулись различных признаков социального состава городского населения при определении категорий граждан, исключенных из избирательного процесса: профессиональный в отношении торговцев и использовавших наемный труд; уровень дохода в отношении живших не за счет полученных за осуществление работы денежных средств; отношение граждан к религии для духовенства; граждане с девиантным поведением (совершившие определенные категории преступлений) и недееспособные вследствие психического расстройства; отношение к царскому режиму (сотрудники полицейских органов).

Представители партийного актива Курской губернии положительно оценили принятие Основного закона, указав, что среди достоинств «выработанной нами Конституции» нужно выделить, что к управлению советским государством допускаются только трудящиеся граждане [5, л. 33 об.]. Из данного суждения

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 29.07.2024).

можно утверждать, что куряне и жители других уездных городов приняли революционные события, считали себя причастными к ним и выражали надежду на скорейшее достижение коммунистических целей.

Во второй половине 1920-х гг. конституционное оформление различных аспектов социальной структуры городского населения продолжилось. В Конституции РСФСР 1925 г. несколько расширилось регулирование отдельных признаков. К примеру, в ст. 8 видится стремление решить вопросы образовательного уровня горожан при закреплении права на «полное, всестороннее и бесплатное» образование¹.

Классовый подход к структуризации советского общества по-прежнему сохранялся, что продемонстрировано в нормах Конституции РСФСР 1925 г., посвященных устраниению препятствий в использовании средств печати в прямой зависимости от средств капитала, а также лишению политической и экономической власти имущих классов.

Помимо того, что дефиниция «социальный состав» использовалась не только при описании населения страны, но и при обсуждении большевиками состава партии. В этом случае тоже использовался классовый принцип, из-за которого структура общества выглядела несколько упрощенной и включала в себя классы, проживавшие в городе: рабочие, служащие и «прочие» [6, л. 26]. В середине 1920-х гг. Курский губернский комитет ВКП(б) заявлял о необходимости повышения процентного содержания в составе ВКП(б) рабочих с 40,4% до 50%. Как видим, в период с 1918 по 1928 г. присутствовала двойственность в применении

понятия «социальный состав», т. к. государственная политика проводилась сначала в отношении партии большевиков, а затем уже в отношении всего населения. Это видится вполне логичным, потому что руководству региона нужно было определить благонадежный состав лиц, задавших вектор развития городов, которые осуществляли основной пласт политической работы среди населения.

Категория «социальный состав» имела экономический смысл при описании особенностей представительства социальных групп в различных видах городской кооперации. При их обозначении партийные организации выбрали за основу признак, характеризующий профессию или иной род занятий горожан: рабочие, служащие, учащиеся, кустари, прислуга [7, л. 55].

Итак, в процессе государственного строительства в первые годы существования советского государства термин «социальная структура городского населения (социальный состав)» применялась в субъективном и объективном смысле. Мы не случайно выделяем субъективный смысл рассматриваемого явления на первый план, его содержание представляет взгляд большевиков на стратификацию отдельных групп людей при абсолютном соблюдении классового принципа, в соответствии с которым одни социальные группы получают власть и связанные с ней преимущества, а другие ограничены или вовсе лишены прав. Именно субъективный взгляд на население городов политически ориентировал его динамику.

В объективном смысле социальную структуру городских сообществ составляли атрибуты повседневности, существующие в любом обществе: демография, образование, здравоохранение и промышленность, но управление ими производилось под влиянием субъективных факторов.

Переходя к обсуждению исторических исследований, посвященных социальному составу населения (в том числе

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [утв. постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.]. URL: https://constitution.garant.ru/history/usssr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/ (дата обращения: 29.07.2024).

городского), следует отметить достаточное количество трудов, так или иначе касающихся этого вопроса.

Специальные работы в 1920-е гг. нами не были выявлены, имеются монографии, посвященные отдельным признакам жизни горожан. На начальном этапе развития советской исторической науки исследователи обращали внимание на зарождение рабочего класса [8], специфику мелкой промышленности [9], особенности расширения состава населения во времена НЭП с восстановлением отдельных буржуазных элементов [10]. Как для практической реализации политической линии в отношении горожан, так и в исследованиях первого десятилетия советского государства классовый подход стал доминирующим при изучении общества.

В 1930–50-е гг. появились первые работы, в которых прослеживается попытка обобщить понятие социальной структуры населения. Так, при определении методологии изучения состава рабочего класса Б. Л. Маркус устанавливал варианты его формирования, выделив следующие: лица, ставшие представителями рабочего класса, будучи представителями иных социальных групп (например, крестьяне при переезде из города в деревню), либо политически исключенные из социального состава населения страны лица [11, с. 32]. Подобное видение содержания понятия «социальный состав» даже в рамках одного класса нельзя назвать целостным, потому что в нем учтено лишь дореволюционное происхождение человека и проигнорированы объективные признаки.

Достойна внимания работа Г. Е. Глазермана, который сумел отразить особенности процесса смены сословного критерия стратификации общества на классовый принцип, выявлены закономерности перехода к обществу социалистического типа [12]. Недостатком труда автора видится его явная идеологическая направленность и отсутствие обобщающих вы-

водов о содержательном аспекте понятия социального состава населения.

Как научное направление разработка проблемы определения сущности социального состава городского населения сформировалась в поздний советский период. Историко-социологическое исследование О. В. Шкаторяна является одним из первых, где социальная структура общества обозначена как «совокупность общественных групп», обладающих следующими признаками: взаимосвязь индивидов внутри группы, историческая обусловленность их образования; экономическое влияние на складывающиеся внутри общественной группы социальные связи [13, с. 29]. Сама социальная структура позиционировалась как средство оценки социального неравенства во время классовой борьбы. Сравнивая проанализированное определение социального состава с современным социологическим подходом, существенных различий выявить не удалось: единственным отличием является классовость определения от советского ученого, что характерно для исторических исследований в рамках формационного подхода в тот период.

В монографии К. П. Буслова, в отличие от предшественников, имеет место разграничение терминов «социальная структура» и «социальный состав»: первое понятие шире и может существовать некоторое время даже при достижении коммунизма [14, с. 9]. Рассуждения построены таким образом, что целью развития социального состава в СССР стало достижение у граждан единых экономических и политических целей при руководящей роли партии большевиков. Для данной работы также присущ классовый подход.

В представленных выше трудах не показано деление населения на городское и сельское, т. к. другие критерии стратификации вызывали больший научный интерес историков. В связи с этим особо ценен вклад В. Б. Жиромской в уяснении

понятия признаков социального состава городского населения, разработан нетипичный для советской историографии вариант освещения анализируемого термина. Во-первых, демографические, этнические, профессиональные признаки социального состава поставлены наряду с классовым признаком. Во-вторых, динамика классовой принадлежности описана наряду с «социальными слоями», куда включены кустари, ремесленники и другие профессиональные группы [15, с. 12]. Во взглядах В. Б. Жиромской видится попытка продемонстрировать узость классового подхода к содержанию социального состава городского населения.

У современных исследователей интерес к структуре городских сообществ не ослабевает. В научных работах постсоветского периода наблюдается неоднородность в использовании терминологии при изучении социального состава городского населения.

В. Н. Письменов ввел в научный оборот термин «социально-партийный состав» для выявления особенностей кадрового состава городских советов Курской губернии [16, с. 248]. Думается, здесь прослеживается сочетание классового подхода и намерение продемонстрировать объективные признаки определенной части городских сообществ.

Классовый принцип взят за основу при решении задачи по выявлению закономерностей становления социального состава населения при его классификации на рабочих и крестьян, а как основные факторы для формирования общества нового типа выделены государственная политика и экономические условия жизни региона у А. Н. Пеньковой [17]. Т. В. Юрина, наоборот, отказалась от классового деления общества при рассмотрении вопроса влияния государственной политики на социальный состав населения Среднего Поволжья, применив территориальный критерий деления на сельское и городское [18]. Рассматривая социальный состав горожан, Т. В. Юрина

обратила внимание на его вовлечение в экономическую жизнь страны и специфику занятости. В подобном ключе, через профессиональный признак, социальный состав городов Астраханской области раскрыт у Г. Г. Корноуховой [19, с. 41].

Особенностью исследовательских установок С. А. Головина выступает использование понятия «класс» в его социологическом смысле в части деления советского общества в зависимости от объема власти на низшие, средние и высшие слои [20, с. 122].

В. А. Журавлева при анализе динамики демографического развития Урала в 1920–30 гг. полностью отказалась от классового понимания состава городских сообществ. При выполнении исследовательской задачи с помощью обобщающей дефиниции «состав городского населения Урала» установлены региональные особенности социально-экономической структуры региона, занятия городского населения, а также его национальная принадлежность и уровень грамотности [21]. И. М. Козолина также придерживается современного социологического понимания социального состава городского населения, который, по ее мнению, складывается из демографических, языковых, профессиональных, национальных показателей [22].

В отдельных трудах, где вопрос социальной структуры городского населения в 1920-е гг. не ставится напрямую, прослеживаются присущие современному этапу развития исторической науки тенденции по продвижению идеи о социальном составе как совокупности социальных групп на основе классово-профессиональных характеристик. В частности, это касается работ, посвященных номенклатуре как социальной группе, способствовавшей однородности социального состава [23]; структуризации российского общества первой половины XX века в целом [24] и проблемам идентификации городского населения в избирательной статистике 1920-х гг. [25].

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в советском государстве категория «социальная структура городского населения» отличалась от современного социологического концепта, что подтверждает изучение республиканских конституций и практики партийной работы Курского губернского комитета РКП(б)-ВКП(б), а также анализ историографии проблемы. До 1925 г. характерно повышенное внимание существующего субъекта на политико-идеологическую составляющую категории «социальный состав населения», тогда как во второй половине 1920-х гг., помимо субъективного понимания, раскрываются и отдельные аспекты его объективных признаков (здравоохранение, образование, профессии). Кроме того, в исследовании удалось обосновать и продемонстрировать сложность состава населения городов как историко-социологического явления: в молодом государстве возникла потребность в работе с социальным составом партии, а лучшим с политической точки зрения ее членам надлежало заняться серьезной задачей по формированию управляемых городских сообществ.

Краткий историографический обзор наглядно доказал, что в исторической науке отсутствует концептуальное понимание содержательных признаков социального состава городского населения, которое редко становилось самостоятельным предметом исследования. Советские историки в большинстве своем поддерживали классовую основу организации общества, лишь в 1980-х гг. замечены попытки отказаться от нее и показать ограниченность подобного толкования. В настоящий момент согласованность по вопросу также не достигнута, т. к. в одних работах имеет место использование субъективного значения социального состава, а в других сочетание субъективного и объективного значений.

В целях восполнения пробела в историческом знании по содержанию категории «социальная структура городского населения» в ранний советский период предлагаем ввести в научный оборот следующее определение: «совокупность групп людей, объединенных исходя из политico-идеологического развития государства и количественно-качественных признаков жизнедеятельности населения в пределах конкретной городской территории с учетом исторических и экономических факторов».

Список литературы

1. Петров Н. В. Взгляды представителей партийно-политического актива Курской губернии на изменение социальной структуры городского населения (1918–1921 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 220–230. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>
2. Буторина А. А. Влияние изменений социальной структуры на сущность, формы и основные направления социальной политики в современной России // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 3. С. 170–173.
3. Водяненко О. И. Социальная структура как основа формирования социальной экономики // Наука и общество. 2018. № 1(30). С. 12–17.
4. Емельянов С. Н. Власть и церковь: эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. М.; Курск: Изд-во МГСУ «Слово», 2001. 176 с.
5. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 19.
6. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 380.
7. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 333.

8. Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М.: Гос. Общеплановая комисс., 1922. 15 с.
9. Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. 52 с.
10. Бубнов А. С. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа. Пг.: Прибой, 1923. 61 с.
11. Маркус Б. Л. К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата СССР // История пролетариата СССР. 1930. № 2. С. 23–71.
12. Глезерман Г. Е. Ликвидация эксплоататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М.: Госполитиздат, 1949. 492 с.
13. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР: (Историко-социол. исследование). М.: Мысль, 1970. 471 с.
14. Буслов К. П. Социально-историческое развитие классов в СССР. М.: Наука и техника, 1979. 344 с.
15. Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 168 с.
16. Письменов В. Н. Социально-партийный состав городских советов в Курской губернии в 1924–1927 гг. // Вопросы истории и краеведения: материалы II межрегиональных историко-краеведческих научных чтений, посвященных памяти кандидата исторических наук Лидии Алексеевны Медведской (к 75-летию со дня рождения). Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 1999. С. 248–251.
17. Пенькова А. Н. Анализ основных процессов изменения социальной структуры общества в переломные моменты истории России (на примере Центрального Черноземья) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 145–150.
18. Юрина Т. В. Определение государственных задач и их влияние на социальную структуру общества: исторический аспект // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 7. С. 24–30.
19. Корноухова Г. Г. Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2. С. 38–49.
20. Головин С. А. Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20–30-е годы XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 2 (10). С. 118–128.
21. Журавлева В. А. Источники формирования городского населения Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. 242 с.
22. Колозина И. М. Методика проведения переписи 1920-х гг. и ее значение для социокультурной политики большевиков (на примере провинциального Саратова) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9(65). С. 103–106.
23. Пашин В. П. Номенклатура, высшее образование и формирование социально однородного общества в 1920-е гг. // История, теория, практика российского права. 2017. № 10. С. 37–48.
24. Беляева Л. А. Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 4. С. 15–42.
25. Саламатова М. С. Электоральный корпус советских городов: проблемы социальной идентификации и отражение в избирательной статистике 1920-х годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 11–24.

References

1. Petrov N.V. The views of representatives of the party and political activists of the kursk province on the change in the social structure of the urban population (1918–1921). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(1):220–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-220-230>
2. Butorina A.A. The influence of changes in the social structure on the essence, forms and main directions of social policy in modern Russia. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2006;(3):170–173. (In Russ.)
3. Vodyanenko O.I. Social structure as the basis for the formation of a social economy. *Nauka i obshchestvo = Science and society.* 2018;(1): 2–17. (In Russ.)
4. Yemelyanov S.N. Power and the Church: the evolution of state religious policy and institutions of church administration in the provinces of the Central Chernozem region. 1917-1922. Moscow, Kursk: Izd-vo MGSU "Slovo"; 2001. 176 p. (In Russ.)
5. GAOPIKO (The State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-65. Op. 1. D. 19. (In Russ.)
6. GAOPIKO. F. P-65. Op. 1. D. 380. (In Russ.)
7. GAOPIKO. F. P-65. Op. 1. D. 333. (In Russ.)
8. Strumilin S.G. Our labor resources and prospects. Moscow: Gos. Obshcheplanovaya komis.; 1922. 15 p. (In Russ.)
9. Rybnikov A.A. Small industry and its role in the restoration of the Russian national economy. Moscow: Coop. izd-vo; 1922; 52 p. (In Russ.)
10. Bubnov A.S. Bourgeois restoration in the second year of the NEP. Petrograd: Priboy; 1923. 61 p. (In Russ.)
11. Markus B.L. On the question of methods for studying the social composition of the proletariat of the USSR. *Istoriya proletariata SSSR = History of the proletariat of the USSR.* 1930;(2):23–71. (In Russ.)
12. Glezerman G.E. Liquidation of exploitative classes and overcoming class differences in the USSR. Moscow: Gospolitizdat; 1949. 492 p. (In Russ.)
13. Shkaratan O.I. Problems of the social structure of the working class of the USSR: (Historical and sociol. research). Moscow: Mysl; 1970. 471 p. (In Russ.)
14. Buslov K.P. Socio-historical development of classes in the USSR. Moscow: Science and Technology; 1979. 344 p. (In Russ.)
15. Zhiromskaya V.B. The Soviet City in 1921– 1925: problems of social structure. Moscow: Nauka; 1988. 168 p. (In Russ.)
16. Pis'menov V.N. Socio-party composition of city councils in Kursk province in 1924-1927. In: *Voprosy istorii i kraevedeniya: materialy II mezhregional'nyh istoriko-kraevedcheskih nauchnyh chtenij, posvyashchennyh pamyati kandidata istoricheskikh nauk Lidii Alekseevny Medvedskoj (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) = Questions of history and local lore: materials of the II interregional historical and local lore scientific readings dedicated to the memory of candidate of historical sciences Lidia Alekseevna Medvedskaya (to the 75th anniversary of her birth).* Kursk: Kursk. gos. med. un-t; 1999. P. 248–251. (In Russ.)
17. Pen'kova A.N. Analiz osnovnykh protsessov izmeneniya sotsial'noy struktury obshchestva v perelomnye momenty istorii Rossii (na primere Tsentral'nogo Chernozem'ya). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2017;(1):145–150. (In Russ.)

18. Yurina T.V. Definition of state tasks and their impact on the social structure of society: historical aspect. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo = Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky.* 2007;(7):34–40. (In Russ.)
19. Kornoukhova G.G. Regional peculiarities of the transformation of the social structure of the cities of the USSR in the 1920s-1930s (or materials of the Astrakhan region). *Vestnik Rossiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorija Rossii= Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia.* 2007;(2):38–49. (In Russ.)
20. Golovin S.A. Features of the social composition of the population in the Far East of the RSFSR in the 20-30s of the XX century. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and humanitarian sciences in the Far East.* 2006;(2):118–128. (In Russ.)
21. Zhuravleva V.A. Sources of formation of the urban population of the Urals in the 1920s-1930s. Chelyabinsk: Izd. tsentr YuUrGU; 2014. 242 p. (In Russ.)
22. Kolozina I.M. The methodology of the census of the 1920s and its significance for the socio-cultural policy of the Bolsheviks (on the example of provincial Saratov). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture.* 2019;(9):103–106. (In Russ.)
23. Pashin V.P. Nomenclature, higher education and the formation of a socially homogeneous society in the 1920s. *Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava = History, theory, practice of Russian law.* 2017;(10):37–48. (In Russ.)
24. Belyaeva L.A. The structure of Russian society in the first half of the XX century (based on the materials of domestic research of this period). *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology.* 2020;(4):15–42. (In Russ.)
25. Salamatova M.S. Electoral corps of Soviet cities: problems of social identification and reflection in electoral statistics of the 1920s. *Istoricheskij kur'er = Historical Courier.* 2024;(1):11–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-1-1>

Информация об авторе / Information about the Author

Петров Николай Вячеславович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Nikolay V. Petrov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: petrovkolya97@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9177-3903

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470.23-25)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-223-232>**Техническая маскировка на защите Ленинграда****Н. В. Мурга¹**

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления
Средний проспект В.О., д. 57/43, г. Санкт-Петербург 199178, Российская Федерация

e-mail: murga.kolya@mail.ru

Резюме

Актуальность. Тема защиты блокадного Ленинграда многосторонне изучена, но роль технической маскировки в защите блокадного города недостаточно освещена. Не все исторические источники, хранящиеся в архивах, опубликованы, проанализированы и введены в научный оборот.

Исследуя тему Архитектурно-планировочного управления в обороне Ленинграда в период блокады, уже было издано несколько статей. Данные публикации о строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом, а также о технической маскировке городских и военных объектов Ленинграда. В ходе исследования новых исторических источников и анализа рассекреченных архивных данных появляются более полные и подробные свидетельства о деятельности Архитектурно-планировочного управления в Битве за Ленинград.

Цели: осветить ход исторических событий в период технической маскировки важнейших городских объектов Ленинграда, а также укрытия культурных ценностей, доминант города и маскировки кораблей Краснознаменного Балтийского флота, стоящих на Неве.

Задачи: исследовать архивные документы, ранее опубликованные исследования по данной теме, мемуары участников технической маскировки; проанализировать деятельность Архитектурно-планировочного управления в ходе выполнения мероприятий технической маскировки наиболее важных городских объектов и культурных ценностей; обобщить выводы о роли и месте Архитектурно-планировочного управления в ходе технической маскировки.

Методология: В ходе исследования использовались такие методы, как исторический, хронологический, а также системный подход методом структурно-функционального анализа.

Результаты. В статье, основанной на архивных документах Центрального государственного архива, архива историко-политических документов, ранее проведенных исследованиях, воспоминаниях участников блокады Ленинграда, исследуется деятельность Архитектурно-планировочного управления Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Ленинграда в ходе технической маскировки жизненно важных городских объектов и культурных ценностей.

Выводы. Сделаны выводы о непосредственном участии Архитектурно-планировочного управления в технической маскировке.

Ключевые слова: архитектурно-планировочное управление; техническая маскировка; городские объекты; культурные ценности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Мурга Н. В. Техническая маскировка на защите Ленинграда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 223–232. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-223-232>

Поступила в редакцию 24.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

Technical camouflage in the defense of Leningrad

Nikolay V. Murga¹✉

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management
57/43 Middle Ave. V.O., St. Petersburg 199178, Russian Federation

✉e-mail: murga.kolya@mail.ru

Abstract

Relevance. The topic of the defense of besieged Leningrad has been studied in many ways, but the role of technical camouflage in the defense of the besieged city has not been sufficiently covered. Not all historical sources stored in archives have been published, analyzed and introduced into scientific circulation.

The purpose: to cover the course of historical events during the period of technical camouflage of the most important urban objects of Leningrad, as well as the concealment of cultural values, the dominant features of the city and the camouflage of the ships of the Red Banner Baltic Fleet moored on the Neva.

Objectives: to study archival documents, previously published studies on this topic, memoirs of participants in technical camouflage; to analyze the activities of the Architectural Planning Department during the implementation of technical camouflage measures for the most important urban objects and cultural values; to summarize the conclusions about the role and place of the Architectural Planning Department during technical camouflage.

Methodology. The study used such methods as historical, chronological, and systems approach using the structural-functional analysis method.

Results. The article, based on archival documents of the Central State Archive, the archive of historical and political documents, previously conducted studies, and the memoirs of participants in the siege of Leningrad, examines the activities of the Architectural Planning Department of the Executive Committee of the Council of Workers' Deputies of Leningrad during the technical camouflage of vital city objects and cultural values.

Conclusions. Conclusions are made about the direct participation of the Architectural Planning Department in technical camouflage.

Keywords: Architectural Planning Department; technical camouflage; urban objects; cultural values.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Murga N.V. Technical camouflage in the defense of Leningrad. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):223–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-223-232>

Received 24.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

В октябре 2022 г. городской суд г. Санкт-Петербурга вынес «историческое» решение об установлении факта, имеющего юридическое значение, признание Блокады Ленинграда военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР.

На первый взгляд период Блокады Ленинграда – давно состоявшийся факт, которому уже дана историческая оценка, в акте Ленинградской областной комис-

сии по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников подробно изложены факты преднамеренного разрушения культурно-исторических памятников и истребления населения. Однако в ходе исследования доказательной базы установлено, что материалы о Блокаде Ленинграда не стали обоснованным предметом рассмотрения во время «Нюрнбергского процесса», правовая оценка действиям нацистской Германии и её пособников не дана, а констатировался только сам факт Блокады.

В ходе судебного разбирательства проведена переоценка количества жертв артиллерийских обстрелов и авиационных бомбардировок, в том числе погибших от голода, где был применён «демографический метод» с учётом «отсроченного» эффекта блокады. Также был про- ведён пересчёт ущерба с использованием методики на основе «золотого» эквивалента.

Необходимо отметить, что, помимо ежедневного уничтожения объектов гражданской инфраструктуры Ленинграда, немецко-фашистские захватчики ставили своей целью разрушение уникальных исторических объектов культурного значения, искоренение исторической и культурной самоидентичности народов Советского Союза. Основываясь на приведённых участниками разбирательства свидетельств и показаний, проведённой переоценке задокументированных фактов, сформулировано новое определение действий нацистских преступников – «культурный геноцид» Ленинграда.

Методология

В первую очередь были применены общенаучные методы, такие как анализ и обобщение. В данном историческом исследовании анализу подвергается весь массив исторического знания (сборники, очерки, мемуары и т.д.), кроме того, анализировались научные работы (статьи научных журналов, диссертационные исследования, проведенные ранее). Анализ применялся на предмет уровня научной разработанности и практической значимости исследуемой темы. Метод обобщения применяется в ходе логического процесса перехода от менее общего к более общему историческому знанию. В результате мы выражаем (обобщаем) основные результаты, придаём общее значение проанализированному массиву исторического знания и делаем выводы.

Следующим, специальным методом исторического познания является сравнительно-исторический метод, который за-

ключается в выявлении исторического знания в разных источниках. Метод позволяет раскрывать сущность изучаемых процессов рассматривать их в сравнении, выявлять пробелы в историческом знании и дополнять их новыми историческими фактами.

Структурно-функциональный анализ также является специальным методом исторического познания и предполагает изучение исторического процесса в виде системы. Системообразующий принцип заключается в том, что Архитектурно-планировочное управление (далее – АПУ) рассматривается как система, имеющая все необходимые элементы (компоненты, структуру и функции). Кроме того, АПУ рассматривается как подсистема в управлении обороной Ленинграда, что также отвечает признакам системы. Более того, АПУ входит в другую систему высшего порядка т. е. является подразделением Ленгорисполкома. Архитектурно-планировочное управление состоит из составных элементов – отделы, группы и др., а также неделимые элементы – это сотрудники управления (архитекторы, инженеры, строители, художники и др.). Все эти признаки однозначно говорят о возможности применения метода структурно-функционального анализа.

Хронологический метод предполагает изучение и развитие объекта (АПУ) в хронологической последовательности.

Результаты и их обсуждение

В гранитных улицах Санкт-Петербурга, площадях, мостах и набережных, в неповторимых по своей красоте дворцах и парках, в чудесных музеях и памятниках отражены многие страницы истории нашей страны, военная слава России, национальные достижения науки, техники и искусства. Пышное барокко Зимнего дворца, построенного Бартоломео Растрелли, строгая классика Адмиралтейства, воздвигнутого Захаровым, или Главного штаба, созданного Карлом Рос-

си, взаимно дополняют друг друга, совместно создавая величественный ансамбль Дворцовой площади. Самым замечательным примером в застройке Петербурга является Адмиралтейство. Прекрасная, увенчанная шпилем башня не только украшает корпус здания, но и доминирует в архитектурном отношении над Невским проспектом, Гороховой улицей, Вознесенским проспектом. Для целого веера улиц Петропавловской стороны и Московского проспекта архитектурным ориентиром стал шпиль Петропавловского собора. Однако в сентябре 1941 г. огромный массив города и его центра стал зоной прицельных артиллерийских обстрелов.

Согласно планам немецко-фашистских захватчиков Ленинград должны были «сровнять с землей» вражеская авиация и артиллерию. Сеющие разрушения и смерть авианалёты начались 23 июня, а артиллерийские обстрелы – 4 сентября 1941 г. Высотные творения русской культовой архитектуры стали прекрасными ориентирами для вражеских артиллерийских батарей, благодаря которым фашисты вели точный прицельный огонь, а авиация противника сбрасывала бронебойные и фугасные, доходящие до тонн весом, снаряды, которые пробивали 5–6 этажей жилых зданий, рвали кровли, стены, перекрытия зданий. Разрушались мосты, дороги, набережные, трамвайные линии, водопроводные и канализационные коллекторы [1, с. 50].

Из воспоминаний начальника местной ПВО Е. С. Лагуткина: «Для многих ленинградцев стал памятным днём 4 сентября 1941 года. В этот день противник произвёл первый обстрел города из орудий. Взрывы снарядов можно было ожидать в любое время суток и в любом месте городской территории. Ночью 23 июня 1941 года в 01 час 45 мин по Ленинграду был дан первый сигнал воздушной тревоги. Воздушные тревоги в

Ленинграде приходилось давать часто. Только 6 сентября воздушные тревоги объявлялись 128 раз» [2, л. 65].

С целью оперативного управления при ликвидации пожаров и восстановления городских сетей снабжения руководством МПВО был утверждён список категорированных объектов для донесений при артиллерийских обстрелах и воздушных бомбардировок [3, л. 106].

Необходимо было принимать срочные меры по предотвращению прицельного огня и бомбардировок, и решением Ленгорисполкома от 18 августа 1941 г. была создана служба технической маскировки, под руководством главного архитектора Ленинграда Баранова Николая Варфоломеевича. Служба технической маскировки работала в интересах Местной противовоздушной обороны, возглавляемой Лагуткиным Емельяном Сергеевичем с 1938 г. Штабом службы технической маскировки стало АПУ [4, л. 35].

Вопрос о технической маскировке поднимался еще в 1940 г., руководству Архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома было поручено разработать предложения относительно маскировки важнейших городских объектов. Такого опыта практической деятельности в АПУ ещё не было. За квалифицированной помощью и консультациями главный архитектор Н. В. Баранов обратился к начальнику инженерных войск Ленинградского военного округа подполковнику Б. В. Бычевскому: «Он многое не ответил, так как это дело оказалось тоже не военно-инженерным, но сказал, что необходимо использовать специальную краску, которая не обнаруживается светофильтрами с самолётов-разведчиков» [5, с. 15].

Решением Ленгорисполкома от 4 июля 1941 г. (протокол № 222/с) Ленинградскому научно-исследовательскому институту коммунального хозяйства

(ЛНИИКХ) поручено организовать изучение и подбор красочных составов для технической маскировки города и уже 30 июля такое решение было найдено. Совместно с Государственным оптическим институтом были подобраны соответствующие составы [6, л. 14,15].

Маскировка от воздушного наблюдения промышленных предприятий, электростанций и крупных городских объектов была мало изучена, в этой области отсутствовал и практический опыт, и необходимые теоретические исследования. Но обстановка требовала немедленных действий, приходилось находить необходимую методику и принципиальные решения уже в ходе выполнения практических заданий. Укрытие некоторых важных объектов, таких как нефтебаза «Ручьи», сопровождалось созданием ложных двойников, которые располагались на некотором расстоянии от подлинных скрытых сооружений, имитировали их, оставаясь более доступными для воздушного наблюдения [7, с. 112].

Полный список объектов, подлежащих технической маскировке, включал в себя 24 объекта. Помимо здания Смольного и Центральной водопроводной станции, в список вошли 1, 2 и 5-я гидроэлектростанции, нефтебазы «Ручьи», «Красный нефтяник», три понижающих подстанции, четыре холодильных здания и восемь мостов Октябрьской железной дороги [8, л. 8].

Одним из первых таких объектов, подлежащих обязательной маскировке, было здание Смольного. Для разработки проекта маскировки нужна была панorama города, с этой целью состоялся рекогносцировочный полет, и первые результаты аэрофотосъемки появились еще в июне 1940 г. Для качественной работы были привлечены такие архитекторы, как Александр Иванович Гегелло, т. к. под его контролем проводились реставрационные работы и некоторые переплани-

ровки помещений Смольного. В проекте маскировки Смольного необходимо было решить проблему светотеней, потому что тени хорошо просматривались с высоты. В итоге проект был утвержден, для его реализации были мобилизованы декораторы всех 17 театров Ленинграда. С использованием маскировочных сетей и кусков брезента, расписанных под кроны деревьев, П-образный объем Смольного был изменён до неузнаваемости. Укрытие Смольного стало началом фантастической по масштабам работы по технической маскировке важнейших, в том числе и военных, городских объектов Ленинграда [5, с. 18].

В 1941 г. было подвергнуто технической маскировке больше 100 объектов. На этом направлении обороны города из АПУ и других организаций было привлечено до 300 специалистов, за что руководство АПУ было удостоено Правительственной награды. Работа по технической маскировке городских объектов имела исключительное значение для обороны города [9, с. 155].

На глазах у всего народа в 1941 г., под артиллерийскими обстрелами, ленинградские альпинисты (бригада верхолазов от ГИОП) О. А. Фирсова, М. И. Шестаков и другие самоотверженно проделали поистине акробатическую работу – надели брезентовые чехлы на Адмиралтейскую иглу, шпиль Инженерного замка и покрыли серой маскировочной краской шпиль Петропавловского собора и могучий (княжеский) шлем Исаакиевского собора [1, с. 53].

Первые маскировочные работы Адмиралтейского шпиля были произведены в сентябре 1941 г., а в 1942 и 1943 гг. были реставрационные работы, т. к. чехол адмиралтейского шпиля был изготовлен из мешковины, осколки снарядов и авиационных бомб, время и погодные условия сделали своё дело. Также в сентябре 1941 г. начались работы по укрытию

шипилы Инженерного замка и продолжались до середины ноября, а шпиль Петропавловского собора красили с конца ноября до конца января 1942 г.

Из воспоминаний маскировщика команды верхолазов ГИОП Михаила Боброва: «Наши разведчики проникли на вражеские артиллерийские позиции в районе железнодорожной станции Дудергоф (ст. Можайское), на Воронью и Кирхгофскую горы и на Гостилицкие высоты за Петергофом, захватив двух «языков», притащили их в город. У немецких артиллеристов в планшетах нашли круглые пеналы, в которых были свернуты в рулоны фотографии panoramy города, сделанные мощными фотообъективами» [10, с. 20]. На фотографиях были отмечены все доминирующие объекты: Адмиралтейство, Петропавловский собор, краны Морского порта, Исаакиевский собор, Инженерный замок.

Из воспоминаний маскировщика команды верхолазов ГИОП Михаила Боброва: «Слева на фотографии видны высокие порталные краны в морском порту. Красные стрелки указывают, сколько километров до кранов, а синие – сколько метров до объектов (Балтийского завода, Адмиралтейской верфи или стоящих у заводских стенок кораблей). Проводим взглядом по фотографии вправо – видим купол Исаакиевского собора, и вновь красная стрелка, указывающая километраж, и синие – метраж до различных объектов. И так до всех бликующих доминант: Адмиралтейства, Петропавловки, Инженерного замка, плоть до Александро-Невской лавры с указанием расстояния до цели в метрах» [10, с. 22].

Вместе с тем маскировали не только важнейшие городские и военные объекты на земле, но и корабли Краснознаменного Балтийского флота (далее – КБФ), стоящие на Неве. Из воспоминаний Михаила Боброва: «1 декабря я, Алоиз Земба и 60-летний инженер Леонид Алексан-

дович Жуковский, руководитель нашими работами, впервые вместе поднимаемся к выходному окошку-лазу шпиля Петропавловского собора с целью разведки и планирования дальнейших работ. Выбравшись наружу через форточку лаза, выходящего в сторону Петроградской стороны, мы увидели в замерзшей Неве стоявшие корабли. У Зимнего – эсминцы «Страшный», «Сильный», «Свирепый». За Дворцовым мостом – лидер «Ленинград», за мостом Лейтенанта Шмидта у Горного института – крейсер «Киров». У Балтийского завода – линкор «Октябрьская революция»» [10, с. 23].

Корабли Балтийского флота «прятал» архитектор Смирнов. Войну он начинал флагманским маскировщиком, потом был назначен начальником маскировочной лаборатории флота. Эскадренный миноносец «Опытный» стоял на Неве у завода «Большевик». Завод декорировали (архитектор Е. И. Юстова) под жилой квартал, сходный с остальными кварталами района. Одну из «улиц» зрительно продолжили и пересекли ею корабль. С воздуха по обе стороны улицы виднелись лишь речные причалы. Всю имитацию – кровли, дороги, зелень – выполнили из соответственно окрашенных отходов металла. Крейсер «Киров» покрыли защитной краской и увели в сторону. Недостроенное судно «Кронштадт» превратили в двойника Кирова и поставили на Неве рядом с домом ученых. Разноцветные полосы пересекали корабль, продолжались и поперек тротуара и поднимались по фасаду здания. Для того чтобы дезориентировать противника, «Киров» и его дублер неоднократно по ночам меняли местами. Прием оправдывал себя, крейсер стал неуловимым. Защитная окраска служила могучим средством укрытия кораблей. Важно было не дать возможности противнику определить размеры и характер корабля. Суда покрывали пятнами различной тонально-

сти: расцвеченный корабль в условиях меняющейся погоды, освещения, времени суток как бы терял форму, сливался с окружающей средой. Прицельное бомбометание становилось затруднительным. Больше всего хлопот доставляли тени от палубных надстроек и отсветы блестящих деталей кораблей. Тени деформировали искусственно, искажая их форму; детали и металлические части, блестящие на солнце и видные издалека, закрывали маскировочными чехлами, палубы закрашивали темными тонами. Моряки сначала встречали маскировщиков в штыки, надраенные медные части, сверкающая чистотой палуба были их гордостью, и они огорчались, наблюдая как уничтожается всё великолепие. Только после того, как резко уменьшилось количество попаданий, личный состав флота примирился с «порчей» судов. Маскировочная лаборатория флота была поначалу плавучей, попадала под бомбёжку, тонула и, наконец, несколько раз поменяв адреса, переехала в здание эвакуированного оптического института. Сюда же перевозили оборудование сцены оперного театра. Совершенная театральная техника была мобилизована на службу военной маскировки. С её помощью искали оптимальные способы камуфляжа, имитировали буруны. Художники пробовали новые краски. После снятия блокады Ленинграда маскировочная лаборатория флота переехала сначала в Кронштадт, затем в Таллинн, где работала до конца войны [4, с. 12].

Не отступая от своих планов захватить Ленинград и учитывая большую роль артиллерии КБФ в отражении атак противника осенью 1941 г., немецко-фашистские захватчики решили уничтожить корабли КБФ, стоящие на Неве и её протоках до начала навигации весной 1942 г. Для осуществления этого задания была спланирована операция «Айштосс». В марте 1942 г. противник при-

ступил к подготовке своего замысла. Из воспоминаний командующего КБФ адмирала В. Ф. Трибуца: «В двадцатых числах марта командование корпуса специальной директивой предупреждалось, что выполнение этой задачи требует непосредственно Геринг и что сам Гитлер ожидает уничтожения кораблей. Для тренировки лётчиков на льду одного из озер были обозначены контуры наших кораблей в натуральную величину в том положении, в котором они стояли на Неве. Потом стала известна очерёдность бомбардировок» [12, с. 282].

О бомбардировках кораблей Краснознамённого Балтийского флота весной 1942 г. вспоминал нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов: «Чем ближе дело шло к весне, тем настойчивее стремилась немецкая авиация уничтожить боевые корабли в Ленинграде, уже известно, что это задача была первого воздушного флота люфтваффе. Но несмотря на то, что только за апрель было совершено шесть крупных массированных налётов и некоторые из кораблей получили повреждения, результаты фашистских бомбардировок в конечном итоге были малоэффективны» [13, с. 168].

Особым значением технической маскировки кораблей КБФ является провал воздушной вражеской операции «Айштосс», имевшей задачу уничтожения боевых кораблей КБФ. 58 бомбардировщиков, прорвавшихся 4 апреля 1942 г., бесприцельно сбросили 230 фугасных авиабомб. Фашистские воздушные пираты незначительно повредили лишь один корабль, а потеряли 18 своих самолётов. В апреле фашисты ещё четыре раза пытались продолжить эту операцию, но только отдельным самолётам удавалось прорваться сквозь ПВО и наносить незначительный ущерб. Потеряв 60 самолётов, люфтваффе прекратили эту воздушную операцию [14, с. 14].

В период борьбы за Пулковские высоты и Пушкин в сентябре 1941 г. важное значение отводилось артиллерией Балтийского флота. Стоящие на Неве линейный корабль «Октябрьская революция», крейсер «Киров», эсминец «Свирепый» участвовали в артиллерийских обстрелах противника, не позволяя свершить свой план по захвату Ленинграда сходу. Один из самых сильных артиллерийских и авиационных ударов по Ленинграду противник нанёс 19 сентября 1941 г. Город обстреливался 18 часов, одновременно вражеская авиация произвела шесть налётов 276 самолётами, которые сбросили 528 фугасных и 1335 зажигательных бомб [15, с. 242–243].

Выводы

Как уже было известно из статей, опубликованных ранее, к июлю 1941 г. сформировались три направления деятельности АПУ по защите Ленинграда от немецко-фашистских захватчиков. Это техническая маскировка важнейших городских зданий и сооружений, проведение натурных обмеров и укрытие культурных ценностей. Также одним из важнейших направлений деятельности АПУ было участие в строительстве оборонительных сооружений. В основном это были ближние подступы к Ленинграду, Красногвардейский и Пулковский укреплённые районы.

В ходе битвы за Ленинград, в том числе на ближних подступах, советские

войска сковали силы противника, чем сорвали план «молниеносной войны». Потери северной группы немецких войск достигли огромных размеров, протяжённость фронта их наступления по сравнению с началом войны увеличилась почти втрое, а наступательный порыв к концу сентября 1941 г. иссяк.

Своевременная маскировка кораблей КБФ, стоящих на Неве, повлияла на ход событий весны 1942 г. Вражеская авиация была лишена возможности определить цели. Маскировка изменяла цвет светотеней кораблей, бомбардировка стала бесприцельной, что дало возможность сохранить боевую мощь морской артиллерии.

Учитывая все изложенные доказательства участия АПУ в технической маскировке городских и военных объектов Ленинграда, важность и необходимость выполняемых работ переоценить невозможно. Свидетельствами, изложенными в данной статье, подтверждается, что в долгой и упорной борьбе за Ленинград, героической, не имеющей исторических аналогий, обороне осажденного города сотрудники АПУ внесли свой вклад трудовым и ратным подвигом, позволившим сохранить не только памятники архитектуры Ленинграда, но и жизненно важные объекты города в ходе его обороны, что в дальнейшем положительно отразилось на подготовке операции «Искра» и ход событий до полного освобождения Ленинграда в 1943 г.

Список литературы

1. Барапов Н. В. Архитектура и строительство Ленинграда. Л.: Лениздат, 1948. 91 с.
2. ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов, С.-Петербург). Ф. 4000. Оп. 12. Д. 67. Л. 64–67.
3. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 8 а). Л. 106.
4. ЦГА СПб (Центральный государственный архив, С.-Петербург). Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1424. Л. 35, 36.
5. Барапов Н. В. Силуэты блокады: записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. 175 с.

6. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 2, т. 2. Л. 14,15.
7. Гридинев В. П., Мурга Н. В. Архитектурно-планировочное управление в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 105–113.
8. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 29. Л. 8.
9. Мурга Н. В. Роль архитектурно-планировочного управления в обороне Ленинграда в период блокады и подготовке по её прорыву // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 152–160.
10. Бобров М. М. Хранители ангела. СПб.: Лики России, 2003. 175 с.
11. Левина Э. Г. Оружием архитектуры // Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 4. С. 10–13.
12. Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М.: Вече, 2015. 608 с.
13. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1987. 463 с.
14. Бои на подступах к Ленинграду 1941–1943 гг. // Материалы конференции научного общества при Ленинградском окружном Доме офицеров. Л.: На страже Родины, 1970. 99 с.
15. История ордена Ленина Ленинградского военного округа / Н. И. Барышников, Н. Ф. Варгин, Л. Г. Винницкий [и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1988. 445 с.

References

1. Baranov N.V. Architecture and construction of Leningrad. Leningrad: Lenizdat; 1948. 91 p. (In Russ.)
2. TsGAIPD SPb (Central state archive of historical and political documents, St. Petersburg). F. 4000. Op. 12. D. 67. L. 64–67. (In Russ.)
3. TsGA SPb. F. 7384. Op. 3. D. 8 a). L. 106. (In Russ.)
4. TsGA SPb (Central state archive, St. Petersburg). F. 7384. Op. 18. D. 1424. L. 35, 36. (In Russ.)
5. Baranov N.V. Silhouettes of the blockade: notes of the chief architect of the city. Leningrad: Lenizdat; 1982. 175 p. (In Russ.)
6. TsGA SPb. F. 7384. Op. 3. D. 2, v. 2. L. 14,15. (In Russ.)
7. Gridnev V.P., Murga N.V. Architectural planning management in the battle for Leningrad. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2018;(1):105–113. (In Russ.)
8. TsGA SPb. F. 7384. Op. 3. D. 29. L. 8. 14. (In Russ.)
9. Murga N.V. The role of architectural planning management in the defense of Leningrad during the blockade and preparation for its breakthrough. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2020;10(3):152–160. (In Russ.)
10. Bobrov M.M. Guardians of the angel. St. Petersburg: Liki Rossii, 2003. 175 p. (In Russ.)
11. Levina E.G. Weapons of architecture. *Stroitel'stvo i arkhitektura Leningrada = Construction and architecture of Leningrad*. 1975;(4):10–13. (In Russ.)
12. Tributs V.F. The Balts Are Fighting. Moscow: Veche; 2015. 608 p. (In Russ.)
13. Kuznetsov N.G. Heading for Victory. Moscow: Voenizdat; 1987. 463 p. (In Russ.)
14. Battles on the approaches to Leningrad 1941–1943. In: *Materialy konferentsii nauchnogo obshchestva pri Leningradskom okruzhnom Dome ofitserov = Proceedings of the conference of the scientific community of the Leningrad Okruzhnoy Dom of Officers*

ence of the scientific society at the Leningrad District Officers' Club. Leningrad: Na Strage Rodiny; 1970. 99 p. (In Russ.)

15. Baryshnikov N. I., Vargin N. F., Vinnitsky L. G., et al. History of the Order of Lenin of the Leningrad military district. 3rd ed., corrected. and add. Moscow: Voenizdat; 1988. 445 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Мурга Николай Валериевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: murga.kolya@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2445-4416

Nikolay V. Murga, Post-Graduate Student of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: murga.kolya@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2445-4416

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация бесплатная.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязательен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.
Все материалы направлять на официальный сайт журнала <https://hisplus.elpub.ru/jour>

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru